

"Соколиная охота"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Наталья Александрова

Соколиная охота

Мобильный телефон задрожал в лихорадке вибровызова, передавая владельцу нервное возбуждение.

Мужчина поднес трубку к уху и услышал то, чего давно уже ждал: «Готовность номер один!»

Трехчасовое ожидание в пустующем цеху подходило к концу.

На асфальтовой площадке, усыпанной строительным мусором и ржавеющими деталями комбайнов, показалась темно-зеленая «Тойота». Машина остановилась, из нее вышел высокий человек средних лет.

Черное длинное пальто и седые виски придавали ему солидную импозантность.

Мужчина в окне цеха включил видеокамеру, дал максимальное увеличение, чтобы как следует разглядеть лицо приехавшего, хотя он и так знал, кто это.

Уже несколько дней в три смены за этим человеком вели наблюдение, и наконец оно увенчалось успехом.

Вчера они проследили объект до этого полузаброшенного завода сельскохозяйственных машин и оставили здесь пост. И вот наконец Квадрат, как они в своих зашифрованных переговорах называли объект наблюдения, импозантного мужчину с седыми висками, пришел в расставленную для него ловушку. Теперь требовалось предельное внимание.

Наблюдатель следил за каждым движением Квадрата и одновременно снимал его на видеокамеру.

Вот он подошел к самой обыкновенной с виду стене складского помещения, провел по ней рукой и открыл незаметную со стороны крышку, под которой оказалась клавиатура кодового замка. Непроизвольно оглянувшись. Квадрат пробежал пальцами по клавиатуре, и часть грязной обшарпанной стены отъехала в сторону, открыв проход внутрь здания.

Квадрат шагнул внутрь, и стена за ним закрылась.

«Просто тысяча и одна ночь, - подумал наблюдатель, - пещера Али-Бабы».

Прошло около десяти минут, и стена снова отъехала в сторону.

Мужчина с седыми висками вышел наружу, огляделся, дождался, пока вход в «пещеру Али-Бабы» закроется, сел в «Тойоту» и уехал.

Наблюдатель достал из нагрудного кармана мобильный телефон, вызвал Центр и сообщил:

- Квадрат растаял. Перехожу к фазе два.

Получив подтверждение, он подхватил чемоданчик с аппаратурой, видеокамеру и спустился во двор.

Здесь он нашел ту точку, где стоял Квадрат, открывая пульт управления, но, даже точно зная,

где нужно искать, с большим трудом нащупал крышку.

Сняв ее и открыв клавиатуру, он достал из чемоданчика плоский черный ящичек декодирующего устройства, приложил его к пульту и включил рабочий режим. Прибор коротко загудел и тут же замолк: расшифровка простейшего кода занимала у него долю секунды.

Замаскированная дверь отъехала в сторону. Мужчина вошел в «пещеру Али-Бабы». Таймер отсчитал пять секунд, и стена с тихим шорохом встала на место.

Через секунду в помещении вспыхнул свет.

Бункер оказался небольшим помещением с голыми бетонными стенами и полом. Внутри стояло несколько металлических стеллажей, на них были сложены стопками картонные и пластиковые папки, коробки с дискетами и детали неизвестных устройств.

Мужчина задумчиво огляделся. Можно было очень долго перерывать содержимое стеллажей, но интуиция подсказывала ему, что вряд ли среди этих папок лежит то, что он искал.

На дальней от входа стене был приклеен полосками скотча фотокалендарь с изображением полуголой красотки. Движимый все той же интуицией, мужчина отклеил календарь от стены. Под глянцевым листом оказался кодовый замок, на этот раз гораздо более сложный, чем перед входом в бункер. Подключив к замку декодирующее устройство, он запустил его и приготовился ждать.

Черный ящичек загудел, на его дисплее замелькали, сменяя друг друга, ряды светящихся цифр.

Несколько минут прошло в напряженном ожидании, и наконец цепочка цифр застыла, послышался щелчок, и раскрылась дверца замаскированного сейфа. Мужчина заглянул внутрь.

В сейфе лежали пистолет «беретта», пачка денег и картонная коробка из-под бумаги для ксерокса.

Не обращая внимания на оружие и деньги, мужчина достал из сейфа коробку. Внутри ее оказались три компьютерных компакт-диска и пластиковая папка с документами.

На папке были напечатаны два слова: «Серебряный сокол».

Мужчина облегченно вздохнул: он сделал свое дело.

Положив папку и диски в чемоданчик, он закрыл сейф и повесил на место календарь. Собственно, в этом уже не было смысла, но им руководила выработанная годами секретной работы аккуратность и стремление оставить все таким, каким оно было до его прихода, попросту говоря, стремление не оставлять следов своего посещения.

Собрав инструменты и еще раз оглядевшись, он увидел перед выходом из бункера две кнопки. Одна из них должна была приводить в действие механизм дверей, вторая вполне могла быть ловушкой и включать взрывное устройство или еще какой-нибудь смертоносный сюрприз для нежеланного гостя.

Приподнявшись на цыпочки, мужчина внимательно осмотрел обе кнопки вблизи, под небольшим углом. Боковое освещение от укрепленных под потолком бункера ламп дневного света позволило ему тщательно разглядеть поверхность кнопок. Одна из них была покрыта

тонким слоем пыли, на второй пыли не было, значит, ею пользовались совсем недавно.

Мужчина нажал на эту кнопку и непроизвольно задержал дыхание.

Свет в бункере погас. В течение нескольких секунд ничего не происходило, и он почувствовал капли пота, сползающие по лицу. Вдруг эта кнопка тоже ловушка, и сейчас бункер медленно заполняется смертоносным газом?

Но неожиданно в темноте послышалось негромкое гудение мотора, дверь отъехала в сторону, и в открытый проем хлынул солнечный свет.

Переведя дыхание, мужчина шагнул наружу, и грязный заводской двор показался ему удивительно приятным местом. Он поставил чемоданчик на землю, достал из кармана мобильный телефон, вызвал Центр и сообщил:

- Цель у меня. Осложнений нет. Можно переходить к фазе три.
- Молодец, Алеша! - послышался позади чуть хриловатый голос. - Отлично сработано!

Мужчина схватился за оружие и резко повернулся.

У него за спиной стоял высокий человек лет сорока, подтянутый и спортивный.

- Это вы, шеф? - удивленно воскликнул вышедший из бункера человек, слегка шурясь: его глаза еще не привыкли к яркому солнечному свету. - Но ведь по плану операции...
- План операции изменился, - сказал шеф и, не вынимая руки из кармана, выстрелил в своего подчиненного.

Выстрел прозвучал негромко, будто открыли бутылку шампанского. В глазах Алексея, сменяя друг друга, вспыхнули удивление, вопрос, обида, ужас.

* * *

В это время дня в кафе «Янцзы» было немногочленно. Постоянные посетители - персонал расположенных рядом агентства недвижимости и крупной компьютерной фирмы - уже отобедали, а компании, которые заказывают столики на вечер, еще не начали собираться.

В дальнем углу зала под китайской картинкой с изображением яркого петуха мама с дочкой лакомились фруктами в карамели, окуная кусочки горячего ананаса в чашку с холодной водой, да пышная девица с яркими глупыми глазами и румянцем во всю щеку устала весь стол тарелками китайских деликатесов и размышляла, с чего начать.

Открылась входная дверь, и в кафе вошли мужчина и женщина, старательна показывающие всем своим видом, что они не вместе. Женщина - молодая, очень подтянутая, спортивная, хорошо одетая; мужчина - гораздо старше, хотя далеко еще не старик: красивое породистое лицо, капризный рот, седые виски.

Лариса, опытная официантка, которую профессия сделала физиономистом, поспорила бы на месячную зарплату, что эти двое - любовники. Но они сели в разных концах зала и делали вид, что незнакомы.

«Тогда уж и пришли бы в разное время!» - подумала Лариса.

Заинтригованная, она подошла к мужчине. Он заказал бутылку минеральной воды и сказал, что дождется друга, тогда и сделает настоящий заказ. Девушка попросила кофе. Для этого не нужно идти в китайский ресторан. Впрочем, это ее дело, клиент всегда прав.

Мужчина потягивал свою минералку, краснощекая красotka приступила к утке с имбирем, мамаша с дочкой закончили десерт и попросили счет. В это время дверь распахнулась, как от порыва ветра, и в зал вошли типичные «быки» – охранники. Кожаные куртки, казалось, едва не лопались на бицепсах. Охранники оглядели посетителей, придержали дверь и пропустили своего шефа – толстого курчавого брюнета лет пятидесяти с заплывшими жиром глазками и тройным подбородком. Толстяк прошел к столу мужчины с седыми висками, один из охранников отодвинул стул, помог ему сесть. Толстяк мигнул, и охранники сели за один из столиков в стороне, внимательно оглядывая пустой зал.

Впрочем, увидев краснощекую девушку, они в основном уставились на нее.

«Вот ведь корова, – подумала Лариса, – ест все, что угодно. О фигуре нисколько не думает, а мужики на нее пялятся. Ну ничего, это только по молодости, к тридцати потускнеешь, душечка!»

Лариса подошла к столу, за которым двое мужчин явно вели деловой разговор. При ее приближении они замолчали, толстяк настороженно посмотрел и недовольно пробурчал:

- Попозже, дай поговорить!

Потом взглянул на кого-то за ее спиной и сказал:

- Спокойно, Геша, спокойно.

Лариса оглянулась и вздрогнула: один из «быков», широкоплечий парень с курносой веснушчатой физиономией, стоял у нее за спиной, держа в руке огромный черный пистолет. Услышав приказ шефа, он вздохнул, вернулся за свой столик и вновь стал смотреть на румяную девушку, которая перешла уже к судачу в лимонном соусе.

Лариса отошла к двери в кухню, оглядывая зал и следя, не нужно ли чего-нибудь посетителям.

Снова открылась дверь, и появилась еще одна девушка – высокая, худощавая, в свободном светлом плаще. Лариса забеспокоилась: ей не понравились глаза новой посетительницы. Она не могла бы сказать, что именно было не так в этих глазах, но они не нравились ей. Лариса двинулась было навстречу девушке в плаще, но почему-то передумала и вернулась.

А эта девушка дошла до середины зала и неожиданно распахнула плащ.

В ту же секунду в зале наступил конец света. В руках девушки оказался короткий черный автомат, и она открыла из него огонь сначала по телохранителям курчавого толстяка, а потом по нему самому и его собеседнику. Веснушчатый громила вскочил и попробовал вытащить свой пистолет, хотя его грудь уже пересекала цепочка темных дымящихся отверстий, но девушка хлестнула по нему еще одной очередью, и «бык» рухнул на стол, стащив с него скатерть и залив все вокруг темно-красным. Толстый хозяин осел, выпустив изо рта кровавый пузырь, затем дернулся всем телом и опрокинулся вместе со стулом на спину, дрыгая короткими ногами и истошно крича. Получив еще один выстрел, он затих. Его собеседник умер так же красиво, как жил: охнул и откинулся на спинку стула, как будто задумался о смысле жизни, и только черная дыра посредине лба портила его интеллигентный облик.

Закончив свою работу, девица в плаще бросила автомат на пол и спокойным деловым шагом направилась к дверям. Когда она проходила мимо столика румяной красотки, та взвизгнула, вскочила, но тут же споткнулась и упала, опрокинув на себя стол со всеми недоеденными деликатесами.

Лариса услышала чей-то визг и вдруг поняла, что визжит она сама. Мамаша, которая в гардеробе помогала своей дочке застегнуть узкую черную курточку, застыла, бледная как смерть, заслоняя собой девочку.

Девица-киллерша окинула кафе равнодушным взглядом и исчезла из него навсегда.

Из кухни появился наконец Василий Васильевич, как называл персонал кафе хозяина-китайца, произнести настоящее имя которого русскому человеку не под силу.

Василий Васильевич оглядел зал. По его невозмутимому лицу никогда нельзя было понять, что он думает. Взглянув на Ларису, он распорядился:

- Консяй виззять! Милиция визивай, «Скорая помоси» визивай.

- «Скорую» - то для кого? - растерянно спросила Лариса. - Мертвые они все.

- Не все, - возразил хозяин, - вот для та дамочка «Скорая помоси» визивай. - Он указал на краснощекую красотку, которая, уже не такая румяная, как прежде, сидела на полу вся в мидиях и соевом соусе и, размеренно охая, держалась за левую ногу.

* * *

Надежда Николаевна Лебедева отвернулась к стене и накрылась с головой одеялом. Весь мир ополчился против нее, и настроение от этого было отвратительным. Она в который раз стала перечислять в уме все неприятности, происшедшие с ней за последние полтора месяца.

Начать с того, что сорок шесть дней назад, пятого марта, в субботу, она уговорила своего мужа Сан Саныча покататься на лыжах. Причем уговаривала долго, потому что Сан Саныч, обычно легкий на подъем, в этот раз что-то засомневался и сказал, что хотел бы провести выходной дома, в тепле. Надежда же руководствовалась двумя причинами. Во-первых, зима близилась к концу, и почему бы в последний раз не насладиться лыжной прогулкой, а во-вторых, она опасалась, что если муж будет дома, то его вызвонят по телефону по какому-нибудь срочному делу, как уже бывало не раз, и тогда - прощай выходной!

Не иначе, как в тот день в Надежду вселился бес, который и руководил всеми ее поступками. Вместо того чтобы тихо-мирно прокатиться по лыжне вокруг озера, ее понесло на гору. Сан Саныч пробовал протестовать, но смирился.

На горе было много народу. И вот, когда Надежда Николаевна лихо съехала с не очень крутой горки и приветственно махала палкой своему мужу вверх, какая-то корова в розовом адидасовском костюме не смогла затормозить и впилилась в нее со всего маху.

От удара лыжей по ноге Надежда упала, ботинок запутался в креплении, да еще вес у коровы был даже не коровий, а слоновый. В общем, последнее, что услышала Надежда, был треск, как будто рвется крепкая материя. Треск заглушил ее собственный крик, и Надежда потеряла сознание.

Очнулась она очень скоро от того, что муж сильно хлопал ее по щекам. Вокруг столпились

люди, кто-то освободил ее ногу от креплений, кто-то протягивал термос с горячим чаем. Нога у Надежды не болела, просто ничего не чувствовала. Нашелся среди окружающих медик, который приблизительно определил перелом голени, и муж коровы вызвался отвезти Надежду в больницу – у него оказалась неподалеку машина.

Обиднее всего было то, что сама розовая корова ничего себе не сломала – даже лыжи у нее оказались целы. Она тихонько стояла в стороне и виновато молчала.

Отзывчивые лыжники помогли погрузить пострадавшую в машину и вернулись на гору. Надежда по дороге в больницу жутко злилась, причем злость ее усугублялась тем, что злиться, собственно, можно было только на себя. Муж вел себя спокойно, не ахал, не рвал на себе волосы и не воздевал руки к небу, восклицая: «Ах, на кого же ты меня оставляешь?», и Надежда окончательно обиделась. Нога в машине начала болеть, и в приемном покое больницы подтвердились худшие Надеждины опасения – не растяжение, не трещина, а самый настоящий перелом. Хирург, преступно молодой, на взгляд Надежды, наложил гипс, да еще и присовокупил, мерзавец, что заживать нога будет долго, а принимая во внимание возраст больной, он вообще не может гарантировать правильного срастания кости. Представив себя неразлучной с костылем до конца дней своих и возмущившись ссылкой на возраст, Надежда просто задохнулась от злости, но сил на достойный ответ наглому мальчишке-хирургу уже не осталось.

Дальше наступил краткий период понижения неприятностей, ибо Надежду в гипсе выдали мужу, и он отвез ее домой, причем вел себя благородно и не кидал по дороге фразы типа: «Я же предупреждал, что так будет!» или «Если бы ты хоть изредка слушалась мужа, с тобой ничего бы не случилось...».

Три недели Надежда провела в четырех стенах в обществе кота Бейсика, поскольку муж, как обычно, много работал и приходил поздно. И вот когда она окончательно озверела, в поликлинике сняли гипс и сообщили ей, что тот мальчишка-хирург как в воду глядел: нога не то вообще не срослась, не то срослась, но не правильно, а уж кто в этом виноват – возраст или неопытный хирург, – они в поликлинике, если бы и знали, все равно не сказали – честь мундира, сами понимаете. Надежда ничего не хотела понимать, кроме того, что ногу опять придется гипсовать, и это вызвало у нее приступ почти буйного помешательства. Врач в поликлинике испугался и направил ее на консультацию к профессору, а тот дал направление в больницу. Муж проявил строгость и почти силой положил Надежду в отделение травматологии. Ногу долго просвечивали рентгеном, потом снова загипсовали. Ходить Надежда с трудом, но могла – гипс был очень аккуратным. Персонал в отделении подобрался незлобный, лечащий врач Надежде симпатизировал, но вот соседи...

Палата оказалась трехместной, и, когда Надежда вошла и поздоровалась, ей указали место у окна – никто не хотел занимать ту кровать. Надежда легла и поняла почему – из небольшого узкого окошка ужасно дуло, кроме того, окно выходило прямехонько на больничный морг. Соседка справа представилась: «Сырникова, Лора Михайловна» – и поглядела на Надежду подозрительными, близко посаженными глазками.

Соседкой слева оказалась здоровенная бабища – многодетная мать семейства, как узнала потом Надежда. Ее навещала семья – муж и три сына, все очень похожие друг на друга: толстые, с круглыми лобастыми головами. Фамилия у них была соответствующая – Поросенки. Мама Поросенке залезла на стул, чтобы снять со шкафа кухонный комбайн, стул не выдержал ее веса и подломился. Она упала и сломала руку. Сырникову сбила машина, сломав ей три ребра и лодыжку, и она бесконечно рассказывала в палате, как ляжет костыми, но засудит водителя на самый большой срок.

Поросенке поглощала множество домашней еды, обильно сдобренной чесноком, и ночью оглушительно храпела. Сырникова пробовала цепляться к ней, но та не реагировала, и тогда вредная баба стала изводить Надежду. Нервы у Надежда Николаевны были не в лучшем состоянии, организм ослаблен длительным нахождением без воздуха и весенним авитаминозом, поэтому Надежда, сама себе удивляясь, очень болезненно реагировала на мелкие склоки и придирки.

Вот и сейчас Сырникова, хитро поглядывая на Надежду, начала рассказывать длинную историю о том, как одна ее знакомая вот точно так же сломала голень, и точно так же нога не хотела срастаться, и ломали ее три раза, после чего знакомая так и осталась на костылях, да еще и муж ушел к молоденькой медсестре.

Надежда отвернулась к стене и делала вид, что дремлет. Сырникова замолчала, не имея слушателей.

Надежда немного успокоилась и сказала себе, что полоса неудач должна же когда-нибудь кончиться. Судя по всему, это случится довольно скоро, потому что доктор вчера сказал ей, что нога заживает правильно и через несколько дней можно будет снять гипс. Вскоре обещают выписать Поросенке и, даст бог, положат кого-нибудь, кто не станет так ужасно храпеть ночами.

Сырникову хорошо бы, конечно, придушить ночью подушкой, но неохота связываться, поэтому надо просто не разговаривать с ней. Или же можно придумать более утонченную месть. Надежда давно прознала, что Сырникову зовут вовсе не Лора, как она представилась вначале, а Велора, что означает Великая Октябрьская революция. Сырникова очень не любит свое имя, так Надежда нарочно будет ее так называть.

С середины апреля наступила чудесная погода, и Надежда очень довольна, что лежит у окна: можно приоткрыть щелочку и дышать свежим ночным воздухом.

Днем Сырникова не разрешает, ей, видите ли, дует.

К серому кубику морга Надежда уже привыкла и совершенно не реагировала на скорбные группы ожидающих своего покойника родственников и сослуживцев.

Кроме всего, был и еще один факт, который несколько примирял ее с нынешним положением вещей. В марте у Надежды Николаевны был день рождения, и в этом году как раз подступил ненавистный пятидесятилетний юбилей. Надежда заранее с ужасом представляла себе это событие – как сотрудники на работе подарят какой-нибудь сервиз или переносной телевизор, как начальство будет официально поздравлять и зачитывать адрес от дирекции, как мужчины будут смотреть равнодушно, а женщины – с неприкрытым злорадством. И все будут знать, что ей исполнилось пятьдесят лет. После такого юбилея выход один – вешаться.

И вот благодаря перелому юбилей удалось замотать. Как говорится, нет худа без добра!

Надежда осторожно высунула голову из-под одеяла. Анна Поросенко спала, посапывая, – храпела она только ночью. Сырникова, привычно призывая кары небесные на голову сбившего ее водителя, прижав руку к сломанным ребрам, поднималась с кровати, чтобы идти смотреть телевизор в холле. Надежда приободрилась и достала из тумбочки детектив.

Час прошел спокойно, а перед ужином Сырникова вернулась в комнату с сияющими глазами.

– Сейчас по телевизору передавали: перестрелка в китайском ресторане! – выпалила она. –

Четыре трупа, и еще есть жертвы!

- Какой ресторан? – деловито спросила проснувшаяся Поросенке.

Она работала бухгалтером в оптовой фирме, поставляющей продукты, и знала все предприятия общественного питания в своем районе.

- Кафе «Янцзы», тут недалеко, всего в трех кварталах! – захлебывалась Сырникова, она обожала смотреть криминальные новости со смертельным исходом.

Надежда вздохнула и убрала книгу в тумбочку.

- Опять мафиозные разборки! – авторитетно заявила Сырникова.

- И мирные люди пострадали? – не удержалась от вопроса Надежда.

- Нечего среди бела дня по ресторанам шастать! – припечатала Сырникова, и Надежда снова отвернулась к стене.

Сырникова еще пару раз смоталась к телевизору, но больные смотрели сериал про латиноамериканскую любовь и на новости переключить не позволили.

Зато утром перед завтраком в палату явилась уборщица тетя Дуня и рассказала, что всех пострадавших в китайской заварушке отправили в их больницу, кого – в отделение, а кого, сами понимаете, в морг. Сведения, поступившие от тети Дуни, были почти что из первых рук, поскольку она находилась в дружественных отношениях со сторожем морга.

По наблюдению Надежды, тетя Дуня и сторож дружили не вдвоем, а втроем – третьей была бутылка. Но этот факт дела не менял – сведения были верными.

- Четверо их, – рассказывала тетя Дуня, – все насквозь простреленные. Парни, что привезли их, говорят – кровищи в ресторане, как на бойне! Девки-официантки от страха все уписались, один хозяин как огурчик, все ему нипочем.

- Китайцы живучие! – поддержала разговор Поросенко. – Что ему, косоглазому, сделается?

- А положила их всех баба! – торжественно выдала тетя Дуня.

- Не может быть!

- Вот те крест! Пришла, постреляла всех и ушла!

- А в живых-то кто-то остался? – полюбопытствовала Надежда. – Раненых много?

- Я про живых ничего не знаю! – ответила тетя Дуня. – Вот про покойников я тебе все точно скажу: один был там сильно крутой, при нем два бугая-телохранителя, их первых положили. Потом еще один мужик, который рядом был.

- Ужас какой! – вздохнула Поросенке.

- Не говори, девонька! – подхватила тетя Дуня. – И кому мы в смерти будем нужны? После смерти все одинаковые. Бедный ли, богатый, хозяин или холуй – все рядышком в морге лежат, в одном холодильнике...

Пришла сестра-хозяйка и вызвала тетю Дуню, а обитатели палаты занялись утренним туалетом в ожидании врача. После обхода Надежду услали на процедуры, а когда она вернулась, то застала в палате крик и оживление. Низенький мужичок в ватнике под присмотром сестры-хозяйки выносил из палаты тумбочку и столик.

- Не имеете права! - надрывалась Сырникова. - Я буду жаловаться главврачу!

- И так обойдетесь, не баре! - отлаивалась сестра-хозяйка.

Надежда тихонько осведомилась у Поросенке, что случилось, и получила ответ, что к ним подселяют четвертого человека, а чтобы поместилась кровать, нужно вынести тумбочку.

- И так невозможно спать от духоты! - орала Сырникова.

- Окно откройте! - невозмутимо отвечала сестра.

- Тогда дует!

- Здесь вам больница, а не курорт! - припечатала сестра и вышла из палаты, одержав полную победу в споре.

Надежда пожала плечами и согласилась: действительно, не курорт.

Принесли кровать, а для этого пришлось сдвинуть Сырникову ближе к двери. Потом тетя Дуня шлепнула на кровать продавленный матрас и белье, серое от частых стирок, после чего два студента приволокли в палату крупную девицу с загипсованной левой ногой и с превеликой осторожностью опустили ее на кровать.

Вообще парни что-то слишком суетились, и Надежда вскоре поняла почему. Девица устроилась на кровати поудобнее, обвела всех темными коровьими глазами и глубоко вздохнула:

- О-ох!

Несмотря на сломанную ногу, от девицы просто веяло здоровьем и жизненной силой. Кожа у нее была гладкая, зубы белые без всякого «Орбита», густые темные волосы наспех сколоты узлом. От вдоха грудь ее приподнялась, и Надежда вспомнила монолог артистки Дорониной из одного старого фильма:

«У меня был медальон. Так он у меня не висел, он лежал горизонтально...»

Медальона у девицы не было, но в том, что он может лежать на такой груди горизонтально, можно было не сомневаться. Одним словом, от новой соседки по палате распространялась такая естественная, природная сексапильность, что в палате сразу стало ощутимо теснее.

Сырникова, разглядев девицу, издала разъяренное шипение, но пока промолчала.

Весь день в их палату совершалось нашествие мужчин.

Поглядеть на девицу - ее звали Любой - шли все: студенты и ординаторы, практиканты и хирурги из соседнего отделения, солидные немолодые врачи с курсов повышения квалификации, анестезиолог Алексей Федорович и даже больничный кот Скальпель.

Любка валялась на кровати в распахнутом халате, непрерывно что-то жевала и улыбалась всем визитерам одинаковой белозубой улыбкой.

К концу дня Надежда всерьез начала опасаться за здоровье Сырникова, потому что та зеленела на глазах. К вечеру, когда в палате стало посвободнее, разразился скандал.

- И чего это тебя к нам подселили, - шипела Сырникова, - что ты за птица такая?
- Потому что мне нужен покой, - невозмутимо ответила Любка, - а там палата - десять человек, кто храпит, кто во сне кричит, ночью спать мешают.
- Относительно храпа, - вполголоса заметила Надежда и показала глазами на Поросенке, - не удивляйся ночью.
- Мне, может, тоже покой нужен, - не унималась Сырникова, - а теперь, по твоей милости, я у двери на сквозняке лежу! Вот напишу завтра главному заявление - тебя вообще в коридор выселят!
- Ага, разбежалась, - насмешливо проговорила Любка, - как бы тебе самой в сортире не оказаться. Юрику только попросить - они все сделают.
- И кто же такой Юрик? - любопытствовала Поросенке.
- Хахаль мой! - ничуть не смутившись, ответила Любка и показала маленький мобильный телефон. - Сказал: если что не так - сразу звонить ему, он завтра приедет, разберется. Вот, кстати, нужно сообщить, что в другую палату меня перевели.

Она набрала номер и пропела в трубку:

- Майора Голубца попросите, пожалуйста! Ах, домой ушел? Нет, ничего не передавайте, я завтра позвоню.
- Что ж ты ему домой не перезвонишь? - ехидно спросила Сырникова.
- Домой нельзя, - простодушно ответила Любка, - у него дома жена и теща...
- Ах, вот как? Ты, значит, у него в любовницах состоишь?
- А вам-то что? - хором удивились Надежда с Любкой.
- А то, что всякая шалава будет меня к двери двигать! - заорала Сырникова.
- Иди ты в задницу! - спокойно ответила Любка и полезла в тумбочку за шоколадным печеньем.

Сырникова по указанному адресу не пошла, но примолкла, и инцидент на некоторое время был исчерпан.

Поздно ночью Надежда привычно проснулась от храпа Поросенке. Любка сидела на кровати в одной тонкой рубашке, чуть не лопающейся на груди, и тосковала.

- Она так постоянно? - шепотом произнесла Любка, хотя можно было орать, как в лесу - все заглушал мощный храп, по тембру напоминавший рокот мотора военного вертолета.
- Как тебе сказать... - задумалась Надежда. - Иногда повернется на бок и замолчит.
- Ужас какой! И зачем меня сюда перевели?

- Ее скоро выпишут, - утешила Надежда.

- Черт, спать расхотелось, - протянула Любка. - Пойдемте, Надежда Николаевна, покурим, что ли...

- Курить нельзя, - вздохнула Надежда, - и спиртного нельзя, а то перелом не срастется.

- А мы никому не скажем, - предложила Любка.

Убежденная такой необычной логикой, Надежда немедленно согласилась. Они поднялись, накинули халаты и пошли по коридору, поддерживая друг друга, потому что ноги у обеих были в гипсе: у Любки - левая, а у Надежды - правая.

- Пара хромых, запряженных зарею... - ворчала Надежда на ходу. - Ну и зрелище мы с тобой представляем!

Они чудно поболтали за сигареткой, Любка рассказала, что приехала год назад с Западной Украины. Там нет работы и русских, как и везде, кроме России, не больно-то любят. Жил с ней один начальник, но жена у него попалась уж больно несговорчивая, прямо ведьма. Грозилась Любке в лицо кислотой плеснуть.

Любка не захотела рисковать, собрала чемодан, да и дала деру. А здесь у нее никого нет, так что пришлось вначале к черному в ларек сесть. После уж нашла работу в магазине парфюмерном, но там тоже у директора жена сердитая попалась, вопрос ребром поставила: или Любка увольняется, или она свою долю магазина продает - они с мужем совладельцами были. Только Любка приуныла, как тут кстати магазин ограбили.

Так они с Юриком познакомились.

- Кто он, этот твой Юрик?

- Майор милиции, он как раз по вызову приезжал.

Юрик меня из того магазина забрал, квартиру мне снимает, с работой обещал помочь, заботится, в общем...

- Ну и ладно, - примирительно сказала Надежда, - раз заботится. А как же ты сюда-то попала?

- Долго рассказывать. - Любка зевнула во весь рот. - Как-нибудь в другой раз расскажу.

* * *

Накануне вечером возле входа в китайский ресторан «Янцзы» остановился малиновый джип «Чероки», из него выпрыгнули двое коротко стриженных парней. Один из них - очень крупный, плечистый, накачанный до предела - подошел к дверям и нажал на кнопку звонка. В ресторане было закрыто по причине вчерашней перестрелки. Официантки отмывали зал от крови, хозяин-китаец подсчитывал убытки, повар на всякий случай держал наготове два-три блюда для усиленно посещающей в последнее время ресторан милицейской братии.

Не дождавшись ответа, парень постучал в дверь мощным кулаком. В ресторане видели и джип, и бойцов. Василий Васильевич понял, что прибыли по его душу, тяжело вздохнул и сам пошел открывать.

Вошли трое: двое охранников и старший - горбоносый черноволосый мужик средних лет, из

южных народов, как определила выглянувшая из подсобки официантка Лариса.

Самый здоровый – точная копия охранника Геши, которого застрелили позавчера вместе с хозяином, – злобно пнул ногой стул, отодвинул стол и споткнулся о ведро с грязной водой. Вода выплеснулась и запачкала бандиту брюки. От этого он еще больше разозлился и начал было крушить все подряд – изорвал красивую картинку с петухом, висевшую на стене, опрокинул пару столов и направился уже к стойке бара, чтобы перебить там бутылки с напитками.

– Мальсики, мальсики! – Хозяин-китаец попробовал урезонить незваных гостей. – Не надо сум, не надо скандал! У меня крыса есть...

– Ты че мелешь, косоглазый! – рявкнул на Васильича толстый рослый «бык». – Какая еще крыса? Ты че – крысами русский народ кормишь? Сам жри свою крысятину!

– Моя крыса – нельзя скушать, моя крыса – Гена Суруп...

– Василий Васильевич говорит, – вступила в разговор Лариса, – что у нас «крыша» есть, Гена Шуруп...

– А мне что крыса, что «крыша» твоя, задница азиатская! Ты сперва по-русски научись говорить! – Толстый попер на китайца и схватил его за лицо своей волосатой пятерней.

Китаец все с тем же жалким и безобидным видом неожиданно юрко вывернулся из-под руки толстяка, крутанулся на одном месте, схватив «быка» за кисть, и тот с удивленным криком отлетел в угол и грохнулся на пол. При его падении раздался грохот, как от удара о землю Тунгусского метеорита, и стаканы на стойке бара жалобно звякнули.

– Ну ты, морда косоглазая! – кинулся к Васильичу второй мордорот, повыше и похудее. – Ты что это себе позволяешь? Да я сейчас твою башку китайскую оторву и в унитаз спущу!

– Мальсики, мальсики, не надо драться! – Китаец с преувеличенным испугом отступил перед бандитом и вдруг молниеносно скользнул в сторону, подсек его правую ногу, а затем резко ударил сзади по шее ребром ладони. Боевик чуть слышно охнул и упал вниз лицом как подкошенный.

– Bravo, bravo! – Поджарый кавказец, явно главный среди незваных гостей, стоял ухмыляясь и хлопал в ладоши, ехидно посматривая на стонущих и пытающихся подняться «быков». – Большое вам спасибо, Василий Васильевич, вы очень убедительно показали моим пижонам две вещи. Во-первых, что нельзя недооценивать противника, делая выводы по его внешнему виду, и, во-вторых, что нужно тренироваться каждый день. Я бы вас, любезный, пригласил к себе инструктором по рукопашному бою, да боюсь, что вам некогда. Ресторан много времени отнимает. А если мы здесь устроим беспорядок, столы поломаем, посуду перебьем... чисто случайно, конечно, то времени потребуются еще больше. Я очень уважаю ваш молодой не по возрасту задор и вашу восточную невозмутимость, но вы же понимаете, что против лома нет приема и если мы сильно рассердимся, то никакое ваше кун-фу не поможет. А что касается этого Гены Шурупа, то вы его совершенно правильно охарактеризовали: Гена не «крыша», а крыса, причем крыса мелкая.

Китаец стоял все в той же позе полного смирения.

Толстый «бык» наконец поднялся на ноги и снова двинулся на Василия Васильевича, но броне одернул его, прикрикнув:

- Вовчик, незачем дважды наступать на одни и те же грабли! Дай нам поговорить с нашим китайским другом.

- Дух! - повернулся Вовчик к старшему. - Разреши, я ему набью морду косоглазую! У меня на него душа горит!

- Успокойся, Вовчик, я тебе ясно сказал! И ничего ты ему не набьешь, старик сделает тебя в одни ворота, угомонись!

Вовчик неохотно отошел в сторону, а кавказец осторожно приблизился к хозяину ресторана и продолжил:

- Отец, мы на вас не в обиде, только я попрошу: расскажите, что за человек встречался вчера с нашим покойным боссом.

- Это - толстая, жилная, челная? - осведомился китаец.

- Отец, ну зачем вы так неуважительно... о покойнике, - ухмыльнулся Дух. - Ну, скажем так: наш покойный босс действительно был человек дородный, брюнет, как и мы с вами... короче, нас очень интересует, с кем он здесь встречался.

- Он же вас хозяина, - невозмутимо проговорил китаец, - разве он вам не говорил, с кем встлечается?

- Он хозяин, а не сямка, с чего бы ему все рассказывать? Ты вон девчонкам своим, - Дух мотнул головой на официанток, испуганно жмущихся к стене, - много рассказываешь? А он большой человек был, не чета тебе!

- Я плохо их видел, - китаец опять сжался и сгорбился, всячески подчеркивая свою немощь и ничтожность, - вот Лалиса их холосо видела, у Лалисы глаза холосые, память холосая. Лалиса, ласкажи господину, сто видела.

Лариса кивнула, послушно отделилась от стены и заговорила:

- Ну, видела я его... пришел пораньше вашего хозяина, попросил минералки, заказывать больше ничего не стал, сказал: «Друга жду. Друг придет - тогда и закажем...» - а когда пришел этот, хозяин-то ваш, тоже ничего не заказали, так что, кроме битой посуды и неприятностей, ничего от них...

- Мадам, - прервал Ларису кавказец, - нас не интересуют ваши убытки и ваше разбитое сердце. Нас интересует, как он выглядел, что говорил...

- Ну как выглядел? Хорошо выглядел, интересный мужчина. Виски седоватые, видный такой... Вроде артиста или музыканта. На вашего брата совсем не похож, - Лариса окинула криминальную тройцу осторожным недоброжелательным взглядом, - немножко на артиста Тихонова смахивает...

- На кого? - удивленно переспросил Вовчик.

- На Штирлица, деревня! - пояснил Дух. - Да, покойный Кабаныч с артистами дружбу не водил...

Вот с артистками - случилось... - Дух ухмыльнулся.

Лицо Вовчика перекошилось от невысказанного умственного напряжения.

- Типа, на Штирлица, говоришь, - протянул он, что-то мучительно припоминая.

Дух насторожился и встряхнул своего подчиненного:

- Что, Вовчик, ты этого Штирлица где-то видел?

Давай, вспоминай, шевели мозгами.

- Да я не знаю, может, в натуре, это и не то совсем...

- Ты расскажи, а я уж буду думать - то или не то.

- Да вот недели две назад шеф покойный послал меня с Гешей, тоже покойным, в аэропорт, типа, мужика одного встретить... типа, японца.

- Японца? - удивленно переспросил Дух. - Может, китайца? Ты что, Вовчик, японца от китайца отличить сможешь? Они же все на одно лицо, вот хоть Вас Ильича возьми...

Вовчик злобно покосился на хозяина ресторана и ответил:

- Говорю реально - японца! Это Геша сказал, и мы сперва за девчонкой заехали, которая, типа, по-японски, конкретно, тарыхтит. Специальная контора такая, где переводчиков нанимают. Там заранее договорились, а девчонка нас уже ждала.

- Девчонка переводила, Геша встречал, а тебя-то на фига послали? - поинтересовался Дух недоверчиво.

- Да за рулем я сидел, конкретно! - объяснил Вовчик. - Мы когда в аэропорт приехали, Геша с девчонкой пошли японца встречать с плакатиком, а я остался в машине, чтобы, типа, не угнали... да и вообще...

- С каким плакатиком? - поинтересовался Дух.

- Ну с каким... там, если кого встречают, типа, незнакомого, плакатик держат с его именем, Толян там или как... Вот и Геша взял плакатик... что-то там было написано вроде Хероси Нафигаси... В общем, типа того. Полчаса я посидел, они возвращаются, и с ними, реально, японец. По-своему, типа, тарыхтит, а девчонка, конкретно, все переводит. Ну я уж, типа, не помню, об чем базар был...

- Слушай, Вовчик, при чем тут японец? Ты же про Штирлица говорил.

- Ну ты слушай, Дух, не сбивай, я и так еле вспомнил! Я же к тому, конкретно, и веду! Отвез я их всех в гостиницу, там, видно, японец остался, спать там или что, у них же в Японии ночь, наверное, а Геша с девчонкой вышли. Геша девчонке и говорит: «Завтра, типа, будут переговоры, мы за вами заедем. А сейчас наш водитель отвезет вас куда надо...» В общем, я Гешу у метро высадил, а девчонку повез обратно в фирму, только не доехали мы. Она вдруг меня по руке, типа, хлопнула и говорит: «Остановитесь!» Я встал, она выскочила и подбежала к мужику. Вот этот самый мужик был на Штирлица здорово похож... и височки седые, как эта баба говорит.

- Ну и что девчонка?

- Конкретно, с этим Штирлицем базарила. Потом он ей сказал что-то, она на меня обернулась, и пошли в сторону... Ну а я к шефу поехал, натурально, чего мне ждать?

- Интересно, - задумчиво протянул Дух, - значит, эта девчонка-переводчица Штирлицу стучала, о чем с японцем говорили, и все такое... Прямо что твоя радистка Кэт... Ладно, разберемся, найдем ее через фирму. А ты мужика этого, Штирлица, хорошо запомнил?

- Да вроде помню. - Вовчик пожал плечами. - Этого, как его, склероза пока что нету.

- Тогда надо нам с тобой навестить его, посмотреть, тот или не тот.

- Ты что, Дух, в натуре, с катушек съехал? Как его навестить - он же, конкретно, помер? Его ведь заодно с шефом замочили!

Дух резко шагнул к Вовчику, схватил его за ворот рубахи и встряхнул, как нашкодившего щенка, так что у семипудового бандита клацнули зубы.

- Ты, падаль лагерная, фильтруй базар! Еще когда скажешь, что я с катушек съехал, - на месте замочу!

Сейчас только потому прощаю, что знаю: у тебя все от глупости. А в следующий раз дуростью не отмажешься!

После этого выпада Дух отпустил Вовчика, отступил на шаг и совершенно спокойным голосом пояснил:

- В морге мы навестим твоего Штирлица, в морге.

Он в том же самом лежит, где шеф наш покойный. Заодно и босса навестим, предпоследний, так сказать, долг.

После этой реплики Дух вспомнил о существовании Ларисы, резко повернулся к ней и рявкнул:

- Ну, красавица, говори, что еще запомнила? Вы, халдейки, бабы наблюдательные!

Лариса хотела было рассказать про девицу, которая пришла в ресторан одновременно со «Штирлицем» и, судя по всему, была с ним связана, но грубый напор Духа и его явное пренебрежительное хамство задела официантку, и она решила промолчать: зачем впутывать в эту криминальную историю невинную, может быть, женщину?

Однако Дух заметил мелькнувшую у нее в глазах неуверенность и прошипел:

- Ты что - играть со мной вздумала? Все, что знаешь, выкладывай! У тебя дети есть? Если не хочешь их в ящике получить, лучше не зли меня!

Лариса побледнела, отшатнулась от этого ужасного человека, подумала о своей Лизоньке и торопливо заговорила:

- С женщиной он пришел, вошли одновременно, делали вид, что незнакомы, а сами незаметно переглядывались... Ну и вообще, поверьте женскому взгляду - вместе они были.

Дух кивнул:

- Что за женщина? Опиши!

- Блондинка, лет двадцать семь, из себя ничего, интересная. Только уж очень высокая. И такая... как Никита в кино, вся на пружинах. Волосы длинные...

- Ну, красавица, у тебя все как в кино! - Дух криво усмехнулся. - Мужик - Штирлиц, девица - Никита... Отличная парочка. Больно много телевизор смотришь!

- А что мне еще делать? - огрызнулась Лариса. - Была бы богатая - в кино да в казино ходила бы, а так, всей радости - перед ящиком посидеть... Мужа нет, денег нет, да тут еще вы на мою голову...

- Ладно, не бойся, если все рассказала, не тронем.

А после стрельбы что с этой Никитой было? Это не она ногу-то сломала?

- Да нет, что вы, я же говорю - она такая ловкая!

А ногу сломала другая баба - молодая да толстая...

Столько еды набрала - вам троим не сожрать, а она хоть бы что... Если бы не стрельба эта - все бы умяла.

Но тут убийца эта, киллерша, мимо нее пошла. Она испугалась, на пол грохнулась и ногу себе сломала. Ее в больницу увезли, а та, которая с седым пришла, сбежала потихоньку... Я, пока очухалась, милицию да «Скорую» вызвала - смотрю, ее и след простыл...

- Ясно, - кивнул Дух. - Если еще что вспомнишь - позвони.

Он протянул официантке картонный прямоугольник с номером мобильного телефона и пошел к дверям, небрежно кивнув своему помятому войнству, чтобы двигали следом.

Жора Мирзоян по кличке Дух не был в криминальной империи покойного Кабаныча простым бригадиром, он занимал в ней один из ключевых постов, отвечая за вопросы безопасности. Поэтому убийство главаря в значительной степени ставили ему в вину, и только тем Дух сумел оправдаться, что Кабаныч никому, кроме двоих личных телохранителей, не сказал о намеченной встрече в китайском ресторане. Тем более Дух хотел лично разобраться в этой загадочной истории. Никому из людей Кабаныча не было ничего известно о человеке, погибшем вместе с боссом, о связывающих их двоих интересах, а теперь всплыл еще и какой-то японец.

Все это Жоре очень не нравилось. Шеф проворачивал какие-то дела, не посвящая в них братву и даже самого Духа - значит, шеф ему не доверял. Про японца знал только Геша, но Геша тоже убит.

Вообще, после смерти Кабаныча в группировке неизбежно должны были произойти большие перемены, и Жора не хотел остаться в стороне от пирога. Собственное его положение среди братвы было несколько неопределенным.

С одной стороны, его уважали и побаивались за крутой нрав, изредка накатывавшие на него вспышки ярости, когда он мог в одиночку наброситься на троих-четверых противников и раскидать их, как щенков.

Придавало ему вес и создавало некий романтический ореол прошлое: в молодости Жора неопытным солдатом воевал в Афганистане и попал в плен к душманам. Что он пережил в

плону – Жора никому не рассказывал, но выбрался оттуда сам, став после этого совершенно другим человеком. Именно там приобрел Жора склонность к вспышкам ярости и кличку Дух.

Разговаривать об этом периоде своей жизни он ни с кем не хотел. Даже когда Кабаныч по пьянке пристал с расспросами, Жора злобно выругался и ушел, не побоявшись навлечь на себя гнев всеильного главаря.

С другой стороны, в подчиненной Кабанычу саратовской группировке кавказцев, кроме Жоры, не было, он стоял особняком, не имея среди братвы ни друзей, ни земляков, ни родичей. Многие посматривали на него косо, и ему постоянно приходилось кулаками, а то и ножом отстаивать свое место в бандитской иерархии.

Жора, от природы далеко не глупый, понимал, что в предстоящей дележке пирога его могут запросто затоптать, и, если он хочет выжить, нужно вскарабкаться на самый верх и первым расправиться со всеми конкурентами.

Свойственная ему волчья интуиция подсказывала Жоре Духу, что встреча покойного Кабаныча в китайском ресторане, обставленная такой секретностью и даже назначенная на чужой территории, была очень важна, и разгадка этой таинственной истории может дать ему в руки козыри в борьбе за власть. Поэтому Жора лично отправился в ресторан, объясняя это тем, что должен найти убийцу шефа.

В действительности киллерша интересовала его гораздо меньше, чем таинственный партнер Кабаныча.

Жора специально взял с собой двоих на редкость тупых «быков», у которых не хватило бы мозгов разобраться в его частном расследовании и в случае удачи растрепать кому не следует о его результатах.

* * *

Надежда еще раз проснулась на рассвете. Поросенко уже не храпела, в палате было тихо, но невыносимо душно. Надежда осторожно, стараясь не скрипеть, села на кровати и приоткрыла окно. Пахло свежим ночным воздухом. Окно палаты, как уже говорилось, выходило на больничный морг, то есть видно было домик и входную дверь, а окна морга всегда замазывают серой краской, чтобы никто, не дай бог, не увидел, что там делают с покойниками. Между больничным корпусом и моргом росло несколько деревьев, а также пролегал народная тропа, которая вела от главного больничного корпуса к дырке в заборе: всем известно, что больничные ворота располагаются всегда очень неудобно по отношению к автобусной и трамвайной остановкам, поэтому посетители больницы давно уже выломали несколько железных штырей из забора, чтобы удобнее было проникать на территорию.

На улице стояла та предрассветная мгла, когда фонари уже не горят – кстати, на территории больницы их почти не было, – а дневной свет только-только набирает силу, поэтому Надежда с трудом видела лишь силуэты деревьев под окном. Она притихла, наслаждаясь свежим воздухом и запахом весенней прелой земли, как вдруг ей почудилось какое-то движение со стороны морга.

Если бы не стояла вокруг такая тишина, что даже ветка не шевельнулась от слабого ветерка, то Надежда не обратила бы внимания на посторонний звук. Но сейчас она явственно услышала чьи-то крадущиеся шаги. Вот зашуршали прошлогодние листья, хрустнул сучок... Кто это? Собака?

Надежда приоткрыла окно пошире и заметила едва видимый силуэт человека. Человек быстро шагнул по тропинке, что вела от дырки в заборе. В этом не было ничего странного – мало ли кто идет по территории, может, так удобнее срезать путь. Но Надежду удивили уж слишком настороженные движения идущего, чувствовалось, что человек стремится к одному ему известной цели, и цель эта очень серьезная.

Надежда еще успела подумать, что от скуки в этой больнице вообще скоро спят, вот уже начала придумывать всякую ерунду. Нужно срочно проситься на выписку. В это время силуэт свернул с тропинки в сторону морга и направился к двери. Над крыльцом тускло горела лампочка, и Надежде в ее неверном свете все же удалось рассмотреть человека получше.

Как с изумлением констатировала Надежда, это была женщина, причем, судя по мягкости и плавности движений, молодая. Она была высока ростом, одета в черное – куртка и узкие брюки. Длинные волосы были забраны в хвост на затылке. Если бы не волосы, ее легко было бы принять за мужчину – так была стройна и высока. Но эта обманчивая мягкость...

Женщина ступала неслышно, как кошка.

Надежда почувствовала озноб – она чуть не по плечи высунулась из окна, и ничего не прикрывало ее от рассветного холода, кроме тонкой ночной сорочки.

Однако никак нельзя было оторваться от окна, потому что иначе она не узнает, что незнакомке понадобилось в морге среди ночи.

Девушка между тем что-то делала с дверным замком.

«Прямо американский ужастик „Похитительница трупов“, – восхитилась Надежда. – Хоть бы собак они в больнице завели, что ли... Хотя кто будет воровать в морге? Если одежду какую или часы с неопознанного трупа, то санитары давно уже украли...»

Она протянула руку назад и стала шарить по стулу возле кровати в надежде отыскать там старую шерстяную шаль, которую мать принесла ей для спасения от больничных сквозняков. Нащупав шаль, Надежда потянула ее на себя, шаль зацепилась, Надежде пришлось оторваться от окна, и второпях она опрокинула стакан, который вечером сама же оставила на тумбочке. Хорошо, что стакан был пустой – ничего не пролилось на постель, зато он упал на пол с глухим звоном. Стакан не разбился – по мнению Надежды, если и есть на свете что-то вечное, то это граненые советские стаканы, – но Надежда замерла в опасении, что вся палата пробудится от сна. Сырников увидит раскрытое окно и заорет, что Надежда нарочно по ночам вымораживает больных.

Никто не проснулся – обитатели палаты достаточно закалились, слушая ночной храп Поросятки, что им какой-то стакан! – но девушка у двери морга подняла голову, прислушиваясь. Надежда просто воочию увидела, как девушка раздула ноздри и повела ушами.

Сама она застыла в окне, боясь пошевелиться и моля бога, чтобы девушка не заметила раскрытого окна. Уж слишком серьезно выглядела ночная посетительница, она не похожа была на простого воришку.

Прошло некоторое время, девушка успокоилась и скрылась за дверью. В морге был ночной сторож, но он, как подозревала Надежда, спокойно спал в своем закутке до утра.

Надежда посидела еще у окна, вглядываясь в серую мглу. Ей показалось, что за окнами она видит слабый отблеск света: ночная гостья пользовалась фонариком. Что она там делала?

Маньячка - осквернительница трупов? Надежде не верилось в такое простое объяснение: уж слишком по-деловому выглядела девица.

От холода не спасла и шаль. Надежда прикрыла окно и посидела еще немного, потихоньку кляня носом, уговаривая себя не маяться дурью и лечь спать.

В это время раздался звук автомобильного мотора, больничный сад осветился фарами, и к моргу подъехала очередная труповозка. Обычно такие машины приезжали днем, но случилось и ночью Надежде проснуться от стука и вызова сторожа.

Выскочили санитары и затарабанили в дверь.

- Михалыч, старый черт! Открывай, хватит дрыхнуть!

Надежда взглядела в окна - никакого отблеска, очевидно, девица выключила фонарик и затаилась.

Через пять минут дверь отворилась, и показался заспанный Михалыч.

- Чего вам нейметя-то? - ворчал он. - До утра подождать не могли?

- Какое ждате! - ответил водитель, высунувшись из машины. - На Выборгском шоссе авария, на семнадцатом километре. Автобус перевернулся да еще две легковушки. Ты, дед, спать не ложись, еще привезут скоро, не оставлять же их на шоссе до утра...

- Царица небесная! - вздохнул Михалыч и заторопился внутрь. - Ребятки, сейчас покажу, куда складывать...

Надежда содрогнулась и хотела уже закрыть окно, чтобы не слышать страшных подробностей, но знакомое покалывание в корнях волос ее остановило. Так начинало проявляться сильнейшее любопытство, которое Надежда Николаевна очень хорошо изучила и знала, что бороться с этим любопытством бессмысленно, его можно только удовлетворять.

И сейчас ей безумно захотелось узнать, какого черта делала в морге девица в черном и как она теперь выберется оттуда?

Санитары возились довольно долго, водитель в это время покуривал на крылечке. Парни вышли что-то уж очень веселые, и Надежда поняла, что Михалыч угостил их из своих запасов спиртиком. Водитель тоже это понял, пробурчал что-то завистливое, и труповозка уехала.

Сторож запер двери изнутри, и стало тихо. Надежда продолжала наблюдать.

Вот показался силуэт сторожа за освещенным окном, потом окна один за другим стали гаснуть, вдруг Надежде почудилось в последнем окне какое-то резкое движение, свет окончательно погас, и Надежда заметила, что уже полностью рассвело.

Через некоторое время - она не засекала точно - снова послышался шум, но на этот раз, судя по звукам, шли несколько человек.

«Да что сегодня за ночка? - удивилась Надежда. - Никакого покоя...»

Шаги раздавались громко в ночной тишине, люди нисколько не старались пройти незаметно.

- Черт, не удалось на машине сюда въехать! - услышала Надежда грубый мужской голос. -

Теперь тащись обратно чуть не версту...

- Ничего, Вовчик, - наставительно ответил другой голос, в котором Надежда без труда угадала начальственные интонации, - пешком ходить полезно, опять же воздухом подышим...

Мужчины шли не по тропинке от дырки в заборе, а, как прикинула Надежда, от главного входа. Вот интересно, а тетя Дуня утверждала, что на ночь ворота запираются и двери главного корпуса тоже. Но эти пролезли как-то, машине только не удалось проехать.

Шедшие свернули к моргу, в чем Надежда и не сомневалась, - некуда им больше идти, не к ней же под окошко серенады петь!

Вот они подошли к крыльцу, и опять-таки Надежде удалось кое-как разглядеть всех троих. Двое были обычные бритоголовые качки. Причем один очень уж выделялся своими размерами - просто какой-то шкаф, причем не современный финский шкаф-купе - тот высокий, с зеркальной дверью, - а старый, пятидесятих годов, дубовый трехстворчатый шкаф.

Второй был поуже в плечах, но тоже молодец хоть куда. Третий же по силуэту был постройнее, а по движениям - постарше. Именно он был среди этой троицы главным. Надежда разглядела даже черные густые волосы и нос с горбинкой, то есть, выражаясь языком милицейских протоколов, третий из компании являлся лицом кавказской национальности.

Надежда Николаевна поплотнее закуталась в шаль и решила приоткрыть окно пошире. Уж очень было интересно, что собираются делать новые визитеры.

Старший деловито обошел морг со всех сторон, послал того, кто похудее, погулять вокруг. Тот прошел по тропинке и без труда обнаружил дырку в заборе.

Старший достал мобильный телефон и тихо сказал что-то в трубку. Надежда предположила, что он отдал приказ шоферу машины объехать больничный двор и встать у дырки.

«Неужели они собираются красть труп? - У Надежды замерло сердце. - Я думала, что такое бывает только в кино...»

Старший поглядел на окна, вычислил одному ему ведомыми путями окно каморки сторожа и постучал негромко в стекло. Ему никто не ответил. Подождали немного, потом более здоровый парень забубнил:

- Дух, может, там и нет никого. И чего мы приперлись ночью? До утра он, что ли, не подождет, покойник-то.

- Его, может, утром похоронят, - зло огрызнулся тот, кого назвали Духом. - Тогда что, прикажешь могилу раскапывать? Это гораздо труднее... А так взглянешь быстренько, и все...

Надежда в окне была вся внимание. Стало быть, красть труп они не собираются... А жаль, интересно было бы поглядеть, как они потащат покойника...

Она тут же устыдилась своих мыслей - нехорошо так про покойников-то, следует смерть уважать... Но за месяц без малого пребывания в палате с окнами на морг Надежда Николаевна не то чтобы очерствела душой, но стала более спокойно относиться к некоторым вещам.

Муж назвал бы ее образ мыслей несколько циничным, но с мужем она такими мыслями предпочитала не делиться.

Старший вынул из кармана нож и поковырялся в замке. Судя по тому, что он отпустил несколько ругательств, замок не поддался.

«То ли дело сработала девица! – не могла не восхититься Надежда. – Быстро и бесшумно, а эти топают, как стадо слонов, шумят, пыхтят, а толку чуть».

Как бы в ответ на ее ехидные мысли, старший сказал что-то здоровому Вовчику, и тот налег на дверь чугунным плечом. Она не поддалась. Кавказец, которого называли Духом, оглянулся на окна больничного корпуса. Надежда знала, что его ничто не беспокоит, потому что на морг выходил торец здания, в котором был один-единственный ряд окон. Причем на первом этаже размещалась водолечебница, и окно было замазано белой краской, на третьем, над палатой Надежды, располагался рентгеновский кабинет, и окно было затянуто плотной шторой, а дальше, в торце вообще не было окон. И только на втором этаже из окна за нарушителями подглядывала Надежда, но она мигом опустила занавеску, зажмурилась и постаралась представить себя каким-нибудь фикусом.

Очевидно, Дух поверил, потому что он прошипел что-то Вовчику, и тот с разбегу налетел на дверь всем своим немалым весом. Дверь отворилась внутрь с ощутимым грохотом, а Вовчик ушиб плечо о сломанный косяк и огласил двор еще более громкими ругательствами, но тут же притих, внимая приказу Духа.

Все трое вошли внутрь, аккуратно прикрыв за собой дверь. В одном окне зажегся свет, но, что там происходило, Надежде было не видно из-за серой краски на окнах.

Все дальнейшее напомнило представление театра теней. В полной тишине за матовым стеклом двигались четкие тени. Надежда очень жалела, что не слышит разговоров, но и так было понятно, что в морге происходит что-то невообразимое.

«Сторож от грохота ломаемой двери непременно бы проснулся, – думала Надежда, – а если он не проснулся, следовательно, та девица оглушила его, чтобы не мешал. Не зря мне почудилось тогда какое-то резкое движение за окном. И это еще хорошо, если только оглушила, а может, вообще отправила к праотцам, благо тут недалеко, уже, можно сказать, на полдороге...»

Свет горел уже во всех окнах морга, тени метались как сумасшедшие, среди них появилась одна – гибкая и стройная, и Надежда сообразила, что девушка вышла из своего укрытия и сражается сейчас с бандитами, а в том, что это бандиты посетили морг, не было никаких сомнений.

Распахнулась дверь, и девица лаской скользнула в нее, но тут же на крыльце была схвачена сзади за плечи бандитом помельче. Он по инерции протащил ее вперед по ступенькам, а следом из двери выскочил Вовчик, забежал спереди и протянул было уже руки, чтобы схватить девицу или смазать ее по лицу, но получил такой удар ногами в лицо, что даже осел на некоторое время на землю.

Девица ужом крутанулась в руках второго бандита и, судя по раздавшемуся воплю, укусила его в плечо, как норовистые лошади кусают неопытных седоков за коленку. Тот от неожиданности и боли ослабил хватку, и девица припустила было к дырке в заборе, но на тропинке уже стоял Дух и целился в девицу из небольшого аккуратного пистолета.

У Надежды захватило дыхание. Она прижала руки к бьющемуся сердцу и вовремя напомнила себе, что она не должна ничем показать свое присутствие.

- Стоять! – произнес Дух негромко. – Руки поднять и медленно подойти ко мне...

- Ешь твою плешь! - простонал очухавшийся Вовчик. - Чуть челюсть не своротила!

Он встал с земли и вдруг попер на девуцу, как раненый буйвол, ничего не видя и не слушая приказов, а та, дождавшись, когда Вовчик окажется между нею и пистолетом, рванула в сторону. Бежать к дырке в заборе она не могла - там стояли Дух и другой бандит. Девуца бросилась в глубь больничной территории в надежде затеряться между деревьями и корпусами. Вовчик, топая, как носорог, припустил за ней, остальные - тоже. Стрелять Дух не стал, опасаясь, надо полагать, шума.

Но шум и так возник. Там, в более обитаемой части двора, проехала машина, осветив фарами погоню, зашумели какие-то люди, даже послышался свист.

Надежда с сожалением собралась было уже захлопнуть окно и лечь спать, как вдруг увидела бесшумно бегущую все ту же таинственную девуцу. Как видно, до того как пробраться в морг, она хорошо изучила территорию больницы, и теперь, оставив погоню позади, запутав следы, как лиса, она возвращалась к той самой дырке в заборе, потому что проскочить через главный вход наружу было трудновато - все же там какая-никакая охрана и бандиты преследуют по пятам.

Несмотря на то что дела, которыми занималась девушка в морге, без всякого сомнения, являлись незаконными, Надежда всей душой болела именно за нее - из женской солидарности, и еще она с детства не терпела, когда трое наваливались на одного. Это нечестно, вот если бы они по очереди пробовали бороться с девушкой, то она запросто победила бы всех, Надежде очень хотелось в это верить.

Девушка бежала бесшумно, но все ближе и ближе слышался топот погони. От дырки в заборе вдруг послышался гудок автомобиля, и девушка притормозила как раз под Надеждиным окном. Она оставалась там одну секунду, выбросила из кармана что-то не очень большое, оно шлепнулось на мягкую землю почти беззвучно. Девушка, не наклоняясь, сделала пару движений ногой - и все, упавший предмет скрылся под прошлогодней листвой, а девушка была уже возле забора.

Надежда отвлеклась на преследовавшую команду и не заметила, как девушка оглянулась на бегу, запоминая место, бросила взгляд на больничный корпус и отметила слегка колыхнувшуюся занавеску в окне второго этажа.

Протопали преследователи - впереди бежал парень похудее, за ним - Дух, а толстый Вовчик безнадежно отстал.

Возле дырки в заборе слышалась какая-то возня, но Надежде было плохо видно. Когда погоня достаточно отдалилась, она рискнула распахнуть окно и высунуться чуть ли не по пояс. Дело было плохо. Очевидно, девушка надеялась, что водитель в джипе будет один, и думала прорваться. Но там оказалось двое.

Они схватили ее и держали крепко, пока не подскочил Дух и не ударил ее сильно по лицу. Девушка поникла в руках бандитов, и тут подоспел Вовчик и окончательно оглушил ее ударом пудового кулака по голове.

Бандиты запихнули безвольное тело в джип и поскорее отъехали, потому что уже слышался у главного корпуса шум и даже лай собаки.

Надежда Николаевна взглянула на часы - скоро шесть утра. Через полтора часа подъем - зашумят в больничных коридорах нянечки и медсестры, больные потянутся умываться. Надо

бы поспать, но сон, естественно, не шел.

Надежде даже стало обидно – столько времени сидела у окна и ничегошеньки не выяснила.

Кто была таинственная девица? Зачем она полезла в морг? Что она там хотела найти? И нашла ли? На все эти вопросы у Надежды Николаевны не было ответа.

А также на многие другие: кто были трое преследователей? Зачем они приперлись в морг ночью, зачем преследовали девицу? И что они теперь с ней сделают? Судя по тому, как сильно они рассердились, ничего хорошего девушку не ждет, с грустью констатировала Надежда.

Спать не хотелось, и Надежда, лежа в кровати, предалась размышлениям. Про девицу она ничего не знает, это верно, но зато она может кое-что предположить насчет преступной тройцы.

Все трое были бандитами, это несомненно. Два качка и старший, кличка Дух. Подходили они к моргу свободной походкой ничего не боящихся людей. Это не потому, что они такие смелые, догадалась Надежда, а просто они не собирались делать ничего противозаконного. Как сказал Дух толстому Вовчику? «Просто взглянешь на него, и все»...

«Много ли трупов сейчас находится в морге?» – размышляла далее Надежда. Тех бедолаг из бывших обитателей больницы, которые оказались в морге в результате упорных стараний докторов, можно исключить, они вряд ли заинтересовали бандитов. Кто еще? Погибшие в результате аварии на Выборгском шоссе? Этим только начали возить, еще небось даже репортеры не знают про аварию... а не то что обычные люди.

Нет, дело тут касается перестрелки в китайском ресторане, что произошла позавчера. Говорила же тетя Дуня, что привезли четверых – одного мафиози, двух его охранников и еще одного типа, который не то рядом стоял, не то с этим мафиози беседовал доверительно, вот ему и попало... И вот приходят три человека совершенно криминального вида и хотят посмотреть на кого-то из обитателей морга. Если на мафиози, то что на него смотреть-то? И так все знают, кто это, даже по телевизору говорили. Охранники тоже не в счет. Значит, они хотели поглядеть на того, второго...

«И что это мне, Надежде, дает? Да ни черта!» – в сердцах подумала она.

Но можно пойти другим путем. Можно попробовать достать ту вещь, что закопала под окном неизвестная девица. Конечно, нехорошо брать то, что тебе не принадлежит. Но Надежда не будет это использовать, она просто посмотрит, что это такое, и вернет по первому требованию. Если девушке удастся освободиться от бандитов и она придет за своей вещью, Надежда уж ее не пропустит. А если никто не придет в ближайшее время, то даже опасно оставлять это под открытым небом. Дождь может пойти, опять же топчутся люди под окном, могут найти и взять.

Одним словом, Надежда Николаевна без труда убедила себя, что не будет вреда, если она приберет неизвестный предмет до появления его владелицы. Как говорится, подальше положишь – поближе возьмешь...

Надежда сладко потянулась и взбила подушку. Настроение улучшилось. Ее пребывание в больнице обещало стать не таким уж скучным. Значит, утром, как только появится тетя Дуня, следует осторожненько расспросить ее, что там случилось в морге, возможно, она будет знать. Как получить в свое распоряжение спрятанный неизвестной девицей предмет, Надежда примерно представляла.

* * *

Алиса пришла в себя от резкого запаха нашатыря и еще более резкого удара по лицу. Застонав, она открыла глаза. Над ней склонился толстый мордovorот с маленькими поросычьими глазками на злом опухшем лице, покрытом начинающими желтеть синяками.

Увидев эти синяки, Алиса вспомнила свое столкновение с бандитами и, несмотря на свое плачевное положение, на боль во всем теле и тошноту, усмехнулась:

- Хорошо я тебя изукрасила!

Бандит в ответ зарычал, как рассерженный пес, и замахнулся, но сзади послышался спокойный голос с чуть заметным кавказским акцентом:

- Вовчик, остынь. Нам с девушкой сначала поговорить нужно, а если ты ее снова отключишь - опять ждать придется, пока очухается.

Тут же из-за широкого плеча Вовчика показалось смуглое горбоносое лицо, и кавказец, отодвинув толстяка в сторону, заговорил:

- Ну что, красавица, пришла в себя? Рассказывай, что в морге делала.

- Попить дайте, - хриплым голосом произнесла Алиса, - рот пересох, говорить не могу. И развяжите, все тело болит!

- Воды дам, - кавказец отошел в сторону и вернулся с голубой бутылкой минералки, - а вот развязывать тебя не буду. Мальчики мои не одобряют. Вон ты как Вовчика отделала. - Он с кривой усмешкой посмотрел на пыхтящего от злости толстяка. - Вот если ты нам все расскажешь, тогда, может быть, и развяжу...

- Так я вам и поверила! - Алиса попробовала пошевелить руками и ногами, но была туго привязана толстыми бельевыми веревками к жесткому деревянному столу.

Кавказец поднес к ее губам горлышко бутылки.

Пить было очень неудобно, большая часть воды пролилась на шею и за воротник, но дышать и говорить стало легче.

- Ну так что же ты делала в морге? - повторил смуглый свой вопрос.

- Приходила на жениха посмотреть, - мгновенно ответила Алиса, - он в аварии погиб.

- Что, так соскучилась, - саркастически парировал кавказец, - что не смогла до утра дотерпеть? Посреди ночи в морг потащилась? Как ты туда, между прочим, попала? Замок-то на дверях очень даже неплохой.

- Дух, что ты с ней цацкаешься? - придвинулся поближе Вовчик. - Дай я ее паяльником прижарю, мигом, в натуре, разговорится!

- Видишь, красавица, как серьезно настроены мои головорезы? - Кавказец покосился на Вовчика с прежней кривой ухмылкой. - Если не заговоришь по-хорошему, придется воспользоваться его советом.

Последний раз, сука, спрашиваю, что в морге делала? - Усмешка сползла с его лица, и оно

искажилось злобой.

- Говорю - с женихом пришла проститься! Ну не с женихом, с любовником! Завтра похороны, на похоронах меня жена его близко не подпустит, хотела последний раз на любимого человека посмотреть!

- А почему от нас удирала?

- Да сам подумай: ночью в морге увидеть ваши бандитские рожи - кто же не испугается? Конечно, я спряталась, а потом побежала.

- Та-ак, - протянул Дух многообещающе, и от злобы, какой наполнился его голос, казалось, померкло и без того неяркое освещение в комнате, - значит, по-хорошему не хочешь? Ты за кого меня держишь, кошка драная, ты что думаешь, лох перед тобой, можно ему любую пулю отлить, он и проглотит?

Ты замок открыла, сторожа отключила, моих орлов отделала - все, как настоящий профессионал! Этих-то, конечно, - он покосился на своих «быков», - сегодня все кому не лень бьют - отрасли животы такие, что ноги свои видят только в зеркале, но ты, сука, меня не обманешь! Это ведь ты в китайском ресторане была, когда Кабаныча замочили!

- Я вашего шефа не трогала! - вскрикнула Алиса.

- Да знаю, ты со вторым вместе пришла, который с Кабанычем встречался. Говори, кто он такой? Ведь ты и сейчас в морг из-за него приходила. Не посмотреть на него - эту чушь ты кому-нибудь другому можешь рассказывать! Тебе от него что-то взять надо было. Это ты, дрянь подзаборная, полпальца у него отрезала? Говори, зачем тебе его палец?

- Да ты что! - взвизгнула Алиса в притворном ужасе. - Что я, ведьма, что ли, у покойников руки отрезать? Да мне об этом даже подумать страшно! Вы ведь, ребята, наверняка меня обыскали - нет у меня ничего!

- Обыскали, - кивнул Дух, внезапно успокоившись, - конечно, обыскали. Если бы палец при тебе был, я бы не так с тобой разговаривал. Но ты не думай, все равно ты мне все расскажешь. Давай, Вовчик, - Дух повернулся к своему подручному, - разогревай паяльник!

Толстяк плотоядно усмехнулся, притащил из небольшого шкафчика огромный допотопный паяльник с длинным шнуром, положил его на стол рядом с Алисой и включил в сеть.

- Ну что, детка, чувствуешь, чем пахнет? - спросил Дух, наклонившись к своей пленнице. - Сейчас ты у меня запоешь, лучше всякого соловья запоешь!

Алиса в ужасе скосила глаза на медленно краснеющее жало паяльника. В это время дверь комнаты приоткрылась, и в щель заглянул второй боевик Духа, тот, что похудее и повыше.

- Дух, - проговорил он вполголоса, - там тебя Одноглазый к телефону просит.

Дух неохотно шагнул к двери, оглянулся на Вовчика и, бросив ему: «Без меня не начинай!», вышел в соседнюю комнату.

Как только дверь за ним захлопнулась, Алиса томно закатила глазки и голосом, чувственным, насколько позволяло ее положение, простионала:

- Вовчик!

- Что тебе?! - злобно огрызнулся толстяк.

- Вовчик, я тебя; не хотела обидеть, ты симпатичный!

- Замолкни, сука, думаешь, дурака нашла?

- Вовчик, я хочу... напоследок... ведь убьет же меня это Дух ваш... сразу видно, что совсем бешеный... давай напоследок...

- Чего?! - тупо спросил Вовчик.

:

- Ну, будто не знаешь, чего! Только я хочу с тобой, только с тобой, понимаешь?

Вовчик оживился и шагнул к столу:

- Ну сейчас, сучка, ты не пожалеешь!..

- Вовчик, только одно прошу: дверь закрой, я не хочу, чтобы они помешали... В самую минуту, понимаешь? Я хочу только с тобой...

- Ладно. - Вовчик ухмыльнулся, отошел к двери и завопил с замком.

Пока он не видел, Алиса плохо слушающимися пальцами дотянулась до раскаленного жала паяльника, зацепила пышущий жаром металл длинными маникюренными ногтями. Явственно запахло паленой костью. Алиса подтянула паяльник к себе так, чтобы его жало легло на синтетическую веревку, которой Алиса была обмотана, как тамбовский окорок на витрине гастронома. Синтетический шнур начал плавиться от жара.

Вовчик с горящими глазами, облизываясь, как медведь перед ульем, подошел к столу, расстегнул «молнию» своих широченных штанов и взгромоздился на связанную девушку. Алиса охнула, но в ту же секунду она почувствовала, что веревка на ее руках ослабла: паяльник пережег ее. Высвободив правую руку, Алиса схватила паяльник и ткнула Вовчику в бок.

Незадачливый бандит завопил истошным голосом и свалился со стола. Он тут же вскочил на ноги, одной рукой поддерживая падающие штаны, а другой держась за обожженный бок. С выпученными от боли глазами Вовчик подпрыгивал на одном месте и жалобно вскрикивал:

- У, сука! У, какая сука!

Алиса, не теряя времени, освободилась от веревок, спрыгнула со стола и сильным ударом ноги в голову послала Вовчика в нокаут. Кажется, сегодня это у нее вошло в привычку. Правда, сейчас это можно было рассматривать как обычный наркоз.

Вовчик грохнулся на пол и затих. На его толстой и тупой физиономии застыло выражение глубоко обиженного ребенка. В дверь уже ломались Дух с напарником - истошный вопль обожженного Вовчика и мертвеца поднял бы из могилы.

Алиса в один прыжок оказалась у двери, заклинила дверную ручку тяжелым металлическим стулом, надеясь, что такое препятствие выдержит напор двоих бандитов чуть дольше, чем

замок. Затем она бросилась к окну. К счастью, оно не было забрано решеткой. Алиса распахнула раму и выглянула наружу.

Окно было на третьем этаже, нечего было и думать выпрыгнуть. Но она тут же вспомнила о веревках, которыми снабдили ее бандиты. Связав два куска, перед тем так ловко разрезанные паяльником, она закрепила веревку хитрым морским узлом на трубе парового отопления и влезла на подоконник. Дверь уже трещала под тяжелыми ударами. Алиса крепко ухватилась за веревку и начала спуск.

Коснувшись ногами асфальта, она дернула веревку за свободный конец, тем самым развязав свой хитрый узел, чтобы ценный инвентарь не достался врагу. Веревка упала на асфальт, Алиса огляделась и бросилась бежать.

Вокруг нее были унылые промышленные корпуса, в которых давно уже замерла всякая жизнь. Завернув за угол и обогнув трансформаторную будку, Алиса спугнула старого бомжа, который выискивал что-нибудь ценное в горе производственного мусора. Еще пару раз изменив направление, девушка перешла на шаг: бандиты вряд ли нашли бы ее в этом железобетонном лабиринте. Проскользнув в очередные ржавые ворота, она оказалась на Обводном канале. Наконец-то стало понятно, где она находится.

Нужно было добраться до больницы, чтобы забрать спрятанную в прошлогодней листве косметичку, но прежде Алиса решила заехать домой. После всех сегодняшних приключений необходимо было переодеться и привести себя в порядок, чтобы не пугать своим видом окружающих. Кроме того, ей мучительно хотелось принять душ, не говоря уже о том, чтобы выпить чашку горячего крепкого кофе.

С большим трудом остановив частного – большинство водителей, увидев ее, проезжали мимо, – Алиса добралась до дома.

Открыв дверь квартиры, она вошла и облегченно вздохнула: наконец-то в безопасности!

* * *

Травматологическое отделение начинало новый день. Больные неохотно просыпались, невыспавшиеся сестры разносили градусники, нянечки гремели ведрами, слышен был могучий бас старшей медсестры, и несло уже из кухни подгоревшей кашей. Словом, все было как обычно, за одним исключением – не пришла в палату тетя Дуня. Она где-то задержалась, и Надежда сильно подозревала, что в морге.

Надежда встала пораньше и умудрилась провести все утренние процедуры до того, как толпа больных начала осаждать места общего пользования. Ее соседки разошлись, а Надежда сидела у окна, умытая, причесанная, и кое-кого ожидала.

Этот кое-кто ждать себя не заставил. Под окном появился плюгавенький мужичок неопределенного возраста – от сорока до шестидесяти. Одет он был в засаленную курточку и такие же брюки, а ботинки были без шнурков. Мужичок снял кепочку, потоптался немного под окном и задрал голову наверх, причем стало видно, что под глазом у него застарелый синяк.

Мужичок прочистил горло, намереваясь крикнуть, но, заметив Надежду в окне, приятно удивился.

- Здравствуй, Венечка! – сказала Надежда как можно приветливее.

- Здравствуйте, - вежливо ответил тот.

- Как поживаешь? - начала Надежда светскую беседу.

- Да что ж, - хмыкнул Венечка и опустил глаза долу, - мы ничего... Пришел вот... - Он снова надолго замолчал.

Венечку знало все отделение. Его жена Мария Степановна лежала в соседней палате с переломом шейки бедра. Вставать ей не разрешали, и Венечка навещал ее, когда был трезв, потому что заведующий отделением не жаловал пьяниц, а Венечка как раз и являлся тихим, безобидным алкоголиком. Поэтому навестить супругу, так сказать, официально у него получалось нечасто, он предпочитал общаться с нею через окно.

Но окно соседней палаты выходило на другую сторону, там проходили посетители и врачи торопились на работу - в общем, под тем окном можно было появляться только вечером, когда врачи уже расходились по домам. Но Венечка не мог ждать до вечера, с раннего утра у него горела душа. Поэтому он являлся с утра пораньше под окошко Надежды, та шла в соседнюю палату и в зависимости от настроения Марии Степановны приносила Венечке десятку на пиво или же ничего не приносила, а только передавала на словах, чтобы Венечка катился к чертовой матери и не смел больше показываться в больнице.

- Ну, Николавна, как моя-то сегодня? - Венечка Надежду уважал и звал просто по отчеству.

- Ой, Венечка, не хочу тебя огорчать, но плохо, - соврала Надежда. - Спала, говорит, неважно, цыгане, говорит, снились, а это не к добру.

- Значит, не даст, - обреченно констатировал Венечка.

- Боюсь, что так, - подтвердила Надежда, - но ты не унывай. Хочешь на бутылку пива заработать?

- Спрашиваешь, - оживился Венечка, - только лучше на две...

- Договорились. - Надежда показала ему свернутые в трубочку две десятки. - Тогда ты вот что... Я тут пакетик один случайно уронила, вот прямо под окно, так ты разрой листья-то и подай его мне.

Венечка поглядел подозрительно, но Надежда помахала десятками, и он послушно принялся ковырять землю в том месте, где она указала.

- Ну, есть там что? - От нетерпения Надежда высунулась в окно чуть не по пояс.

- Нашел. - Венечка показал ей запачканную землей обычную дамскую косметичку.

- Давай ее сюда. - Она уже спустила вниз веревочку, которую использовали обитатели палаты для получения незаконных передач.

Венечка колебался, вертя в руках косметичку, он даже попытался ее открыть.

- Ты, Веня, не думай, там денег нету, - сказала Надежда и помахала десятками.

Веня смирился, привязал косметичку, и Надежда мигом подняла ее наверх, после чего бросила ему обещанную плату. Венечка удалился радостным шагом, а Надежда мигом спрятала косметичку под подушку, так что когда вернулась из туалета Сырникова, она увидела только,

как Надежда закрывает окно.

- Я проветрила, пока вас не было, - не дожидаясь вопросов, объяснила Надежда.

Сырникова по привычке поглядела подозрительно, но ничего не сказала.

Уборщица тетя Дуня появилась позже обычного, с хмурым видом и заплаканными глазами.

- Михалыча-то ночью чуть не убили, - сообщила она, скорбно поджимая губы. - Вломились какие-то в морг, все там перерыли.

- Искали что-то? - слишком поспешно спросила Надежда. - Украли?

- Да что там украсть-то можно, - засмеялась Любка, - покойника, что ли?

Тетя Дуня обиделась на то, что насмеваются и перебивают.

- Ты лучше скажи, - обратилась она к Надежде, - ты ночью ничего не слышала?

- Ничего, - честно глядя ей в глаза, ответила Надежда, - я спала.

- Спала? - с сомнением протянула тетя Дуня. - Тут, говорят, такой шум ночью был...

- А что с Михалычем-то случилось?

- Ну, говорит, услышал он какой-то шум подозрительный, пошел проверять, ему раз по голове, он и не помнит больше ничего. Утром труповозка приехала, дверь открыта, Михалыч на столе лежит без сознания.

Они было его за покойника приняли, хотели в холодильник класть, а тут кто-то сообразил, что все покойники голые, а этот - одетый. А потом уже пригляделись и Михалыча в личность узнали.

Любка хохотала в голос, и Надежда, представив, как бедного Михалыча чуть не отправили в холодильник, не смогла к ней не присоединиться.

Тетя Дуня окончательно обиделась и смотрела злобно.

- Сейчас-то сторож пришел в себя, помощь ему оказали? - обратилась к ней Надежда.

- Оказали, - буркнула тетя Дуня. - Если бы труповозка утром не приехала, может, и не очухался бы.

- Много народа с аварии ночной привезли? - спросила Надежда, чтобы сменить тему.

- А ты откуда знаешь про аварию? - остервенилась тетя Дуня. - А говоришь - спала, ничего не слышала...

Надежду спасла старшая медсестра, которая вызвала тетю Дуню по хозяйственной надобности.

После завтрака, обхода и процедур Надежда незаметно сунула добытую с помощью Венечки косметичку в карман халата и удалилась в туалет. Закрывшись в кабинке, она с замиранием сердца открыла косметичку. На первый взгляд в ней не было ничего криминального, обычный набор дамских мелочей: носовой платок, пудреница, тюбик помады, а также круглая

пластмассовая коробочка, на которой было написано по-немецки.

Немецкого Надежда не знала, но разобрала несколько слов – в коробочке, судя по надписи, находился крем для рук. Очень осторожно она отвинтила крышку. Там и был крем. Надежда рискнула еще понюхать – пахло косметикой, ничего подозрительного. Вздохнув, Надежда завинтила коробочку и снова перебрала вещи. Она открыла также пудреницу и тюбик помады – нигде ничего подозрительного, все самое обычное. Больше в косметичке ничего не было – ни документов, ни записочки, ни билета на поезд, ни чека из магазина. Она потрясла пустую косметичку, заглянула за подкладку, проверила швы – и отступила. Нигде ничего.

Надежда аккуратно собрала все косметические принадлежности, закрыла косметичку, сунула ее в карман и вышла из кабинки.

Не может быть, чтобы девица спрятала никому не нужную косметичку. Определенно, что-то в ней есть важное. И Надежда обязательно выяснит, что это может быть. А пока... Надежда подумала немного и осторожно открыла дверь крошечного чуланчика, где тетя Дуня хранила ведра, тряпки и порошок. Там, в стенном шкафу, стояла стопка старых больничных суден с отбитыми краями. Надежда пожала плечами, удивляясь, кому они могут быть нужны, но рассудила, что если не выбросили их до сих пор, то в ближайшее время никуда они не денутся. Она засунула было косметичку в самое верхнее судно, для этого пришлось встать на перевернутое ведро, и выскользнула из чуланчика, но, пройдя несколько шагов по коридору, отчего-то передумала, вернулась в чулан и перепрятала косметичку в списанный автоклав, который притулился тут же, в углу чулана. Уж в автоклав-то точно никто не полезет!

Тетя Дуня больше не появлялась, и никаких новостей они не узнали. В окно Надежда посматривала изредка, но ничего интересного не смогла заметить.

* * *

Тетя Дуня, наскоро переделав дела – то есть размазав грязь по больничному коридору, – удалилась в морг. Сторож Михалыч малость оклемался, но решил не ходить домой, чтобы не тратить силы. Теперь он с перевязанной головой отлеживался в своей каморке и лечился спиртиком. Патологоанатом сегодня смотрел на это сквозь пальцы.

Тетя Дуня принесла Михалычу еду из больничной столовой, но он больше налегал на спиртное. Во второй половине дня похорон не было, так что никто не толпился возле морга. Патологоанатом уехал на экспертизу, санитары занимались своими делами, а солнышко светило так славно, что тетя Дуня выползла из душной каморки на белый свет. Михалыч прикорнул на топчане и дышал ровно.

Тетя Дуня присела на лавочку и тоже начала было задремывать, но ее разбудило легкое покашливание.

Тетя Дуня открыла глаза и увидела, что на скамейке рядом с ней сидит молодой парень. Парень был коротко острижен, с приличными мускулами, но смотрел мирно и даже поздоровался вежливо:

– Здравствуйте, бабушка.

Парень был послан Духом на разведку. После того как Алиса бесследно исчезла, покалеченному Вовчику оказали медицинскую помощь – для этой цели пришлось пригнать автобус, потому что в легковушке везти в травмпункт было нельзя, Вовчик не мог сидеть. Лежа на животе и благоухая мазью от ожогов, сквозь стоны и мат Вовчик поведал Духу и другим, как

он упустил Алису. Дух поразмыслил и решил послать кого-нибудь в больницу на разведку. В конце концов, девчонка отрезала палец у трупа. Для чего он ей нужен? И самое главное, куда она его дела? Все это нужно было выяснить, и, желательно, как можно быстрее.

Дух выбрал парня посмекалистее и послал его покрутиться возле больницы. В случае, если там подняли бы шум, у парня было алиби на всю предыдущую ночь.

Не дождавшись от тети Дуни ответного приветствия, парень достал сигареты и закурил.

- Не курите, бабушка? - предложил он сигареты тете Дуне.

- Я две возьму! - Старуха вспомнила про Михалыча.

- Хоть четыре! - великодушно разрешил парень и тут же задал вопрос по существу:

- А что, бабушка, ночью вы не работаете?

- А тебе зачем? - подозрительно спросила старуха.

- Для дела, - пояснил парень. - Интересно узнать, что тут ночью за шум был и кто в морг ворвался.

Может, сторож что-то заметил?

- А это не ваши ли Михалыча по голове приложили? - грозно спросила тетя Дуня и встала со скамейки. - Так я сейчас тебя в милицию сдам, охальник!

- Если бы наши сторожа прихлопнули, то мы бы уж знали, что ночью случилось, - резонно ответил парень. - А если я спрашиваю, значит, сам хочу выяснить. Так что зря вы, бабушка, кричите, давайте по-хорошему поговорим.

- Чего тебе надо-то? - хмуро спросила тетя Дуня.

- Если сторож что вспомнит, я бы ему... - Парень раскрыл полиэтиленовый пакет и показал тете Дуне литровую бутылку «Синопской».

Старуха оживилась - редко она видела такую хорошую водку.

- Михалыч-то ничего не вспомнит, без сознания он всю ночь пролежал. Но вот я тебе скажу. - Тетя Дуня наклонилась к парню:

- Вон, видишь окно на втором этаже? Там в палате одна баба лежит, она все время в окно смотрит.

- И ночью? - недоверчиво спросил парень.

- И днем, и ночью! - энергично подтвердила тетя Дуня. - Уже если она не видела, так и никто ничего не видел.

Тетя Дуня вспомнила, как хохотали сегодня Надежда с Любкой над беднягой Михалычем, и добавила:

- Она говорит, что всю ночь спала, но врет, я знаю, что она на рассвете в окно подсматривала. А уж как ты с ней будешь разговаривать, как в отделение попадешь, это твое дело.

Парень внимательно поглядел на указанное окно, и как бы в подтверждение словам тети Дуни, там шевельнулась занавеска и показалось женское лицо, которое тут же скрылось.

- Вот, видел? - торжествующе зашептала тетя Дуня, облизнув губы и покосившись на горлышко «Синопской», выглядывающее из пакета.

- Ну ладно, держи. - Парень протянул ей пакет.

После удачно завершенной сделки тетя Дуня с Михалычем уединились в его каморке, и до следующего утра их никто не видел.

А в палате к вечеру разгорелся очередной скандал.

Снова шли вереницей мужики поглядеть на Любку.

Потом, в часы посещений, явился Юрик - краснорожий плечистый майор с зычным голосом и цепким взглядом маленьких глазок. Анна Поросенке кушала принесенные ее многочисленным семейством голубцы (снова с чесноком, как с грустью отметила Надежда), сама Надежда сидела в холле и слушала рассказы мужа о коте Бейсике.

К Сырниковой никто не пришел - мужа и детей у нее не было, а с племянниками какие-то сложные отношения, и навещать тетку, как поняла Надежда, им было нож острый.

Надежда выслушала краткий перечень хулиганских поступков, которые кот, сидя дома один целыми днями, совершал исключительно от скуки, примерила принесенный мужем небольшой костылик из алюминиевых трубок - он был легким и очень удобно охватывал руку повыше локтя, - после чего вернула все продукты, кроме фруктов: от малоподвижного образа жизни она прибавила уже три с половиной килограмма и очень по этому поводу расстраивалась. Наконец Сан Саныч собрался уходить, сказав на прощание, что скучает и ждет не дождется, когда Надежда вернется домой, что он говорил с врачом, и тот заверил его, что все у Надежды будет хорошо, нужно потерпеть совсем немножко - гипс снимут через несколько дней. Останется только разработать ногу, и можно выписываться, а они с котом уж постараются к ее приходу привести квартиру в приличный вид.

Рассеянно улыбаясь, Надежда шла по коридору и столкнулась с Сырниковой, та буквально кипела от злости.

- Нет, вы подумайте, а? - клокотала она. - Выставили меня за дверь, а сами заперлись в палате!

Оказалось, майор, не дождавшись, пока до Сырниковой дойдет, что нужно выйти и оставить их с Любкой хотя бы ненадолго одних, просто выпроводил ее чуть не силой, а сам заклинил дверь изнутри стулом.

Сырникова топталась под дверью и, по выражению Поросенке, «исходила на дерьмо».

- Что же это такое? - шипела она. - Здесь все-таки больница, а не дом свиданий!

- Да бросьте вы, Велора Михайловна! - пробовала увещевать ее сытая и добродушная Анна Поросенко. - Что вы, сами молодой не были?

- Я?! - изумленно заорала Сырникова.

«Она не была, - поняла Надежда. - Она никогда не была молодой...»

Сырникова помчалась жаловаться. Но дежурного врача вызвали в приемный покой, а медбрат Андрияша посмотрел на нее выразительно и сказал, чтобы она не маялась дурью. К приходу дежурного врача майор Юрий уже удалился, а Любка встретила врача такой улыбкой, что тот только крякнул и ушел в ординаторскую пить чай.

Неотмщенная Сырникова немедленно вцепилась в Надежду.

- Почему это некоторым в палате прямо курорт и воздух свежий, а другие должны у двери лежать и мучиться? - громко вопрошала она.

Надежда, как всегда, отмалчивалась, но эта тактика сегодня явно себя не оправдывала, Сырникова набирала обороты и децибелы. Пришли послушать скандал из других палат, тем более что по телевизору ничего интересного в это время не показывали. Наконец Надежда плюнула, свернула свою постель и перенесла ее на кровать Сырниковой.

- Черт с вами! Лежите у окна, только пасть не разевайте!

Надежда Николаевна всегда считала себя интеллигентной, воспитанной женщиной, но также знала, что если ее как следует разозлить, то реакция может быть непредсказуемой. Так и сейчас, она в сердцах пожелала Сырниковой провалиться, правда, не вслух, а про себя.

* * *

Как только Алиса вошла в квартиру и дверь захлопнулась за ней, в спину между лопатками воткнулся холодный металл, который не мог быть ничем, кроме револьверного дула, и спокойный, чуть насмешливый голос произнес:

- Здравствуйте, Алиса! По-моему, нам с вами пора познакомиться.

Алиса мгновенно крутанулась вокруг своей оси, рубанув ладонью воздух в том месте, где, по ее расчетам, должен был находиться нападающий. Она не боялась, что он выстрелит: наверняка это не входило в его планы. Он не стал бы убивать ее, не выяснив, что ей известно, и не получив то, что у нее есть.

Однако ее сильный профессиональный удар не нашел противника, который ловко уклонился в сторону, так что Алиса на долю секунды утратила равновесие.

Впрочем, она тут же, перенеся вес тела на правую ногу, нанесла ему свой коронный удар левой ногой в голову... точнее, только попыталась нанести, потому что этот неуловимый человек снова успел ускользнуть и стоял в боевой стойке чуть в стороне, едва заметно улыбаясь уголками губ.

Алиса наконец смогла разглядеть его: это был довольно высокий мужчина лет сорока, подтянутый и спортивный. Теперь, видя его перед собой, она бросилась в атаку, попытавшись попасть ногой в солнечное сплетение. Но этот мерзавец, похоже, просто играл с ней, как кот с мышью: он снова ускользнул от удара и стоял в сторонке, невозмутимо ухмыляясь. Алиса страшно разозлилась от чувства собственного бессилия.

Хотя ее тренер по кун-фу, старый китаец Джоу Фань, тысячу раз повторял ей, что эмоции в поединке недопустимы и тот, кто разозлился, уже проиграл бой, но она ничего не могла с собой поделать: наглая усмешка противника привела ее в бешенство.

Алиса бросилась на него, намереваясь выбить ударом ноги колено и одновременно попасть

ногой в ключицу, но противник опять легко выскользнул из-под удара и, мгновенным движением перехватив ее руку, провел простейший болевой прием.

Алиса осознала, что в совершенно беспомощном состоянии лежит на ковре с рукой, заломленной за спину. Противник ловко перехватил вторую руку, и еще через мгновение Алиса была связана обыкновенным лейкопластырем по рукам и ногам так профессионально, что ни о каких попытках сопротивления не могло быть и речи.

Мужчина легко, как перышко, поднял ее с ковра и усадил в глубокое кресло посреди комнаты. Сам он сел напротив и все с той же наглой и невозмутимой усмешкой уставился на нее.

- Да, Алиса, должен признать, что вы в неплохой форме, но тренироваться нужно больше. Против тупых бандитов, с которыми вы имели дело сегодня утром, вашего кун-фу вполне достаточно, но с профессионалами лучше не сталкиваться.

- Откуда вы знаете про бандитов? - задала Алиса довольно дурацкий вопрос, когда наконец отдышалась.

- Знать - это моя профессия, - ответил наглец, не переставая ухмыляться. - Я много чего знаю, и не только про бандитов, но и про вашего покойного друга Аркадия Ильича Загряжского.

При упоминании этого имени Алиса дернулась, как от удара.

- Я знаю о цели его встречи с уголовным авторитетом Кабанычем... Знаю, что вы тоже были на этой встрече, хотя и находились в сторонке. Ах, Алиса Дмитриевна, какое падение! Загряжский - и Кабаныч!

Имечко-то какое! Не противно ли было вашему утонченному и аристократичному возлюбленному общаться с таким подонком? Хотя о падении в этом случае говорить не приходится: Аркадий Ильич и так уже пал дальше некуда. Я уж не говорю о том, что он собирался продать чертежи сверхсовременного военного самолета японцам - поправьте меня, Алиса Дмитриевна, если я ошибаюсь, - но это сейчас, кажется, и за преступление не считается, так он еще и отравил своего непосредственного шефа, Посташева...

- Врешь! - воскликнула Алиса. - Посташев умер от инфаркта, я медицинское заключение видела.

- Ах, Алиса Дмитриевна, - мужчина закатил глаза в притворном изумлении, - 4- просто не ожидал в вашем возрасте подобной наивности! Хотя, конечно, любовь слепа, и вы не хотите замечать в своем возлюбленном - пусть даже и покойном - никаких недостатков... Однако я позволю себе вкратце напомнить обстоятельства смерти Посташева. Вы знаете, что они с Аркадием Ильичом обедали в ресторане «Луна», потом поехали на машине с шофером, поскольку оба слегка выпили, и Посташеву в дороге стало плохо с сердцем. Пока доехали до больницы, пока подняли Сергея Ивановича в реанимацию, он уже умер, и реаниматоры оказались бессильны. Никому, конечно, не пришли в голову дурные мысли - клиническая картина вполне соответствовала обширному инфаркту. Никому, кроме меня. У меня, Алиса Дмитриевна, голова так устроена, что я всегда и обо всех думаю плохо. Так вот, я не поленился и послал одного из своих мальчиков в ресторан «Луна». Он успел перехватить посуду с того столика, за которым обедали Посташев с Загряжским, до того, как ее вымыли. И как вы думаете, дорогая моя, что обнаружилось на стенках одного из бокалов? Ни за что не догадаетесь! Едва заметные следы редкого алкалоида - то есть яда растительного происхождения. Этот алкалоид очень пагубно действует на человеческий организм, вызывая обширнейший инфаркт миокарда. Что и имело место в случае с Сергеем Ивановичем

Посташевым.

- С чего вы взяли, - недоверчиво проговорила Алиса, - что его отравил именно Аркадий? Это мог сделать кто угодно.

- Ну, насчет того, что кто угодно - это вы зря!

Вряд ли на Посташева так рассердился официант, что решил отравить его, допустим, за слишком маленькие чаевые. А кроме официанта и вашего друга Загряжского, никто не мог подсыпать яд в бокал... Но тут, видите ли, имеется еще одно очень любопытное совпадение. За три дня до рокового обеда Аркадий Ильич имел встречу с неким сотрудником Ботанического института. Надо сказать, ваш друг до этого дня не очень интересовался ботаникой и не собирал гербариев.

А тут вдруг такая необычная встреча. Особенно интересная, если учесть, что этот ботаник - фамилия его Маслобойников, но это неважно - занимается изучением растительных ядов. И, что самое интересное, в нашем городе его лаборатория - единственное место, где можно найти тот алкалоид, от которого скончался несчастный Сергей Иванович...

- Что же вы со своими наблюдениями не обратились в милицию? - саркастически осведомилась Алиса.

- А зачем? - Мужчина пожал плечами. - Чтобы Аркадий Ильич понес заслуженное наказание? Так он его понес и без милиции. Причем наказание было более быстрым и более суровым.

- Не вы ли организовали это наказание?! - воскликнула Алиса, пораженная внезапной догадкой. - Не вы ли подослали в ресторан киллершу?

Заметив, что ее собеседник не возражает против этого обвинения, девушка, откинув голову на спинку кресла, криво усмехнулась:

- Bravo, bravo! Надо полагать, сейчас вы станете внушать мне, будто устроили стрельбу в ресторане, чтобы предотвратить продажу самолета за рубеж...

- Именно так. - Мужчина кивнул. - Я предотвратил продажу самолета японцам.

- Как вас зовут? - спросила Алиса, неожиданно сменив тему разговора. - Мы с вами разговариваем в странной манере. Вы обращаетесь ко мне по имени, а я лишена такой возможности...

- Какая вам разница? - отмахнулся мужчина. - Ну, допустим, меня зовут Алекс... Фамилия Антонов...

Хотя, моя дорогая, вам вовсе незачем узнавать меня близко. Мы с вами не будем, так сказать, дружить домами...

- Не будем, - согласилась Алиса, - моя бы воля - век бы вас не видела. Кстати, что вы делаете в моей квартире?

- Я пришел повидаться с вами, девочка моя, потому что вы мне симпатичны. Скажу больше, мне вас стало немножко жалко. Вы такая красивая и юная... а вот ведь, попали в лапы этого пройдохи Загряжского...

Подумать только – продать чертежи японцам! Неужели вы думаете, что у Загряжского был шанс это сделать? Неужели вы думаете, что мы бы это допустили?

– Кто это – вы? – немедленно спросила Алиса. – Кого вы в данный момент представляете? ФСБ, внешнюю разведку, милицию, наконец? Или же уголовный розыск?

– При чем здесь уголовный розыск? – удивился Алекс.

– Уголовный розыск как раз здесь очень при чем, потому что убийство моего... Аркадия Загряжского, а также этого мафиози Кабаныча и двух его телохранителей имело место. Это неоспоримый факт. Таким же фактом является и то, что по убийству заведено уголовное дело. Вот вам и уголовный розыск. Так что если вы представляете эту организацию, то вызывайте меня повесткой как свидетеля. Но что-то я сомневаюсь, что вы имеете отношение к государственным структурам. Особенно после ваших разглаговльствований о казни Загряжского во имя благого дела... Так что хватит ваньку валять, папаша! – грубо заорала вдруг Алиса. – Говори, чего нужно, а не то мне некогда, устала я сегодня ночью...

Лицо Алекса перекопилось от злобы, под кожей заходили желваки. Справившись с эмоциями, он заговорил, но совершенно другим тоном, чем прежде:

– Ну что ж, так даже лучше. Все точки над «i» расставлены, мы кое-что знаем друг о друге. Это хорошо, что между нами установились простые деловые отношения. Ты у меня в руках, и единственный твой шанс на спасение – это сотрудничество со мной.

– Чего же, интересно, вы от меня хотите?

– Ты знаешь, где Загряжский спрятал комплект документации. Если отдашь мне эти документы – останешься в живых и даже получишь кое-какие деньги, если не отдашь – мои ребята заживо утопят тебя в городской канализации. Думаю, тебе, как женщине с большими запросами, такая смерть очень не понравится.

– Ошибаетесь, Алекс, или как вас там, – проговорила Алиса с едва сдерживаемой ненавистью.

– В чем это, интересно, я ошибаюсь? – Брови ее собеседника полезли кверху.

– В том, что между нами чисто деловые отношения. Вы убили человека, которого я любила... И после этого думаете, что я захочу с вами сотрудничать? Вы не знаете женщин, хоть и хвастались, что знаете все!

– Так что же, дорогуша, ты предпочитаешь смерть в сточных водах? Что ж, очень романтично!

– Не бери меня на понт, старая сволочь! – Голос Алисы поднялся до резкого визга. – Не убьешь ты меня! Тебе нужны чертежи «Серебряного сокола», а без меня ты их шиш получишь! Интересно, почему ты убил Аркадия? Ведь сначала ты должен был получить документацию? На что ты рассчитывал?

– Твой сердечный дружок обманул меня. – Алекс заговорил гораздо тише, в его голосе звучало явное неудовольствие и стыд за допущенную ошибку. – Он подсунул мне липовые документы...

Алиса расхохоталась:

– Аркадий держал в своем секретном сейфе комплект фальшивых чертежей на случай взлома. Никто тебя не обманывал, ты просто украл эту фальшивку и вообразил, что «Серебряный

сокол» у тебя в руках.

Тебе и в голову не пришло, насколько Аркадий был предусмотрителен!

- Незачем сейчас вспоминать мои прежние ошибки! - Алекс оборвал Алису. - Сейчас мы в другом положении. Ты у меня в руках, и я узнаю от тебя все, что захочу. Ты прекрасно знаешь о существовании препаратов, которые кому угодно развяжут язык.

Он вытащил из кармана маленькую коробочку, открыл и показал Алисе. Там лежало несколько ампул разного размера.

- Вот сейчас, - Алекс снова запустил руку в карман и вытащил оттуда одноразовый шприц в упаковке, - я вколю тебе один препаратик, потом мы подождем минут двадцать, а дальше мне останется только задавать наводящие вопросы - слова польются из тебя весенним бушующим потоком. Но должен тебя предупредить: это лекарство раздражающе действует на психику. После того как я узнаю все, что нужно, я просто уйду, уколов предварительно тебе еще дозу. Ты будешь валяться здесь, пока не откинешь копыта, и орать про себя такое...

Алиса вздрогнула, и мерзавец это заметил.

- А чтобы никто из соседей не услышал ничего подозрительного, я сделаю вот что, - Антонов нажал на кнопку телевизионного пульта, и в комнате заиграла веселенькая музыка - Чип и Дейл спешили на помощь, только не к Алисе.

Алиса закрыла глаза. Нетрудно догадаться, что Алекс представляет, так сказать, конкурирующую фирму. Интересно, кому он собирается продать чертежи самолета? Хочет чужими руками жар загребать...

Однако он очень много знает, скорее всего, сговорился с подлецом Посташевым за спиной Загряжского.

Но Аркадий был очень умен, он успел раньше, вот только сам не уберется... Так или иначе, этот мерзавец прав в одном: при желании он вытянет из нее все, что угодно. В его руках весь арсенал современных средств дознания. Нужно бежать, бежать любой ценой... А как от него сбежишь? Он профессионал, не чета тупым бандитам Духа, его не обманешь простыми женскими приемами. Правда, сейчас она у себя дома, а дома, говорят, и стены помогают. Тем более что Алиса подготовила много маленьких сюрпризов для разных незваных гостей, от квартирных воров до конкурентов по промышленному шпионажу.

Алиса открыла глаза и безжизненным голосом человека, утратившего надежду, сказала:

- Ваша взяла. У меня аллергия на многие лекарственные препараты, могу умереть, если вы по незнанию вколете мне аллерген. Вы, конечно, ничего тогда не узнаете, но мне-то от этого не легче... Вы профессионал, с вами бороться бесполезно. Я передам вам все, что у меня есть, всю информацию. Но я... я хотела бы получить какие-то гарантии. Гарантии того, что вы меня после этого не убьете. Кроме того, вы говорили о деньгах... Сейчас, после смерти Аркадия, я осталась без средств, и «Серебряный сокол» - моя единственная надежда...

- Я могу дать вам слово! - высокомерно произнес Алекс. - Слово офицера и разведчика! Надеюсь, этого вам достаточно?

- Слово офицера - это, конечно, замечательно, - Алиса усмехнулась одними уголками губ, - но слово разведчика... разведчику так часто приходится надевать самые разные маски, что он

обычно уже не помнит, кто он такой на самом деле и от чьего имени дает слово. Кроме того, сама специфика работы заставляет его очень часто давать слово и тут же брать его обратно... К тому же что-то подсказывает мне, что вы можете дать слово только бывшего разведчика, не так ли? Нет, я предпочла бы что-то более существенное.

- Не знаю, что я могу вам предложить, какие еще гарантии! - Алекс недовольно пожал плечами.

- Зато я знаю. - Алиса подалась вперед, насколько позволяли пути. - У вас ведь есть, конечно, счет, с которого вы можете перечислять деньги, нужные вам по ходу поиска документов?

- Ну, допустим, есть, - неохотно согласился Алекс.

- Тогда переведите сейчас с моего домашнего компьютера сумму, которую я вам назову, на мой личный счет.

- Очень мило! - возмутился незванный гость. - Вы мне пока ничего не передали, может быть, то, что я от вас узнаю, совершенно ничего не стоит, а я уже переведу вам деньги?

- Хорошо, вы можете подготовить перевод, но не отправлять его, пока не убедитесь, что я вам дала именно то, что вы хотели. Конечно, это тоже абсолютно ничего мне не гарантирует, ведь вы, получив информацию, преспокойно можете отменить перевод...

Успокоенный последним соображением, Алекс задал еще один вопрос:

- О какой сумме мы говорим?

- Вы перечислите мне триста тысяч долларов.

- Что?! - Мужчина расхохотался. - Триста тысяч неизвестно за что? За какую-то сомнительную информацию?

- Эта информация стоит гораздо дороже, - холодно ответила Алиса. - Наверняка за документацию «Серебряного сокола» какие-нибудь арабы заплатят вам десятки миллионов...

- Не забывайте, что вы у меня в руках, так что не вам ставить условия! - Алекс склонился над связанной девушкой и потряс перед ее лицом кулаком. - Да, кроме всего прочего, у меня и нет сейчас таких денег.

Большие деньги появятся только после продажи самолета, вот тогда я могу обещать вам такую сумму...

- Если я доживу до этой раздачи слонов, - усмехнулась Алиса. - Нет, я предпочитаю деньги сегодня. —

Какую сумму вы могли бы мне сейчас перевести?

- Не больше пятидесяти тысяч, - отрезал Алекс.

- Джентльмен не должен быть скрягой! Сойдемся на ста тысячах. Пятьдесят - это мне только сегодня на булавки, а еще нужны кое-какие накопления на старость...

- До старости вы с таким характером не доживете!

Семьдесят - и ни цента больше...

- Черт с вами! - Алиса кивнула. - Готовьте перевод. Только передвиньте мое кресло так, чтобы я видела, что вы там будете печатать.

Она готова была поклясться, что ее гость, хоть он и производил впечатление очень осведомленного и серьезного человека, не собирается переводить ей не то что пятьдесят тысяч долларов, от него и пяти баксов-то не дождешься. И дело тут вовсе не в его жадности, хотя таковая тоже имеется. Просто он не должен оставлять свидетелей. Он ни в ком не уверен - даже в своих помощниках, иначе не пришел бы к ней один.

Алиса отлично понимает, что жива, только пока она не дала ему наводку на документы. Но ей сейчас нужно убедить Алекса, что она боится его, и это соответствует действительности. А еще пускай сработает стереотип: несомненно, он думает, что в их дуэте главную партию исполнял Аркадий Загрязский. А Алиса исполняла функции его помощника, любовницы и телохранителя. А от любовницы и телохранителя не ждут особого ума. Так-то оно так, но вот Аркадия нет в живых, а она, Алиса, пока что в добром здравии. И что самое главное: у нее есть ключ к документам, а значит, к большим деньгам...

Алекс развернул кресло к письменному столу и включил компьютер. Выйдя в Интернет, он связался со своим банком, подготовил распоряжение о перечислении денег на счет, который назвала ему Алиса, ввел электронную подпись, заслонив на это время клавиатуру, и наконец повернулся к Алисе:

- Ну, перевод подготовлен, вы довольны?

- Если бы сумма была в четыре раза больше... ну ладно, старый скупердьяй, я сдаюсь. Подойдите к книжному шкафу.

Алекс прошел на указанное Алисой место и вопросительно взглянул на нее.

- Снимите все тома энциклопедии с третьей полки сверху.

Он снял книги с полки. Перед ним открылась дверца сейфа.

- Теперь набирайте код, внимательно, я буду диктовать.

Алекс кивнул и начал вращать ручку.

- Четыре, - медленно диктовала Алиса, - девять... шесть... один... восемь... пять... три...

Назвав последнюю цифру, она инстинктивно задержала дыхание, хотя ее кресло стояло достаточно далеко от сейфа. Алекс повернул ручку, и в лицо ему ударила струя остро пахнущей жидкости. Уже теряя сознание, он с горечью подумал, как легко эта хитрая девка обвела вокруг пальца его, матерого профессионала... Задурила ему голову деньгами, препирательством из-за суммы, которую он в любом случае не собирался ей переводить, и он пропустил простейшую ловушку, в которую стыдно попасться курсанту школы милиции, а не то что ветерану разведки...

Алекс тяжело грохнулся на пол. Алиса огляделась.

В ее распоряжении было около получаса - на такое время отключала человека жидкость, которой она зарядила вмонтированный в сейф пульверизатор, срабатывавший при наборе

неверного кода. Следовало поторопиться.

Она наклонилась и сильным толчком выбросила свое тело из кресла. Встав на связанные ноги, Алиса запрыгала по комнате. Со стороны это выглядело смешно, как послевоенный советский аттракцион «бег в мешках», но со стороны на Алису никто не смотрел, а самой ей было не до смеха.

Допрыгав до горки с посудой, Алиса плечом разбила стеклянную дверцу и прижала связанные руки к торчащему из рамы острому осколку. Мучительными, болезненными движениями она перепилила обхватывающий запястья лейкопластырь и вздохнула с облегчением: руки были свободны. Дальнейшее освобождение заняло меньше минуты.

Покосившись на Алекса, который пока не подавал признаков жизни, Алиса подошла к окну и осторожно выглянула из-за занавески. Под окном, как она и ожидала, стояла неприметная бежевая «девятка», в которой наверняка дежурили двое ребят Алекса. Алиса знала стандартную схему, по которой проводились такие операции: двое в машине под окном, двое на лестнице – они пропустили хозяйку в квартиру, а теперь контролируют площадку и не дадут ей выйти без команды шефа. В квартиру должны были войти тоже двое, но Алекс не захотел посвящать никого из своих людей в тайну «Серебряного сокола» и понадеялся на собственные силы. Это его и подвело. Интересно все же, кто он такой? И кому хотел сплавить чертежи?

Впрочем, это уже неважно, раз он лежит здесь без сознания, а она свободна.

Однако положение Алисы продолжало оставаться достаточно сложным. Она обезвредила Антонова, развязала руки и ноги, но выйти из хорошо охраняемой квартиры было непросто. Отлично натренированные оперативники и муху не пропустят.

Время поджимало. Алиса оглядывалась, лихорадочно думая, чем можно отвлечь внимание оперативников. Неожиданно взгляд ее остановился на экране все еще работающего телевизора. Миловидная ведущая сообщала:

- Продолжается визит в нашу страну короля Иордании Абдаллы. Сегодня король посетит Санкт-Петербург. В программу посещения входит...

Решение созрело мгновенно. Алиса схватила телефонную трубку, набрала номер милиции и взволнованным, задышающимся голосом затараторила:

- У нас под окном уже несколько часов стоит подозрительная машина... Мотор не глушат, из машины не выходят... Двое таких стриженных... Натуральные бандиты! Я боюсь, они что-то замышляют!

- Какой адрес? – скучающим голосом осведомилась дежурная, которой уже надоели звонки домохозяек, после многочисленных терактов подозреваемых в каждом незнакомом брюнете чеченского боевика.

- Седьмая Красноармейская, дом три! – выложила Алиса свой козырь.

- Как? Повторите адрес! – Дежурная мгновенно насторожилась, на что Алиса и рассчитывала. – Ваш номер телефона?

Алиса со спокойной душой назвала номер своей соседки по лестничной площадке, не в меру наблюдательной пенсионерки, зная, что на ее допотопной АТС аппаратура определения номера не срабатывает.

После этого она спокойно повесила трубку, уверенная, что выстрел попал в цель.

План ее был построен на том, что в дни приезда высоких иностранных или московских гостей вдоль правительственной трассы, какой является Московский проспект, устанавливается особый режим безопасности. На каждом перекрестке с утра прохаживаются доблестные стражи правопорядка, наблюдая за движением и проверяя документы у каждого, чье лицо им чем-нибудь не понравится. Поэтому, назвав адрес, находящийся сегодня в зоне пристального внимания Управления внутренних дел, Алиса была уверена, что милиция не заставит себя долго ждать.

Действительно, не прошло и пяти минут, как к бежевой «девятке» подъехали два «Форда» с опознавательными знаками УВД. Высыпавшие из «Фордов» бравые омовцы в бронежилетах и касках, увешанные оружием, как новогодние елки игрушками, окружили «девятку», и началось выяснение отношений.

Теперь парням в машине было не до Алисы, и она быстро стала действовать.

Первым делом она проверила состояние Алекса и, поскольку ей показалось, что он начал подавать признаки жизни, приснула ему в лицо добавочную порцию успокоительного из заветного баллончика, который хранила в ящике кухонного стола. После этого, так сказать, обеспечив свои тылы, она достала из кладовки моток хорошей альпинистской веревки, надела удобную теплую куртку с многочисленными карманами, в которые положила самые необходимые современной девушке вещи: деньги, оружие, отмычки и кое-какие инструменты из набора начинающего шпиона.

Полностью экипировавшись, она вышла на балкон и посмотрела, как развиваются события вокруг бежевой «девятки».

Бравых молодцов уже вытащили из машины, уткнули носом в ее капот, сковали руки за спиной наручниками и теперь тщательно обыскивали их самих и машину.

Подозревая, что омовцы найдут в «девятке» много интересного и в ближайшие несколько минут им тоже будет не до нее, Алиса закрепила веревку на балконной решетке и полезла вниз, с грустью думая, что последнее время ей чаще приходится спускаться с верхних этажей по веревке, чем по лестнице.

Спустившись со своего шестого этажа до четвертого и двигаясь по веревке мимо нижнего балкона, она заметила приоткрытую форточку. Алиса подумала, что лезть по веревке до самой земли рядом с целым подразделением ОМОНа может быть небезопасно – хоть они и заняты увлекательным делом, обыскивая машину и лениво отбивая почки оперативникам Алекса, но кто-то случайно может посмотреть не в ту сторону и заметить спускающуюся по стене дома альпинистку.

Поэтому Алиса забралась на чужой балкон, открыла форточку пошире и без труда в нее пролезла.

В комнате, куда она попала, две очень похожие друг на друга старухи вяло ругались над развалившимся на ковре до безобразия раскормленным котом. Увидев неожиданно появившуюся из окна человеческую фигуру, старухи застыли как громом пораженные, одинаково раскрыв беззубые рты, а кот завалился на спину и испуганно мяукнул.

Алиса не смогла отказать себе в маленьком удовольствии и, проходя мимо старух, спросила, вспомнив старый анекдот:

- Наши на Псков не проходили?

Старухи испуганно замотали головами и хором ответили:

- Никто, никто не проходил! Вы сегодня первая.

Алиса как ни в чем не бывало прошла в коридор, сделав старухам и коту ручкой, открыла дверь и выскользнула на лестницу. Здесь ей никто не встретился: орлы Алекса, должно быть, все еще наблюдали за дверью квартиры на шестом этаже.

Лестница выходила во двор, так что Алиса не смогла полюбоваться завершением выяснения отношений между омовцами и людьми из бежевой «девятки», но это ее не слишком огорчило.

Она прошла несколько дворов, чтобы уйти как можно дальше от опасного района, и только тогда остановила машину и поехала к больнице: ей наконец нужно было найти спрятанную в прошлогодних листьях косметичку, и на этот раз она уже не думала о всяких мелочах вроде душа и крепкого кофе.

Добравшись до больницы, Алиса быстро нашла корпус, расположенный рядом с моргом, нашла стену, возле которой она задержалась, удирая от бандитов, нашла груды полусгнивших листьев, но, как она ни ворошила эти листья сперва обувью в кроссовку ногой, а потом палкой, подобранной на дорожке возле покойницкой, - ничего даже отдаленно похожего на потерянную косметичку среди листьев не было.

Алиса остановилась, выпрямилась, несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, как учил ее Джоу Фань, но злость и отчаяние не покидали ее душу.

Она не отчаялась, попав в руки бандитов, не отчаялась, когда ей угрожал матерый волк Антонов, потому что была уверена: косметичка с ее бесценным содержимым лежит себе спокойно в этом углу, дожидаясь свою хозяйку, и вместе с ней дожидается Алису светлое будущее: тропическое солнце, теплое море, перистые листья пальм, подобострастные мулаты-официанты - в общем, деньги, деньги, деньги! Именно такое будущее обещал ей в свое время Аркадий Загрязский.

Собственно, про саму операцию он в подробностях не рассказывал, Алиса сама потихоньку складывала воедино обрывки слов, кусочки наблюдений, иногда задавала ему незначительный мелкий вопрос и дома, оставшись одна, анализировала свои впечатления.

Аркадий же больше напирал на то, как замечательно они заживут, после того как операция успешно завершится.

И вот сейчас эта голубая мечта таяла на глазах, оставляя после себя только запах полусгнивших прошлогодних листьев, аромат горького разочарования.

Алиса прислонилась к стене больничного корпуса.

Она почувствовала, как устала - не за сегодняшний день, полный опасности, риска и крайнего напряжения, а за последние месяцы - с тех пор как они с Аркадием занялись операцией «Серебряный сокол».

Аркадий Ильич заметил ее, студентку-старшекурсницу, когда она пришла к нему в КБ на преддипломную практику. Интересный, обаятельный мужчина, он быстро вскружил голову

неопытной провинциальной девчонке...

Так по крайней мере думал он сам.

В действительности Алиса в свои двадцать три года отнюдь не была глупа и неопытна. Она знала, чего хочет, точнее – знала, чего не хочет: возвращаться в свой тусклый и серый Задрющинск, где улицы с октября по апрель завалены снегом, а с апреля по октябрь – грязью, где покосившиеся заборы подпирают пьяные трактористы, а единственный памятник архитектуры – захудалая церковь никому не известного святого – лет тридцать назад переоборудован в городскую баню, где лексикон старшеклассника состоит из двадцати слов, большая часть которых – матерные, где ее отец лечит застарелое слабоумие портвейном, а мать разводит настурции, консервирует огурцы и борется у себя в школе на уроках с матерящимися старшеклассниками...

Аркадию она сказала, что сирота, родители погибли в аварии. Она никогда не писала им и не звонила, а если приходили письма от матери – выбрасывала, не вскрывая. Она не хотела, чтобы что-то напоминало ей о той серой и тусклой жизни.

«Алиса жаждала жизни новой, необыкновенной и яркой, и готовила себя к ней – учила английский язык, занималась кун-фу...

Закончив институт, она пришла работать в КБ к Загряжскому, но к этому времени такая работа уже не обещала ни денег, ни серьезного карьерного роста.

А потом КБ и вовсе развалилось. Но Аркадий Ильич снова оказался на коне. На пару с Посташевым, куратором разработок бюро от отраслевого министерства, он что-то приватизировал, что-то объединил, что-то разделил, перевел куда-то большие деньги, набрал штат бывших сотрудников своего КБ и еще кое-кого из конструкторов и инженеров. И в один прекрасный день рассказал Алисе о почти завершенной разработке сверхсекретного самолета „Серебряный сокол“, о том, что по завершении проекта его можно будет продать за огромные, настоящие деньги, и тогда... тогда их ждет светлое будущее. Не то расплывчатое и неопределенное светлое будущее, которое обещали поколению прыщавых школьников в шестидесятые годы, с бесплатными парикмахерскими и раздачей эскимо, а настоящее, конкретное будущее на двоих – те самые пальмы, волны, мулаты... Он говорил ей, какой красивой они будут парой, как хорошо будут смотреться – там, на дорогих курортах, в фешенебельных отелях и на борту океанских лайнеров. Он – импозантный, с прекрасными манерами, умеющий одним движением бровей заставить прислугу делать все быстро и аккуратно, она – красивая, с гладкой кожей и прекрасной фигурой, молодая и влюбленная... Он говорил, а она слушала, и эта мечта входила в ее кровь. Ради этого стоило жить, ради этого можно было сделать все, что угодно.

И многое пришлось сделать. Многие люди стояли у них на пути, множество препятствий приходилось преодолевать. Аркадий ставил перед ней задачу, и она ее выполняла. Выполняла безукоризненно.

Когда в один прекрасный день Алиса узнала о внезапной смерти Посташева, никогда прежде не жаловавшегося на сердце, она внимательно посмотрела на Аркадия и все поняла по выражению его глаз. Поняла и одобрила. Ради мечты можно пойти на многое. Ради мечты нельзя останавливаться ни перед чем.

Аркадий нашел покупателя. Для этого пришлось связаться с уголовным авторитетом, но ведь это было только ради их мечты... Авторитет требовал свою долю, но зато теперь не было

Посташева с его неумными аппетитами, теперь Аркадий - то есть они с Аркадием были фактическими хозяевами разработки.

Правда, Аркадий часто задумывался и хмурился, говорил, что нужно быть очень осторожными, потому что есть люди, их конкуренты, которым пришла в голову та же идея - наложить лапу на „Серебряного сокола“.

С покойным Посташевым неизвестный Алекс сумел сговориться, но теперь ситуация была совершенно иной, и в этой новой ситуации ему не было места. Хорошо, что Алиса познакомилась с Алексом, она будет настороже, но кто еще может стоять на ее пути к большим деньгам? Сколько их еще будет? Она, Алиса, должна всех обойти, иначе просто не может быть.

Плохо, что рассчитывать теперь можно на себя одну, никому нельзя довериться, и никто не поможет.

Отправляясь на решающую встречу со своим новым партнером из криминального мира, Аркадий Ильич на всякий случай сообщил Алисе место настоящего тайника, где хранилась документация самолета. Конечно, он доверял ей... но, даже открыв ей эту тайну, не слишком рисковал: без него все равно никто не мог открыть тайник. Аркадий Ильич был очень, очень предусмотрителен.

И все-таки он предусмотрел не все. Он не предусмотрел женщину в длинном плаще. Женщину с автоматом. Он не предусмотрел собственную смерть.

В тот день в китайском ресторане, увидев мертвого Аркадия Ильича, Алиса ощутила очень сильную боль.

Но она не отчаялась. С ней осталась мечта. Его мечта, которую он передал ей и которая стала теперь ее мечтой. Пусть без него, но будут перистые листья пальм, плотный золотистый песок, набегающие на него теплые волны, подбострастные мулаты... Кроме того, Алиса решила отомстить за его смерть.

Сегодня у нее была такая возможность, Алекс признался, что это он послал женщину с автоматом. Он хотел запугать таким образом Алису, но лишь разозлил ее. Сегодня Алекс был в ее руках, ей стоило нанести только один удар... Но Алиса не сделала этого по двум причинам. Во-первых, не хотела убивать никого в собственной квартире, тем самым давая следствию улики против себя. И во-вторых, Алиса хотела мести страшной, прочувствованной, полноценной, ей недостаточно было убить человека, не сознающего, что с ним происходит. И самое главное - даже эта месть была второстепенна. Главное было - достать косметичку с ее содержимым, достать ключ от ее мечты, ключ от „Серебряного сокола“.

И вот теперь Алиса стояла возле больничной стены и смотрела на кучу прошлогодних листьев. Косметички не было. Алиса огляделась по сторонам, будто больничные корпуса или здание морга могли ответить ей, куда делось спрятанное здесь сокровище.

Если бы косметичку нашли бандиты, от которых она удирала минувшей ночью, Дух так или иначе упомянул бы об этом. Хотя возможно, что они вернулись сюда позже, после того как Алиса убежала от них...

Еще раз оглядев больничное здание, Алиса остановила свой взгляд на окне второго этажа. Она вспомнила, как, зарывая в листья косметичку, заметила движение за этим окном. Может быть, тот, кто следил тогда за ней, увидел и куда делась потом косметичка?

„Нужно будет, - подумала Алиса, - когда стемнеет и большая часть врачей разойдется по домам, пробраться в больницу и выяснить, кто стоял у этого окна и что он видел“.

Велора Михайловна Сырникова внезапно проснулась. Честно говоря, такого с ней не бывало ни разу в жизни: сон у Сырниковой был отменный, как говорила ее тетка Елизавета - чугунный сон. Но сейчас она проснулась от какого-то неясного предчувствия или от едва различимого звука. Сырникова прислушалась.

В ночной больнице было тихо, только где-то в хирургии негромко бормотали водопроводные трубы да изредка гулко всхрапывала соседка по палате Анна Поросенко. Сырникова позавидовала соседке и попыталась уснуть, но не тут-то было. Что-то мешало ей, что-то ее тревожило. Попытавшись устроиться поудобнее, Велора Михайловна повернулась на бок, больничная кровать жалобно скрипнула, и в ту же секунду обострившийся в ночной тишине слух уловил еще один едва слышный скрип. Возле двери палаты скрипнула половица. Сырникова повернулась на этот звук, но в комнате было так темно, что ей не удалось ничего разглядеть, хотя и показалось, что возле двери вырисовывается что-то еще более темное, чем окружающая темнота. Она подумала, что разыгрались нервы и мерещится поэтому всякая чушь. Еще подумала, что придется теперь просить у сестры снотворное, а Сырникова всю жизнь считала тех, кто принимает снотворное, неженками и кривляками.

И в это мгновение пол снова скрипнул. Сырникова замерла, задержала дыхание, вслушиваясь в ночную тишину, не веря своим страхам. В комнате было душно, сонное дыхание трех женщин создавало ощущение покоя. Снова всхрапнула Поросенке, перевернулась, простонав пружинами койки, и отчетливо пробормотала во сне: „Показатели за четвертый квартал определенно занижены“. Сырникова подумала уже не разбудить ли невозмутимую Анну и не поделиться ли с ней своими глупыми страхами, но потом представила, как та будет тупо смотреть на нее спросонья, и передумала. Она неподвижно лежала, почти не дыша, всматриваясь в густую темноту и вслушиваясь в едва различимые ночные шорохи. Вдалеке на посту дежурной медсестры раздавались приглушенные голоса - видимо, кому-то из больных понадобилась помощь, а может быть, пришел к этой вертихвостке поболтать дежурный ординатор. Велора Михайловна с завистью представила себе ярко освещенный настольной лампой пост, электрический чайник, коробку с печеньем...

Пол снова скрипнул, и на этот раз гораздо ближе к ее кровати. Сердце Велоры билось, как птичка в лапах кота, лоб от страха покрылся холодным потом. Она окончательно решила разбудить Анну, пусть даже та высмеет ее, назовет паникершей и трусихой... Велора приоткрыла рот, чтобы вполголоса окликнуть спящую соседку, но в это самое время сгусток темноты метнулся к ее кровати, и сильная рука зажала рот платком, пропитанным какой-то остро и неприятно пахнущей жидкостью. Сырникова попыталась вскрикнуть, вырваться, подняться... Но сильные руки страшного ночного гостя прижимали ее к койке, не давая возможности пошевелинуться. Сердце Велоры Михайловны, и без того бившееся у нее в горле, заколотилось с немыслимой, невозможной частотой и, не выдержав этого напряжения, остановилось, как останавливаются часы, если сверх предела перекрутить их пружину.

Почувствовав, что женщина на кровати у окна перестала сопротивляться, ночные гости бесшумно переложили ее на складные носилки и вынесли в коридор. Там они чуть ли не бегом донесли безжизненное тело до лифта, пронесли мимо дремлющего дежурного, который приоткрыл было один глаз, но, увидев, что человека на носилках несут не в больницу, а из нее, решил, что это ему снится, и снова погрузился в глубокий и здоровый сон.

На улице людей с носилками поджидал фургончик „Скорой помощи“. Носилки вкатили через заднюю дверь, санитары вскочили в боковую, и фургончик сорвался с места.

И только когда „Скорая“ далеко отъехала от больницы, сидевший рядом с носилками мужчина кавказского вида, почувствовав неладное, пощупал у Сырниковой пульс. После этого он смачно выругался и мрачно уставился на одного из „санитаров“:

- Вы, работнички хреновы! Вам ведь велели ее живую притащить!

- Что значит - живую? - отозвался один из „санитаров“, тот, что повыше и похудее. - Она и была живая... Померла, что ли? Ну так ее разэтак! - Он наклонился над телом на носилках и взгляделся в лицо мертвой Сырниковой, на котором свойственное Велоре Михайловне при жизни постоянное недовольство постепенно переходило в абсолютное безразличие смерти. - Да ешь твою плешь! Эта же вообще не та!

- То есть как это не та? - Кавказец приподнялся на сиденье, медленно багровея и наливаясь яростью. Вы что - еще и бабу перепутали?

- Да поди разберись в темноте, - оправдывался „санитар“, - мы взяли то, что лежало... Кровать та самая была, около окошка...

- Точно не та? - еще раз переспросил Дух.

- Точно, - растерянно отозвался „санитар“. - Эта - худая, старая очень и с усами, а та была вроде помоложе и с виду попримячнее...

- Может, тебе она теперь старше кажется, оттого что мертвая?

- Да нет, Дух... та точно была помоложе, и усов не было.

- А по мне, - вступил в разговор второй „санитар“, - все бабы, которым больше сорока, на одно лицо. Поди их разбери...

- Да ты, Крыса, ее и не видел! Мне ее старушенция из морга показывала.

- Тихо! - заорал Дух. - Нечего по ерунде базарить! Оба хороши! Теперь-то что делать? Не возвращаться же в больницу - все равно в темноте нужную бабу не найдете, черт ее знает, куда она делась. Может, ее перевели или вообще выписали. Теперь от этой еще избавляться надо. - Он злобно покосился на труп Сырниковой.

- Толян! - окликнул Дух водителя. - Шпарь на Богословское кладбище!

Толян, привыкший к неожиданным переменам маршрута, резко крутанул руль и погнал машину на Охту.

Следя за многочисленными ямами и рытвинами, он не заметил, что от самой больницы за ними следуют „Жигули“ с выключенными фарами.

Алиса угнала эти „Жигули“, чтобы добраться ночью до больницы, не привлекая к своей персоне внимания таксистов или частных „извозчиков“.

Подъехав к больнице и уже собираясь пробраться внутрь и поближе познакомиться с наблюдательным человеком со второго этажа, она увидела, как двое санитаров выносят из здания неподвижное тело на носилках. Это показалось ей странным: людей на носилках приносят в больницу, а не уносят из нее, во всяком случае, по ночам. Из больницы люди либо выходят своими ногами, либо уезжают в венках и лентах на неказистых автобусах похоронной

службы.

Присмотревшись к санитарам повнимательнее, Алиса узнала в одном из них бандита, который в компании с Духом и Вовчиком гонялся за ней минувшей ночью около морга.

Ситуация становилась подозрительной. Кого могут выносить бандиты из больницы? Наверняка того же человека, с которым хотела поговорить Алиса, свидетеля сцены возле морга. Что из этого следует? Может быть, бандиты не нашли косметичку и хотят узнать, кто ее взял? Бред! Если они косметичку не нашли, то откуда они могут знать о ее существовании? Может быть, они нашли ее, но хотят убедиться, что спрятала ее именно Алиса?

В любом случае за машиной бандитов стоило проследить.

И Алиса, не включая фар, двинулась за „Скорой помощью“.

Дорожное покрытие в городе и вообще-то оставляло желать лучшего, но если ехать по нему в темноте, да еще не включая фары, – это удовольствие не для слабонервных. „Жигули“ подбрасывало на выбоинах по десять раз в минуту. Алиса отбила себе все, что только можно, чуть не прикусила язык и радовалась одному: машина у нее краденая, и не ей после такого кросса придется заниматься ремонтом.

Проезжая по Литейному проспекту, где дорога наконец стала поровнее, „Скорая помощь“ вдруг резко изменила направление. Алиса удивилась, но свернула следом. Она думала, целью бандитов является то же самое полузаброшенное здание, в котором минувшим утром держали ее саму, и они действительно до сих пор ехали именно туда, но сейчас повернули на Охту.

Через некоторое время впереди замаячил едва различимый в темноте крест кладбищенской церкви, и „Скорая помощь“ остановилась возле ограды Богословского кладбища.

Алиса, все больше удивляясь, заглушила мотор и крадучись двинулась за бандитами. Двое здоровенных парней несли носилки. Пройдя мимо закрытых ворот кладбища, они пошли вдоль ограды и вскоре свернули в широкий пролом, которым днем пользовались многие посетители кладбища, чтобы срезать дорогу к родственным могилам. Алиса следом за „санитарами“ пробралась на кладбище, хотя уже догадывалась о цели этой прогулки.

Перебегая от могилы к могиле, прячась за крестами и надгробьями, она на небольшом удалении следовала за своими знакомцами.

Ночное кладбище – не самое приятное места для прогулок: под ногами предательски чавкала непросохшая весенняя грязь, по сторонам раздавались какие-то странные и пугающие звуки – то ли скрип старых деревьев, то ли вздохи грешных душ, не находящих вечного упокоения...

К счастью, Алиса не верила во всякую мистическую чепуху. Ее гораздо больше интересовала конечная цель парочки с носилками.

Наконец „санитары“ остановились возле свежевыкопанной ямы, должно быть, приготовленной для завтрашних похорон. Встав около могилы, они без всякого уважения накренили носилки и сбросили белеющее в темноте тело в разверстую яму. Из глубины могилы раздался только глухой плеск – внизу стояла выступившая из почвы вода. Ни стопа, ни крика не донеслось, из чего Алисе стало ясно, что сброшенное в могилу тело было уже мертвым.

„Санитары“ взяли с тех же носилок две лопаты и наскоро забросали тело замлей.

Из того, что удалось увидеть, она сделала вывод, что бандиты похитили в больнице свидетеля утренних событий, не стали откладывать допрос до своей резиденции и прямо в машине „Скорой помощи“ выяснили все, что их интересовало, а потом ставшего бесполезным свидетеля убили и избавились от трупа.

И что же теперь делать ей, Алисе? Главное – не поддаваться отчаянию, напомнила она себе. Настал час испытаний – теперь она одна против всех, и никого рядом. Но она жива и полна сил, а самое главное – она знает, где находятся документы. Они подождут, потому что никто, кроме покойного Аркадия Загряжского, не смог бы их оттуда взять. Кроме Аркадия и ее, Алисы... Значит, она добудет эти документы во что бы то ни стало, только затратит больше времени, вот и все.

Алиса решила не возвращаться к угнанной машине – не нужно лишнего риска. Отчаянный мужик на разбитом „жигуленке“ решил остановиться возле нее в три часа ночи – женская одинокая фигура показалась ему достаточно безопасной. Однако, разглядев поближе ее лицо, он вздрогнул и попытался захлопнуть дверцу.

- Не бойся, дядя, я не наводчица, – мирно сообщила Алиса. – Доставь-ка меня к Витебскому проспекту, в цене сойдемся.

- Кто тебя знает, – пробурчал тот, – шляешься одна ночью... на шлюху не похожа, вот я и подумал нехорошее. Да ладно, у меня и денег-то с собой почти нету.

Алиса видела, что он врет – три часа ночи, уже успел наездить.

- Меня твои деньги не интересуют, я не грабить тебя собралась, – повторила она.

Но мужик всю дорогу нервно оглядывался и высадил ее возле Витебского проспекта с видимым облегчением.

- Куда идешь одна в такую глухомань и темень, – пробормотал он. – Ну чисто ведьма...

Алиса засмеялась, и он вздрогнул от ее гортанного смеха. Сунув деньги в карман не считая, водитель газанул и был таков. Алиса же не спеша пошла по Витебскому проспекту, на котором в такое время не только не встретила ни одного человека, но и фонари-то не горели. Алисе фонари были не нужны, она видела в темноте как кошка. Она шла, вдыхая свежий весенний воздух, забирая в сторону от проспекта, и вскоре добрела до бетонных гаражей. С одной стороны гаражи отгораживало железнодорожное полотно, с другой – бетонный забор.

Алиса тенью скользнула мимо будки сторожа, впрочем, тот крепко спал, запершись изнутри и понадеявшись на собаку. Собака же, здоровенная дворняга мужского пола, как только сторож заснул, ушла по своим важным делам – неподалеку на пустыре объявилась гуляющая сучка, и усидеть возле будки псу не было никакой возможности.

Вообще в этом гаражном кооперативе каждый охранял собственный гараж самостоятельно – с помощью хитроумных замков. Место было глухое, окраина города, владельцы гаражей все были люди небогатые, и машины держали здесь самые незавидные.

Безошибочно двигаясь по лабиринту гаражей, Алиса нашла свой блок, достала из кармана маленький пульт дистанционного управления, нажала кнопку, и автоматические стальные ворота с ровным гудением мотора поехали вверх.

Все было как обычно, никто не потревожил ее убежища. Старый бетонный гараж, который она

снимала за приличную плату у обнищавшего доцента Военно-механического института, чей „Запорожец“ давно сгнил на свалке, и был ее тайным убежищем, о котором не знал никто, даже Аркадий Загряжский.

Она натолкнулась на гараж совершенно случайно и уговорила владельца сдать его ей на время. Сдавал гараж доцент тайно от жены, так что в его интересах было держать сделку в секрете. Алиса же была очень осторожна и теперь могла с уверенностью сказать, что никто ее не выследил. Она усовершенствовала снятый гараж, поставила в нем замечательные и очень надежные немецкие подъемные ворота, против чего доцент, конечно, не возражал, а также снабдила свое временное убежище целым рядом хитрых ловушек для незваных гостей, о чем доцент, разумеется, не догадывался.

Теперь, когда в квартире появиться было нельзя, это тайное убежище очень пригодится Алисе. В гараже было отопление и раковина с холодной водой.

Алиса вошла в просторное помещение и зажгла свет. Потом она тщательно заперла за собой ворота и сняла куртку. Хотелось есть и спать, а самое главное – нужно было хорошенько подумать над всем случившимся и выработать дальнейший план действий. Алиса была уверена, что рано или поздно доберется до документов, но вопрос, каким образом выгодно продать эти материалы теперь, после смерти Аркадия и Кабаныча, оставался открытым.

Алиса разделась догола и, стоя босиком на цементном полу перед маленькой раковиной, обтерлась махровой рукавичкой, смоченной в ледяной воде. После такой процедуры усталости как не бывало. Не вытираясь полотенцем, Алиса сунула ноги в тапочки и прошла к маленькому шкафчику в углу. Доцент держал там инструменты, Алиса же приспособила одну полку под продукты. Она достала банку пива, пачку сухого соленого печенья и банку ананасного компота – в свое время накупила консервов, только не мясных, она вообще не ела мяса.

Завернувшись в огромную простыню из сурового полотна, Алиса присела на низенькую койку, оставшуюся тоже от доцента, – будучи помоложе и попригляднее, он водил в гараж боевых подруг тайно от жены, во всяком случае, объявил так Алисе, блудливо поблескивая глазками. Здесь, на койке, Алиса съела скудный ужин и улеглась, попивая пиво и думая о том, что нужно сделать, чтобы ее голубая мечта поскорее претворилась в жизнь.

Аркадий перед смертью говорил ей, что дело на мази. Разработка закончена, и переговоры с японцем, который согласен ее купить, проходят успешно и подошли уже к последней фазе. Еще бы – тянуть никто не собирался: ни Загряжский, которому нужно было поскорее получить деньги на свой счет в швейцарском банке и уехать из страны, ни японец, которому нужно было скорее получить разработку и уносить ноги, а то привяжутся российские спецслужбы – дело-то дурно пахнет.

Японец должен был приехать Со дня на день, и встреча Загряжского и Кабаныча в китайском ресторане была последней перед окончательными переговорами.

Стало быть, Алисе каким-то образом нужно выйти на японца.

Пиво было выпито, план разработан. Алиса поплотнее завернулась в простыню, улеглась поудобнее и крепко заснула.

* * *

Утром Надежда проснулась от удивленного Любкиного крика:

- Бабы, а Сырникову-то ночью куда-то перевели!
- Как это - перевели? - спросила Надежда, медленно соображающая спросонья.
- Да нету нашей Великой Октябрьской! Исчезла с горизонта, как комета Галлея!
- Не мели ерунды! - прервала Любку Анна Поросенко и продолжала тоном потенциальной свекрови:
- Женщина в туалет, верно, вышла, а ты тут со своими глупостями!
- Да? В туалет вышла? - ехидно переспросила Любка. - Прямо вместе с одеялом? И, между прочим, я уже целый час не сплю, а ее все нету! Не иначе как утонула она в туалете! Раз вы не верите, что перевели ее...
- Но кто же ночью переводит? - продолжала спорить Анна. - И в таком случае, мы бы слышали.

У меня, например, очень чуткий сон...

- Был бы чуткий сон, от собственного храпа просыпалась бы, - вполголоса парировала Любка, оставив за собой последнее слово.
- А между прочим, - задумчиво пробормотала Надежда скорее самой себе, - мне ночью показалось, что в палате кто-то ходит... Но я не проснулась, - призналась она покаянно.

В это время в палату вошла сестра Людочка с обычной утренней процедурой - она несла в руке четыре градусника.

- Дамы, дамы! Разбирайте термометры! - крикнула она звонко.
- А куда перевели нашу Сырникову? - осведомилась Анна Поросенко с ноткой осуждения.
- Да-да, куда вы дели нашу Революцию Михайловну? - поддержала Любка.
- Как перевели? - Людочка изумленно уставилась на пустую кровать. - Никто ее никуда не переводил... насколько я знаю... Подождите-ка, я в журнале посмотрю.

Через несколько минут она вернулась, совершенно растерянная, и сообщила:

- В журнале никаких пометок нет, а на Сырникову сегодня и питание выписано, и лекарства, и процедуры... Куда же она подевалась? Может, она самовольно домой ушла?
- Посреди ночи? - саркастически спросила Надежда. - Да еще и одеяло с собой прихватила?
- А это как раз понятно, - вступила Любка, - сейчас холодно, одежду она не смогла раздобыть, вот и завернулась в одеяло, как индеец, все-таки теплее...
- И приличнее, - подтвердила Надежда.
- Что вы мне голову морочите? - рассердилась Людочка. - Одеяло казенное прихватила, а халат и тапочки остались?!

Она побежала сообщить о ЧП дежурному врачу.

Надежда задумалась. Исчезновение Сырниковой очень ей не нравилось. В то, что эта немолодая тетка сама куда-то отправилась посреди ночи босиком и в одеяле, никто не поверит. Да она и не проснулась бы среди ночи.

Остается признать неприятный факт – Сырникову похитили. А судя по тому, что они все ничего не слышали и даже не проснулись, Сырникову перед похищением либо оглушили, либо чем-то усыпили.

- Странные дела творятся в этой больнице, – сказала Надежда сама себе тихонько.

Опять-таки, рассуждая логически: кому могла понадобиться эта старая галоша? Сокровищ мадам Сырникова не имела, рассчитывать на выкуп похитителям не приходится: на месте родственников Надежда не только ничего не заплатила бы за возвращение Велоры Михайловны, но, наоборот, приплатила бы за то, чтобы ее не возвращали как можно дольше. Если бы, конечно, у нее было что приплатить.

Надежда вспомнила последний визит к Сырниковой ее племянницы, какими глазами та смотрела на беспрерывно ворчащую тетю, и убедилась, что права.

Она снова задумалась, уставясь на пустую койку Сырниковой... И вдруг ее осенило:

- Кровать!

- Что – кровать? – спросила Любка. – При чем тут кровать?

Надежда опомнилась и сказала Любке, что еще не спятила, просто она вслух думает. Но дальше она стала думать про себя и думала вот что: эта кровать только со вчерашнего вечера стала Велориной, до этого на ней лежала Надежда, и Сырникова вчера со скандалом заставила ее поменяться – ей, видите ли, душно и дует от дверей!

Стало быть, вполне можно предположить, что тем, кто похитил Сырникову, на самом деле была нужна она, Надежда?

„И для какого беса я им нужна? – думала Надежда. – По справедливости, ко мне относится все то, что я перечисляла в случае в Велорой... Ну разве что чуть помоложе и характер получше, но о последнем не мне судить... А так – ни сокровищ, ни выкупа им не сможет предоставить мой муж. Вот если бы бандиты похитили, страшно подумать, кота Бейсика, тогда муж своротил бы горы, достал любые деньги и заплатил выкуп! А ради меня – вряд ли...“

Последние грустные мысли были навеяны бесконечными разговорами о коте, которыми Сан Саныч, навещая жену в больнице, считал своим долгом отвлекать ее. Он с такой нежностью говорил о коте, что Надежда ревновала мужа самым вульгарным образом.

Она давно знала, что муж кота любит больше, чем жену, но не могла с этим смириться.

И сейчас Надежда так расстроилась, что даже отвлеклась от основной мысли своих рассуждений.

В палату заглянула тетя Дуня. Вид у нее был весьма помятый. Она взглянула на пустую кровать у окна и ничего не спросила. Вообще сегодня она вела себя подозрительно тихо, прятала глаза и больше глядела в пол.

- Тетя Дуня, как сторож себя чувствует, полегчало ему? – спросила Надежда.

Тетя Дуня, услышав голос Надежды, вдруг дико оглянулась, вздрогнула и бросилась из палаты, теряя на ходу тапочки.

- Перепила, видно, вчера бабулька, - авторитетно заявила Любка, - черти мерещатся.

- Так и белую горячку недолго получить! - поддержала разговор Поросенке.

Они с Любкой заспорили, бывает ли у женщин белая горячка, но Надежда участия в споре не принимала. Она напряженно думала.

Если те вчерашние бандиты схватили девушку и пытали ее, то она могла признаться, что зарыла косметичку под окном палаты. Это неважно, что никто не приходил покопаться в прошлогодних листьях, Надежда могла просто этого не заметить - не все время она у окна сидит. И вот, допустим, ничего они там не нашли, то есть точно ничего не нашли - косметичку-то Надежда спрятала. А вдруг они спрашивали Венечку? Он, разумеется, все им рассказал - зачем ему Надежду покрывать. Опять же тетя Дуня ведет себя очень подозрительно. Не она ли, ведьма старая, навела бандитов на Надежду?

Лечащему врачу больная Лебедева устроила грандиозный скандал, требуя выписать ее немедленно. Но тот ни в какую не соглашался. Надежда обратила его внимание на исчезновение Сырниковой, но все отделение и так уже было в растерянности по этому поводу. Врачи пожимали плечами, дежурная ночная смена в полном составе клялась, что они вообще ночь не спали и никто из палаты не выходил даже в туалет.

Ждали прихода родственников Сырниковой, поскольку имелась слабая надежда, что она сбежала из больницы. Если же нет, то придется вызывать милицию, чего заведующий отделением очень не хотел.

Надежда рассудила, что нынче ночью санитар на входе спать уж точно не будет и мимо него бесчувственное тело пронести будет трудно. Сама же она решила вообще не спать и в случае чего заорать на все отделение.

Как обычно, после девяти вечера она отправилась звонить мужу. Но внизу у телефона-автомата была такая очередь, что Надежда решила попроситься позвонить на посту у медсестры - с ее ногой стоять было тяжеловато.

Она поднялась к себе на второй этаж, но телефон на посту был занят - Любочка проверяла уроки у сына-первоклассника. В ответ на умоляющий взгляд Надежды она махнула рукой в сторону ординаторской - иди, мол, там никого нету.

Надежда постучала в ординаторскую и, когда никто не отозвался, осторожно открыла дверь. Но оказалось, что в ординаторской идет разговор между медбратом Андрюшей и невесть как просочившейся туда Любкой. Андрюша говорил комплименты, Любка хохотала и жевала конфеты. На вошедшую Надежду Андрей глянул очень неодобрительно, и она со вздохом ретировалась. Ужасно не хотелось идти снова вниз - там очередь и дует от дверей, - и Надежда перешла через лестничную площадку, чтобы проникнуть в отделение хирургии.

Коридор был безлюден, и не слышно было никаких голосов. На посту дежурной медсестры никого не было и даже не горела настольная лампа. Надежда сняла трубку телефона, но он молчал. Не было никаких гудков - ни длинных, ни коротких. Надежда потянула дверь ближайшей палаты. Она отворилась с противным скрипом. В комнате царил полная темнота.

- Простите! - Надежда тихонько прикрыла дверь, решив, что больные - все лежащие - уже спят.

„Да что же такое с телефоном? Видно, придется идти вниз или у Любки мобильник попросить...“

Но, вспомнив, что Любка занята светской беседой, которая очень просто могла перейти уже в более тесное общение, Надежда приуныла. А позвонить мужу нужно было срочно – она хотела, чтобы Сан Саныч поговорил с врачом и забрал ее из этой сумасшедшей больницы под расписку как можно скорее.

Машинально Надежда приоткрыла дверь следующей палаты и остановилась на пороге. В палате стояла тишина, но тут тусклый луч света из коридора упал на ближнюю койку, и Надежда увидела, что там лежит только голый матрац и подушка без наволочки. В палате никого не было, оттого и свет погашен.

Надежда вышла в коридор и остановилась. Отделение поражало удивительной тишиной. Она ошиблась, думая, что лежащие больные уже спят, а ходячие смотрят телевизор, сестрички же болтают где-нибудь с молодыми ординаторами. В отделении просто никого не было – ни врачей, ни больных. Нигде не раздавалось ни звука – не стонали послеоперационные, не кашляли старики, не цокали каблучками сестрички. Огромное отделение с длинным коридором как вымерло, то есть действительно безлюдное помещение производило именно такое впечатление.

Надежда почувствовала себя, как моряки в Бермудском треугольнике, когда они нашли в океане судно „Принцесса Мария“. Машина работала, руль поворачивался сам собой, на палубе было оставлено ведро с водой и швабра, на горячей плите стояли кастрюли с супом, в кубрике на столе брошены карты – и нигде не было ни одного человека из команды. Тайна „Принцессы Марии“ так и осталась тайной, но здесь все-таки не Бермудский треугольник, напомнила себе Надежда, люди не могут пропадать просто так.

Надежда еще раз оглядела пустой коридор и облегченно рассмеялась. Определенно у нее начинается склероз. Ведь говорила же третьего дня тетя Дуня, что в хирургии задумали делать ремонт и всех больных кого срочно выписывают, кого переводят временно в другое отделение. Поэтому так пусто в палатах и телефон не работает.

„Пребывание в этой больнице очень плохо влияет на мои умственные способности, – со вздохом подумала Надежда. – Ни днем ни ночью тут покоя нету, мало того что Поросятке храпит, как иерихонская труба, так теперь по ночам люди пропадать стали...“

Надежда повернулась и пошла обратно – возможно, Людочка уже закончила трудный разговор с первоклассником, иначе придется отстоять очередь у автомата. Она толкнула дверь на лестницу и остановилась: дверь не поддавалась. Надежда по инерции толкнула ее еще раз, потом налегла плечом, думая, что дверь заклинило. Но через некоторое время поняла всю тщетность своих попыток: дверь была заперта.

Вот тебе и раз! Очевидно, кто-то из персонала закрыл дверь пустого отделения, чтобы не шастали посторонние. Надежда подергала дверь, даже постучала немного, но вовремя опомнилась: в травматологическом отделении ее не услышат – слишком длинный там коридор, а по лестнице в это время никто не ходит.

Вот именно. Эта мысль впилась в Надежду, как сосновая иголка в ступню. По лестнице так поздно никто не ходит, кто же тогда запер дверь? И вообще, это мог сделать только человек, облеченный хозяйственной властью – завхоз или сестра-хозяйка, но их-то уж точно не бывает в больнице после пяти часов!

Надежда отступила от двери и пошла по коридору в противоположную сторону, уговаривая себя не волноваться – там есть еще одна дверь, и уж она-то точно не заперта. Хотя как раз та дверь черного хода всегда бывает заперта, вспомнила она уже по дороге. Если бы не нога, Надежда пустилась бы по коридору бегом, но проклятый гипс мешал, и нога не сгибалась в колене.

Шаги гулко разносились по коридору, и от этого Надежде Николаевне стало очень неуютно. Она убеждала себя, что досадное недоразумение вскоре разъяснится, что если та, другая дверь окажется запертой, она вернется к этой и рано или поздно кто-то пойдет по лестнице и услышит ее крики. Ну посмеются над ней, может быть, даже обругают, что полезла куда не положено, но выпустят ведь. А если даже не выпустят, то можно переночевать в какой-нибудь палате просто на матрасе. Все же отапливаемое помещение, не на улице же она осталась! Но страх перехватил горло, и сердце сжималось, как ни старалась Надежда Николаевна взять себя в руки.

Дверь черного хода, естественно, была заперта, и запыхавшаяся Надежда побрела обратно, проклиная длину больничных коридоров. По пути она заглянула в две-три палаты, там было то же, что и в первой, с той разницей, что на кроватях не было ни матрасов, ни подушек, одни пружинные сетки.

Дойдя до двери, Надежда опять подергала ее без надежды на успех, потом постучала в стекло и покричала немного. Естественно, никто не отозвался. Дверь запиралась на ключ, причем и с той и с другой стороны открыть ее тоже можно только ключом. Стало быть, кто-то хозяйственный запер двери, но почему же тогда не выключили свет? В длинном коридоре Надежда насчитала одиннадцать плафонов под потолком – никакой экономии электроэнергии!

Как бы в ответ на ее замечание, свет в коридоре погас. Надежде стало жутко. Она четко помнила, что все выключатели находятся в середине коридора у поста дежурной медсестры. Но там ведь никого не было, во всем отделении вообще никого не было, кроме самой Надежды!

В темноте ей стало так жутко, что хотелось сесть на пол и визжать, пока не кончатся силы. Стекло в двери было очень прочное, его не выбить легоньким алюминиевым костыликом. Конечно, если бы поблизости был железный лом или топор...

Наконец она решилась дать волю своим страхам – интуиция подсказывала ей, что в темноте кроется опасность. Ведь беднягу Сырникову похитили. Потом неизвестные бандиты убедились, что взяли не того свидетеля, и вернулись за Надеждой.

Думая на ходу, Надежда осторожно кралась вперед, к выключателям. Глаза привыкли к темноте, тем более что в коридор попадал свет из окон – немного, только чтобы видеть смутные тени.

Но вот и стол медсестры. Надежда на ощупь нашла выключатели и подергала их. Свет не горел, независимо от положения выключателей. Стало быть, энергию отключили по-другому, вывинтили пробки, например... Или устроили короткое замыкание... Но для чего?

- А для того, наконец вынуждена была признать Надежда, чтобы поймать ее здесь, в совершенно пустом помещении, напугать до полусмерти, похитить или вообще убить...

Когда все встало на свои места, Надежда слегка приободрилась. Ведь бояться обычно больше всего неизвестного. Если сделать смелое допущение, что дверь закрыли с целью навредить Надежде, то она готова дорого продать свою жизнь.

„Так-то, голубчики, – думала Надежда, прижимаясь к стене в самом темном месте коридора, – я вам не сонная Сырникова. Я всякого повидала в жизни и так легко в панику не впадаю. Если уж совершила такую глупость, что пришла сюда сама, то дальше я вам помогать не стану, попробуйте-ка встретиться со мной лицом к лицу“.

Незачем говорить, что монолог Надежды был своего рода аутогенной тренировкой. Она убеждала себя, что не все потеряно и вполне можно от бандитов спастись, главное – не бояться. На самом-то деле Надежда понимала, что где уж справиться немолодой женщине, да еще с ногой в гипсе, с двумя, а то и тремя сильными мужиками. Но про это она старалась не думать.

В отделении по-прежнему стояла тишина, не нарушаемая никакими звуками. Надежда не шевелилась и даже почти не дышала. Враги ожидали, что она впадет в панику, будет метаться по коридору и кричать, а она решила применить обманный маневр. Для этого требовалась выдержка – что ж, ее Надежде Николаевне Лебедевой не занимать.

И вот в жуткой ватной тишине Надежда услышала крадущиеся шаги. Определенно, шаги были по ее душу. Она мобилизовала всю свою силу воли, чтобы не броситься бежать сломя голову. И когда прошел первый приступ страха, она даже немного успокоилась.

Все стало ясно. Действительно, и дверь заперли, и свет выключили не привидения, а вполне реальные люди, которые охотятся за ней, Надеждой. Стало быть, она не сумасшедшая и не истеричка.

Надежда Николаевна никогда и не считала себя таковой, но не вредно лишний раз в этом убедиться.

Перед ее глазами встал план отделения травматологии – он висел в углу коридора у аварийного выхода, и пунктиром был обозначен путь эвакуации больных в случае пожара или еще какого-нибудь стихийного бедствия. Отделения травматологии и хирургии были совершенно одинаково устроены, одно являлось зеркальным отражением другого. В „травме“ тоже был длинный коридор и сестринский пост посередине.

Вначале располагались палаты, а в глубине – в небольшом коридорчике – операционная, перевязочная, процедурный кабинет и ординаторская. В хирургии все было точно так же, только коридорчик располагался не справа, а слева.

Моля бога, чтобы проклятый гипс не стучал, Надежда принялась красться в сторону коридорчика.

Для удобства она опиралась на костыль и делала это без опасения – Сан Саныч собственноручно надел на острый алюминиевый конец маленькую резиновую галошку.

Хорошо, что Надежда была гораздо ближе к коридорчику, чем ее неизвестный преследователь. Она безошибочно повернула налево —» не зря провела в больнице почти месяц – и открыла первую дверь, по ее предположениям это была перевязочная. Надежда хотела найти там какое-нибудь режущее или колющее оружие – ножницы, к примеру, или, на худой конец, пинцет...

Но не успела: шаги преследователя раздались совсем близко. Надежда затаилась за дверью. И вдруг вдалеке послышался мужской голос:

– Эй, Витек! Ну что там у тебя?

- Тут она где-то, - отвечал Витек, - никуда не денется.

- Давай не тяни... Дух велел торопиться...

«Те самые, - мелькнуло в голове у Надежды, - которые в морге были...»

- Черт, не видно ни фиги! - Витек рывком распахнул дверь. - Выходи, тетя, с веща...

Договорить он не успел, потому что Надежда ловко подставила свой костылик, Витек, плохо видевший в темноте, естественно, споткнулся и со всего размаха плюхнулся на пол, причем проехал по гладкому линолеуму метра полтора и врезался головой в стеклянный шкафчик с инструментами.

Звон стекол сопровождался зверским воплем незадачливого Витька, потом все стихло.

- Витек! - снова послышался далекий голос. - Что там у тебя? Тетка-то жива? А то Дух голову снимет, если и эта того...

«Стало быть, Сырникову они уже уморили, - сообразила Надежда. - Мерзкая, конечно, была баба, но все же мир ее праху...»

Осторожно, стараясь не наступать на стекла, она подошла ко второму шкафчику. Там раньше, вероятно, хранились перевязочные материалы, но сейчас остались только кусок ваты, банка с вазелином и бутылка, на вид пустая.

Надежда потрясла бутылку - там плескалось немного жидкости. Она отвинтила пробку и понюхала - ничем не пахло. Очевидно, в бутылке находилась перекись водорода - оттого бутылка и казалась пустой, что перекись совершенно прозрачна. Надежда взяла в руки бутылку и снова заняла свой пост у дверей.

Не прошло и минуты, как послышался близкий топот.

- Витек, ты где, отзовись? - проговорили за дверью.

- М-м, - отозвался Витек, - ч-черт...

Надежда открыла пробку, и как только дверь отворилась, плеснула из бутылки в то место, где, по ее расчетам, должна была находиться бандитская физиономия. Крик, который раздался сразу же, подсказал Надежде, что она попала куда надо.

«Жаль, не серная кислота была в той бутылке», - подумала Надежда и сама удивилась собственной кровожадности.

Перекись водорода не могла причинить бандиту особенного вреда - кожа вообще не пострадает, а глаза пощиплет немножко, и пройдет все, если как следует промыть. Но на некоторое время Надежда сумела вывести двоих бандитов из игры.

Бандит выронил горящий фонарик, Надежда еще огрела его пустой бутылкой по голове и выскочила в коридор. Из перевязочной неслась жуткая ругань. Надежда побежала сколь могла быстро в сторону черного хода - ей пришлось в голову, что стекло на двери там не такое прочное. А в общем, она уже плохо соображала - двоих бандитов оказалось многовато для ее расшатанных в больнице нервов.

«Господи! - призывала она на бегу. - Господи, помоги!»

И - о чудо! - она заметила за стеклом двери какой-то силуэт. Дверь открылась, и лампочка на площадке осветила мужчину в белом халате и докторской шапочке.

- Что случилось? - проговорил он вполголоса. - Как вы сюда попали?

- Доктор, - Надежда собрала последние силы и говорила на бегу, - доктор, какое счастье, что вы пришли... там бандиты...

Она подбежала уже к двери и готова была упасть неизвестному доктору в объятия, как вдруг заметила смуглую кожу, черные глаза и брови, нос с горбинкой...

- Дух... - слабеющим голосом крикнула Надежда, но струя из баллончика, пущенная Духом, не дала ей договорить.

Дух подхватил медленно оседающую Надежду и аккуратно положил ее на пол, потом с ненавистью посмотрел на приближающихся подчиненных. Вид у них был самый неприглядный. У Витька из порезов на голове струилась кровь и стекала по лицу, Крыса же зажимал пальцами глаза и постанывал.

- Хороши же вы бойцы, если одна баба-инвалид так вас разукрасила!

- Кой черт, инвалид! - злобно огрызнулся Витек. - Может, она и не инвалид вовсе? Может, она тут придуривается, симулирует?

- Прекратить базар! - вполголоса приказал Дух. - Выметаться отсюда надо как можно скорее.

Надежда пришла в себя довольно быстро: Дух побоялся, что тетка откинет копыта раньше времени, и плеснул из баллончика несильно. Прежде всего Надежда осознала, что лежит на очень неудобном ложе и не может пошевелиться - ноги и руки были крепко стянуты ремнями. Не открывая глаз, она попыталась вспомнить, что с ней случилось, а когда вспомнила, то чуть не застонала от бессильной ярости. Так глупо попасться! Принять старшего из бандитов за спасителя-доктора только потому, что на нем был белый халат!

Непростительная глупость! И теперь она за это поплатится.

Еще Надежду трясло, и пахло бензином - все ясно, они едут в машине, а привязана она к носилкам, значит, машина «Скорой помощи».

«Вообще-то умно, - подумала Надежда. - Кого удивит возле больницы „Скорая помощь“? Так они и Сырникову вывезли».

Вспомнив о Сырниковой, Надежда расстроилась - очень просто может быть и у нее такой быстрый конец.

В спину больно колело и холодило. Это был тот самый костылик. Очевидно, когда Надежду переносили в машину, костыль зацепился за руку, так с ним и положили.

- Что-то долго она в себя не приходит, - обеспокоенно произнес голос с легким кавказским акцентом. - Проверь, Витек, не сдохла ли...

Надежда решила открыть глаза. Над ней склонилось лицо Витька, все в заклеенных пластырем порезах.

- Очухалась, лоханка старая! - с ненавистью процедил Витек. - Ух, я до тебя доберусь! Всю

морду разбила!

- Да я до тебя пальцем не дотронулась! - возмутилась Надежда. - Под ноги нужно смотреть. Еще и имущество государственное попортил, а оно, между прочим, денег стоит. Больница-то на госбюджете, где они теперь денег на новый шкафчик возьмут?

- Заткнись! - заорал Витек и поднял было уже руку для удара, но Дух ловко перехватил ее и толкнул Витька на место.

- Здесь я командую, когда бить! - процедил он.

- У меня сердце больное, - на всякий случай соврала Надежда, - будете бить - сразу помру.

Бандиты никак на ее слова не отреагировали, и Надежда решила сменить тактику.

- Ребята, - начала она миролюбиво, - вы вообще-то не ошиблись? Может, вам кто-то другой нужен? В жизни я никаких криминальных дел ни с кем не имела, с вашей братией вообще первый раз близко познакомилась.

- Расскажешь, что видела - отпустим, - коротко промолвил Дух и отвернулся.

- Ага, так я и поверила, - протянула Надежда, - как Велору Михайловну отпустили? Нехорошо безвинного человека убивать, на том свете зачтется...

- Будешь болтать - рот заклею, - бросил снова Дух.

Надежда испугалась и замолчала, да скоро уже и приехали. Машина свернула, потом попетляла и остановилась. Надежду отвязали, она успела только прихватить костылик и порадоваться, что нынче вечером, собираясь звонить по телефону, она надела вполне приличный тренировочный костюм и вместо шлепанцев - тапочки, которые не сваливались с ног. Беднягу Сырникову похитили в одной ночной рубашке, а это унижительно...

Витек и проморгавшийся Крыса подхватили Надежду под руки и проволокли через двор к двери в дом, причем, когда она пыталась вертеть головой, чтобы определиться на местности, Витек преобольно шлепнул ее по затылку. Она успела только заметить, что тащат ее не в жилой дом, а в бывшее промышленное здание - склад какой-то.

Надежду с ходу проволокли на второй этаж, потому что на первом было весьма некомфортно: пустое гулкое помещение, не то гараж, не то сарай, пол цементный, а из мебели - сломанная табуретка.

На втором этаже был коридор и несколько дверей, Надежду впихнули в большую комнату, протащили через нее в другую, поменьше, и усадили на стул.

Кроме вновь прибывших, было там, в большой комнате, еще несколько рослых накачанных парней, трое сидели на продавленном диване, смотрели телевизор, двое играли в карты, и только один занимался делом - разбирал пистолет на маленьком столике у окна.

«Прямо какие-то партизанские будни, - вздохнула Надежда. - Очевидно, здесь, в этом доме, - бандитская база. Или хаза. Или малина, черт их разберет, как это называется. Это вообще неважно. Самый главный вопрос: как мне отсюда выбраться...»

Витек принес откуда-то две бутылки пива, протянул товарищу, сел поудобнее напротив

Надежды и отхлебнул из бутылки. Она тут же почувствовала жуткую жажду, сухость в горле.

«Чтоб ты подавился, – пожелала она Витьку, – Как же мне себя вести? Отрицать все, говорить, что они приняли меня за другую, или вести переговоры – пускай дадут воды, в туалет сводят...»

- Ну, ребята, свободны, – заговорил появившийся Дух, – я сам с теткой побеседую.

- Что вас интересует? – холодно спросила Надежда, когда дверь за бандитами закрылась.

- Меня интересует все, что вы видели прошлой ночью: кто приходил в морг и что он или они там делали.

- Я ничего не видела, я ночью спала, – скороговоркой заговорила Надежда, но тут же сникла от сильной пощечины.

- Не будем терять время, – напомнил Дух, – в моем распоряжении паяльники, утюги и целая куча застоявшихся жеребцов. Они с удовольствием позабавятся.

Получив пощечину, Надежда дико разозлилась, поэтому слова Духа не произвели на нее желаемого впечатления. Это от сильного стресса и от ярости, поняла Надежда. Однако следовало ярость свою не показывать.

Надежда прижала руку к сердцу и сделала вид, что ей плохо, а сама напряженно думала. Придется сказать этому типу про косметичку и отдать ее. В конце концов, она не занималась стеречь имущество неизвестной девицы. Но как бы так извернуться, чтобы эти ненормальные бандиты ее потом не убили?

Она подняла голову и внимательно посмотрела на Духа.

- Что-то подсказывает мне, – начала она, – что вы не позовете своих бугаев. Во-первых, я им неинтересна – возраст не тот. А во-вторых, мне почему-то кажется, что вы хотите услышать от меня все важное лично, так сказать, наедине. Или я не права?

И тут же получила вторую пощечину, еще сильнее первой.

«Следует признать, что это очень хороший аргумент в споре», – подумала Надежда и представила себе, как она сидит в кабинете своего начальника и пытается доказать ему, что он был не прав, когда дал ей в прошлом месяце такую маленькую прибавку к зарплате. Спорить с начальством все равно что плевать против ветра – это все знают. Но вот если воздействовать на начальство таким аргументом...

- Ну хорошо, – вздохнула она, – да, я сидела у окна и видела, как девица вошла в здание морга. Потом появились вы трое. Что там случилось внутри – вам лучше знать, но, должна сказать, что помощнички у вас дубиноголовые.

Дух был в бешенстве. Он сдерживался из последних сил – если дать волю своему гневу, то он может задушить проклятую тетку и тогда ничего не узнает об этом совершенно непонятном деле.

Кто убил Кабаныча? Кому понадобилось сделать это именно сейчас? Конечно, жизнь бандитского авторитета всегда в опасности, но сейчас как раз на криминальном фронте было относительно затишье. Со всеми Кабаныч договорился, поделил сферы влияния, в делах у него был порядок, за исключением, может быть, казино «Какаду». Там еще не совсем пришли к

соглашению, претендовал на него Ашик Хусаинов по кличке Уругвай. Но и тут дело решалось потихоньку переговорами. Не такой был человек Уругвай, чтобы из-за «Какаду» – небольшого, в общем, казино – нанимать киллера. И не потому, что совестливый, а потому, что расчетливый – прекрасно понимает, что за такое спокойно может сам пулю от киллера схлопотать.

Накануне Дух много думал. И решил взглянуть на дело с другой стороны.

Все в городе, начиная с самого главного криминального авторитета и кончая вахтершей с пятого телевизионного канала, который и включают-то люди только для того, чтобы узнать, сколько градусов на улице, считали, что киллерша была нанята для убийства Кабаныча, а все остальные попались, так сказать, под руку, то есть под пулю. Сам Дух раньше тоже так думал.

Но теперь вокруг этого дела стали наслаиваться сплошные проблемы. Девушка полезла ночью к трупу.

Девушка ловкая и хитрая – ишь как Вовчика обвела!

А мужик тот, убитый, был каким-то образом связан с Кабанычем. И еще с японцем. А если Кабаныч тихарил эти связи – значит, в деле большие деньги. А если переговоры с японцем – то очень большие деньги, потому что японцы по ерунде связываться не будут – им подавай Курилы или контракт на переработку шахтных отвалов всей Сибири!

И только полный идиот может думать, что девушка отрезала у покойника палец для того, чтобы сохранить память о близком человеке. Дух идиотом себя никогда не считал.

– Где палец? – заорал вдруг Дух. – Куда она его дела?

Надежда аж подскочила на стуле.

– Какой палец? – в полном изумлении заорала она в ответ. – Понятия не имею! Знать не знаю ни про какой палец!

Дух стиснул зубы и схватил ее за плечи. Глаза у него стали совсем бешеными. Он прошипел какие-то нерусские слова, и Надежда на всякий случай мысленно попрощалась с мужем и котом Бейсиком.

В этот момент в большой комнате за дверью раздался шум и топот, дверь распахнулась, и рослый бугай рявкнул:

– Дух, из «Какаду» звонили! У них там заморочки.

Уругвай права заявил! Одноглазый с бригадой уже едет, и нам нужно...

Под окном уже урчал мотор мощной машины.

– Витек! – заорал Дух, поднимаясь. – Эту – в подвал и не трогать, пока я не вернусь, я сам с ней поговорю. Да стерегите ее как следует, а то выйдет, как... – Он вовремя спохватился и прикусил язык.

Но Надежда уже все поняла. Ее мучил вопрос, какого черта они похищают женщин из больницы и спрашивают их, куда девушка дела то, что вынесла из морга, если у них в руках сама девушка. Ее и спрашивайте, нечего посторонних людей в свои дела впутывать! И теперь Надежду осенило: девушка сбежала! Она сбежала, причем бандиты даже не успели ее

допросить! Не могли же они ухайдакать ее раньше времени, как Сырникову!

«Она сбежала, и я смогу», - приободрилась Надежда.

Через минуту база или малина опустела. Явился Витек, по наблюдению Надежды, уже с другой бутылкой пива. Он был в отличном настроении.

- Что, тетя, пить небось хочешь? - осведомился он.

- А ты как думаешь? - огрызнулась Надежда.

Пить действительно хотелось, но она решила, что лучше погибнет от жажды, чем попросит воды у этих мерзавцев.

- Не горюй, тетя, в подвале и так сыро. Вот вернется Дух, все ему расскажешь, как миленькая, а после придушим тебя маленько и бросим в Неву. И поплывешь ты, тетя, как Муму у Герасима... Верно, Крыса?

Крыса радостно заржал.

«Далась им эта Муму, - в раздражении подумала Надежда, - одну Муму из всей литературы и вспоминают, только до пятого класса, что ли, доучились...»

Знал бы Тургенев, как он популярен среди определенного слоя молодежи, пожалуй, в гробу бы старик перевернулся...»

Вспомнив, однако, чем кончила несчастная Муму, Надежда внутренне содрогнулась.

Витек куда-то вышел, долго орал: «Стручок, Стручок!» - и явился снова в сопровождении маленького худенького парнишки, почти подростка, а может, так казалось из-за его щуплости.

- Давай ключ от подвала! - приказал Витек. - Хотя ладно, сейчас вместе туда пойдем.

- Чего я в подвале забыл? - заныл парень, но Витек ловко щелкнул его по носу, и тот замолчал.

В подвал отправились все четверо: впереди Крыса, за ним Надежда с костылем, потом Витек, и замыкал шествие Стручок.

В подвальном этаже Стручка пропустили вперед.

- Шумни там, - обратился к нему Витек, - я страсть крыс боюсь...

Впереди был коридор, потом дверь, потом еще коридор и широкий проем, и только потом Стручок отпер прочную дверь с маленьким окошечком для часового.

- Вот, тетя, тебе персональная камера! - пригласил Витек.

Надежда поежилась.

- Ты не беспокойся, - ласково продолжил Витек, - там свет есть, а крысы при свете близко не подойдут, верно, Стручок?

Стручок разразился длинной тирадой с большим количеством мата.

Витек галантно пропустил Надежду вперед и вошел следом. Комната была довольно большая, потолок низкий – подвал все же. Над дверью тускло мигала лампочка под сетчатым колпаком.

«Ну как погаснет? – испугалась Надежда. – Мышей я не боюсь, но с крысами все же лучше не встречаться...»

Мышей она не то чтобы не боялась, но, имея кота замечательной охотничьей рыжей породы, привыкла видеть на даче его многочисленные трофеи. Бейсик мышей не ел, не имел такой глупой привычки. Он занимался охотой исключительно из спортивного интереса и разбрасывал тушки несчастных мышей и кротов в местах наибольшего скопления хозяев, а именно: на тропинке, на пяточке у колодца и под столом позади дома, где Надежда стирала и мыла посуду.

В углу комнаты стоял пустой фанерный ящик, в каких раньше отправляли с юга фрукты, а с Севера – соленую рыбу. Стручок взял его было и хотел вынести.

- Оставь тетке стул, а то окочурится еще раньше времени, – приказал Витек.

Стручок снова произнес несколько матерных слов, в ответ Крыса схватил его за нос и больно оттащил.

- Не выражайся при женщине! – дурашливо приговаривал Витек во время экзекуции.

Надежда понимала, что воспитательные меры вызваны вовсе не заботой о ее нежных ушах, просто парням было нечем заняться, а Стручок, надо полагать, в силу своего малого роста и маломощности являлся обычным объектом издевательств. Надежда поглядела на него сочувственно и отвернулась.

- Ладно, мы пойдем наверх, – сказал Витек, – а ты сиди здесь, в коридоре, охраняй эту...

- Чего ее охранять? – взвыл Стручок. – Куда она денется отсюда на...?

- Делай, что велят! – рявкнул Крыса. – Если не устережешь и что-нибудь с ней случится, Дух с тебя шкуру снимет!

«Это с вас он шкуру снимет, – подумала Надежда, – а вам неохота в подвале сидеть, вы меня этому затравленному Стручку перепоручили... Ну, надо это использовать...»

Она отступила к стене, спрятав за спину костыль, чтобы не отобрали, и тут же в глазах у нее потемнело от резкой боли: это Стручок, выходя, пнул ее изо всей силы по ноге.

- Ох! – Надежда села прямо на пол.

В дверях Стручок злорадно оглянулся на нее. Это стало последней каплей в череде сегодняшних неудач.

Надежда почувствовала, что по щекам ее потекли слезы. Ударить женщину, вдвое старше его, беспомощную, которая ничего плохого ему не сделала!

«Просто мелкий гаденыш, – уговаривала себя Надежда сквозь слезы, – бандиты над ним издеваются, и ему хочется кому-то боль причинить. При чем ударил не по здоровой ноге, а по больной – заранее высмотрел, сволочь! А ведь я ему в матери гожусь...»

Она тут же опомнилась:

«Господи, спаси и помилуй от такого сыночка! Задушила бы собственными руками, если бы такая скотина у меня выросла...»

Нога прошла. Надежда оперлась на костыль и пересела на ящик, чтобы не простудиться. Хотелось пить, голова была тяжелой. Она поглядела на часы: было четверть второго ночи. Самое трудное время – организм привык спать, а тут где же поспишь?

Да и разве можно заснуть, если неожиданно-негаданно попала к садистам, к зверям в облике человеческом, и они, даже если получают интересующие их сведения, все равно не выпустят Надежду живой? Что им любая человеческая жизнь? Они и своей-то не дорожат, иначе не выбрали бы такую опасную профессию.

Убили их главного мафиози, а с ним – двух охранников. Были люди – и нету.

«А впрочем – люди ли? – опомнилась Надежда. – Разве ж это люди...» Вот, пожалела она Стручка, а он с ней как поступил?

Надежда осознала внезапно, что жизнь ее висит на волоске и волосок этот становится все тоньше. Надеяться ей не на кого. Никто не знает, где она и что с ней случилось. В больнице не хватятся до завтрашнего утра. А если и хватятся – что толку? Вон Сырникову-то так и не нашли... Ну, допустим, она не Сырникова, сообщат мужу. Сан Саныч примчится и устроит в больнице страшный скандал. Обратится в милицию, нажмет на все рычаги... Но что может сделать милиция, если неизвестно, куда пропала Надежда. И самое главное, к чему будет весь шум, если Надежда в это время уже доплывет до Финского залива, вернее, не Надежда, а то, во что она превратится. А превратится она, и очень скоро, в клиента сторожа морга Михалыча...

Надежда Николаевна всегда умела смотреть правде в глаза. Так и сейчас: она поняла, что виновата в том, что с ней случилось, она сама.

«Вечно вы, гражданка Лебедева, лезете не в свое дело, – говорил внутри ее противный голос, – вечно вы все вынюхиваете, сами себе задаете вопросы и сами же ищите на них ответы. Спокойнее нужно быть, больше о здоровье думать. Видите, что ночью девица в морг лезет – ну и пусть себе лезет, может, у нее там свидание! А вы спите себе спокойно, ручку под щечку, как в детском садике воспитательница учила, на правый бок и дышать носом...»

«А если мне интересно? – слабо возражала сама себе Надежда. – Если мой организм так устроен, что вечно со мной что-то происходит?»

«Нечего на организм сваливать, он у всех одинаковый. Головой нужно думать, прежде чем неприятности наживать...»

Надежда осознала, что мысленно разговаривает сама с собой. Это очень распространенное явление среди узников-одиночек. Сначала мысленно, потом – вслух, а потом люди свихиваются окончательно и разбивают себе головы о стены. Или их переводят в сумасшедший дом.

«Мне это не грозит, – усмехнулась Надежда, – и свихнуться я не успею, и в дурдом меня не отправят, так прикончат...»

В углу комнаты послышалось какое-то шуршание, и мгновенно Надежда покрылась холодным потом.

«Крысы!»

Шуршание стихло, но сердце несчастной узницы билось слишком быстро. Она пыталась разглядеть, что происходит в углу, боясь встать и подойти ближе.

На всякий случай она сняла с костыля резиновую галошку и попробовала острый конец. Вполне подходило для того, чтобы насаживать на него крыс, как на вертел.

Надежда представила себе, как она протыкает крыс, как они бегают вокруг с ужасно противным писком, и чуть не свалилась с фанерного ящика.

«Я сойду с ума не от одиночества, а от страха. Надо что-то делать. Стихи вспомнить какие-нибудь, что ли...»

Но в голову лезли только детские обрывки:

*Ищут пожарные, ищет милиция,
Ищут дружинники нашей столицы,
Ищут давно, но не могут найти...*

«Ой, это же про меня! Это меня никогда не смогут найти... Что же делать? Может, поклясться самой страшной клятвой (здоровьем кота Бейсика), что больше никогда я не буду влезать в криминальные истории? И попросить помощи у господ бога?»

Надежда Николаевна не была верующей. То есть она вполне допускала существование высшей силы.

И уважала веру других, ведь вот даже Альберт Эйнштейн был глубоко верующим человеком. И вера не шла вразрез с его научным мышлением. Однако в трудных делах Надежда всегда предпочитала надеяться только на свои силы. Захочет бог ей помочь – милости просим! А если нет, то уж как-нибудь сами справимся, раз недостойны оказались.

В углу снова раздалось подозрительное шуршание.

Надежде показалось даже, что она видит усатую морду. Мелькнула тень с длинным хвостом, а может, так почудилось в мигании слабой лампочки, но Надежда Николаевна вскочила с ящика и заорала:

*Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя,
То как зверь она завоет,
То заплачет как дитя!*

В окошечке на двери показалось лицо Стручка.

- Чего разоралась? – заворчал он. – Ночь, между прочим, я спать хочу.

*То по кровле обветшало
Вдруг соломой зашуршит,
То как путник запоздалый
К нам в окошко постучит! —*

продолжала Надежда, прибавив громкости.

- Заткнись! – заорал в свою очередь Стручок. – Сейчас дверь открою и так врежу – язык в

глотку затолкаю!

Надежда замолчала, припоминая, как там дальше у Пушкина, а вовсе не потому, что испугалась Стручка.

- Сиди и не чирикай, - успокоился Стручок, - а не то хуже будет...

Выьем, дряхлая подружка

Бедной юности моей! —

заревела Надежда раненым бегемотом.

Выьем с горя, где же кружка?

Сердцу будет веселей! —

закончила она на победной ноте и поклонилась в окошко.

Страх перед крысами пропал, очевидно, вышел криком. Надежда посмотрела на Стручка снисходительно - уж больно худосочный и щуплый, так, мелкая человеческая сволочь...

- Пооплодировал бы, - предложила она, - а не то дальше орать буду. Я еще много стихов знаю... «Мужичок с ноготок», например, это про тебя... «Однажды в студеную зимнюю пору!» - заорала она, но прервалась:

- Значит, я буду орать, пока те сверху не придут, а им скажу, что ты плохо со мной обращался - бил, например. А у меня сердце больное, от побоев помереть могу. Так что тебе мало не покажется, Витьку только волю дай, уж я-то знаю!

Очевидно, Стручок тоже знал, потому что подошел ближе к окошечку и спросил довольно мирно:

- Чего тебе надо?

- Воды, - призналась Надежда. - Пить очень хочется.

- Ладно, - Стручок помедлил, что-то соображая. - Только я дверь открыть не могу, так что подойди ближе, я горлышко бутылки в окошко просуну.

Надежда знала, что дверь он открыть может - она успела заметить, что дверь ее узилища запиралась снаружи на большую ржавую щеколду, - но сделала вид, что поверила паршивцу. Он завоzilся где-то неподалеку, потом в окошке показались его паскудно бегающие глазки:

- Держи, мочалка старая, пей! - И в лицо Надежде полетела струя едко пахнущей жидкости, по виду - обыкновенной мочи.

Надежда ожидала от негодяя очередной подлости и успела отскочить от окошка, так что только слегка подпортила костюм. Но тем не менее она жутко разозлилась. Она огляделась по сторонам. Какой там страх перед крысами, она даже хотела, чтобы парочка этих неприятных созданий пришла познакомиться с ней поближе. Надежда с удовольствием бы с ними сразилась, чтобы выпустить излишки злости.

- Ты не попал, - сказала она спокойно Стручку и отошла от окна.

Тот злобно заорал что-то матерное в коридоре.

Надежда кружила по камере, как голодный тигр по клетке. Переполюнявшая ее злость требовала выхода, «Не может быть, – думала Надежда, – не может быть, чтобы такие, как Стручок, одержали надо мной верх. Как это они говорят? Против лома нет приема...

Это значит, что здесь, в подвале, нужно только уметь драться и убивать. Здесь не нужны ни мой жизненный опыт, ни годы учебы, ни мои знания. Сколько книг я в своей жизни прочитала, сколько пьес посмотрела, сколько музыки слышала! И это все зря? Если бы на моем месте сидела какая-нибудь обезьяна, она была бы в таком же беспомощном положении. Хотя что это я? Шимпанзе, например, очень сильное животное, не говоря уж о горилле...»

Надежда представила, как горилла расправляется со Стручком и остальными, и ей стало легче.

«Ну, раз уж я не горилла и не могу их всех придушить, то нужно призвать на помощь интеллект. Нужно обмануть Стручка и попытаться выбраться отсюда, пока не пришли остальные бандиты. Уж больно неохота умирать такой ужасной смертью. Вряд ли удастся с ними договориться».

Она вспомнила про пощечины, которыми наградила ее Дух, и поняла, что не хочет ни о чем с ним договариваться.

Проходя в пятый раз мимо самого дальнего угла, Надежда заметила там, в углу, маленькую узкую железную дверцу. Собственно, дверцей ее можно было назвать с большой натяжкой – просто лист железа, прибитый к стене, причем с той, другой стороны.

Ручки на дверце не было, и Надежда решила, что она должна открываться в ту сторону.

Она крадучись подошла к окошку и поглядела в него. Виден был кусочек коридора. Стручок куда-то делся, может, ушел наверх. Надежда решила рискнуть.

Она подошла к дверце и с разбегу ударила ее здоровой ногой. Был шум, но никакого положительного действия. Надежда попробовала плечом, и лист закачался.

На ощупь он был старый и ржавый. Надежда утроила усилия, теперь уже дверца ходила ходуном, и вот наконец что-то упало с той стороны, и дверца поддалась.

Надежда, согнувшись в три погибели, выползла в соседнее помещение. На первый взгляд она зря потратила столько усилий – это была такая же комната с низким потолком, что и та, где бандиты держали ее, с той разницей, что света не было вообще. Надежда метнулась к входной двери, она, естественно, была заперта. Немного света попадало через дверцу, а дальние углы тонули во мраке. Идеальное место для крыс...

Надежда вздохнула и решила все же обыскать комнату – так, на всякий случай. Идя вдоль стены, она споткнулась, и, чтобы не упасть, оперлась рукой о землю. Внизу было влажно. Она потыкала перед собой костыликом. Тот постучал о железо. Надежда нагнулась и подняла обрезок ржавой трубы. Сваечка была тяжеловатой, не то что алюминиевый костыль, и очень удобно было стукнуть ею кого-нибудь по голове.

«Пригодится», – обрадовалась Надежда и дальше, в самом углу, обнаружила торчащий из стены кран.

Земля была влажной потому, что из крана слегка капало, а обрезок трубы, очевидно, остался, когда меняли кран.

Не веря своему счастью, Надежда покрутила кран.

Хлынула холодная вода. Надежда дала ей сойти и напилась прямо из крана, рассудив, что лучше пить сырую и грязную воду, чем не пить вообще и умереть от жажды.

Жить стало легче, в голове прояснилось, и спать совсем не хотелось. Надежда вернулась в свою камеру, а дверцу просто прислонила к стене. Затем она походила по комнате, оглядываясь на дверь и кое-что прикидывая, и, отбросив последние сомнения, занялась приготовлениями. Она вытащила из куртки прочный синтетический шнур и привязала им тяжеленькую сваечку над дверью. Тут очень кстати послышались шаги возвращающегося Стручка, и Надежда, бросившись ничком на пол прямо напротив окошечка, жалобно застонала.

Стон ее не произвел на Стручка никакого впечатления. Надежда застонала погромче, потом помолчала немного и снова издала стон, краем глаза заметив в окошке лицо своего стража. Стручок внимательно рассматривал Надежду, и она постаралась придать своей позе как можно больше правдоподобия – женщине плохо, она от слабости не может встать.

- Эй! – послышалось из-за двери. – Ты чего это разлеглась?

- Сердце, – прохрипела Надежда едва слышно, – воды дай.

- Ага, разбежался! Не помрешь...

Но Надежда всем своим видом дала понять, что собирается помирать, причем немедленно. Она приподнялась на руки и тут же бессильно упала обратно.

Потом со стоном повернулась на бок, так, чтобы Стручок мог видеть ее лицо, закатила глаза к потолку и затихла.

- Тьфу, черт! – Как видно, до Стручка дошло, что, если Надежда помрет до прихода Духа, его песенка будет спета.

Он засуетился за дверью в растерянности: бежать ли наверх, чтобы привести Витька и избежать таким образом ответственности, либо же оказывать Надежде первую помощь – водой окатить, что ли.

Надежда приоткрыла глаза и натужно захрипела.

Стручок наконец принял решение и загремел засовом.

Он открыл дверь рывком, и от резкого движения сработала приготовленная Надеждой ловушка: сваечка, подвешенная на шнуре от куртки, со страшной силой звезданула Стручка по лбу. Он упал молча, как подкошенный. Надежда вскочила, испугавшись, как бы он не отдал концы – ей-то не жалко, но перед милицией не оправдаешься.

Пульс был едва слышен, а возможно, Надежде так показалось из-за бешеного стука собственного сердца. Она оттащила Стручка в глубь комнаты, связала ему руки шнуром и, поколебавшись, привязала еще руки к ногам, как советуют в детективных романах.

Потом она затолкала Стручку в рот скомканный носовой платок и наконец оставила гаденыша в покое.

Ужасно хотелось прихватить с собой сваечку – уж очень помогла она Надежде, но пришлось довольствоваться костылем – без него трудно идти, а хоть одна рука должна быть свободна.

Надежда задвинула тяжелый засов и пошла по подвальному коридору, стараясь не стучать, – для этой цели снова надела на костыль резиновую галошку.

Дверь из подвала на лестницу оказалась открытой, что очень порадовало Надежду. Крадучись, она поднялась на первый этаж – помещение по-прежнему пустовало. Со второго этажа доносились музыка и пьяный голос Витька, подпевавший какому-то хриплому типу из «Русского шансона». Как видно, в отсутствие начальства бандиты оттягивались на всю катушку. Входная дверь была заперта – капитально, на три замка, и никаких ключей не торчало. Надежда, не очень огорчившись, решила обследовать первый этаж, чтобы найти какой-нибудь запасный выход – вполне может быть, что он открывается изнутри. Следовало торопиться – в любой момент могли вернуться остальные бандиты. Надежда свернула из гаража в небольшой коридорчик, и в этот момент из-за поворота ей навстречу вышел бандит – тот, что поменьше ростом, по кличке Крыса.

– Ба! – дурашливо воскликнул он, увидев Надежду Николаевну. – Какая встреча! Тетка, ты куда это намылилась?

Надежда, проклиная свое невезение и «Русский шансон», из-за которого она не слышала шагов, оглядывалась в поисках путей отхода, хотя прекрасно понимала, что ей не убежать от молодого тренированного бандита, тот шел к ней, зло усмехаясь.

Но вдруг за его спиной мелькнула быстрая тень, и Крыса, охнув, отлетел к стене. Рядом с ним появилась девица в черном спортивном костюме, в которой Надежда Николаевна узнала ту самую личность, что бегала позапрошлой ночью вокруг морга, уворачиваясь от бандитов, и чья косметичка благополучно покоилась Надеждиными стараниями в списанном больничном автоклаве.

Крыса встряхнул головой, собрался, принял боевую стойку и нанес своей неожиданной противнице сокрушительный удар левой рукой в голову. Точнее, он только хотел нанести этот удар, но в том месте, куда он нацелил свой кулак, никого уже не было, зато ловкая девица здорово врезала ему ногой в солнечное сплетение. Крыса охнул, согнулся, но из последних сил вытащил из-за пояса армейский штык-нож.

Девица подпрыгнула и ударила бандита ногой в голову. В шее у Крысы что-то хрустнуло, голова мотнулась к плечу, как у тряпичной куклы, и несчастный бандит мешком рухнул на пол.

– Это что за ешкин кот? – послышался в коридоре еще один голос, в котором злость и удивление были смешаны примерно в равных пропорциях.

Надежда перевела взгляд с безжизненного тела Крысы на нового участника этой сцены. Им оказался Витек, и он приближался к полю боя, держа в двух руках, как герой американского боевика, огромный черный пистолет. Однако неугомонная девица уже вскинула руку, в которой тоже было зажато что-то черное, хотя и поменьше размером. Раздался негромкий хлопок, и Витек, сделав еще один шаг вперед и выронив свой пистолет, грохнулся на пол.

– Ну вы даете! – В голосе Надежды слышалось осторожное восхищение. – Как вы ловко...

– Не разговаривать! – Голос девицы был резок, как удар хлыста. – Повернуться и шагать быстрее! Ну!

Надежда осознала, что ей в лицо направлено черное дуло пистолета.

«Так-так, – подумала она, – стало быть, я рано радовалась. Попала из огня до в полымя...»

- Пошевеливайся! – Девушка взмахнула пистолетом.

- Вы, моя милая, очень плохо воспитаны, – проворчала Надежда. – Разве в детстве вам не говорили, что к старшим надо обращаться на «вы»?

Девушка промолчала, и Надежда, оскорбленно поджав губы, потащила вперед, опираясь на костыль.

Оказалось, что расчет ее был верен, в помещении имелся черных ход, через который и проникла девушка.

Понукаемая «спасительницей», Надежда выбралась во двор, потом они прошли еще каким-то переулком, потом по набережной.

Вокруг теснились абсолютно неживые промышленные корпуса, из чего Надежда сделала вывод, что вода, плескавшаяся внизу, вполне может быть Обводным каналом. И воздух, хоть и ночью, был очень уж загрязненный, а ведь всем жителям города известно, что Обводной самое экологически грязное место.

На улице едва рассветало, как тогда, во время эпопеи в морге; очевидно, это было любимое время развлечений преступной девушки.

Надежда шла и обижалась. Она-то хотела с девушкой по-хорошему поговорить, разобраться, и если бы та удовлетворила ее любопытство, то Надежда, возможно, и отдала бы ей косметичку. Все же Надежда взяла ее тайком, и не такой она человек, чтобы брать чужое, не так ее воспитали. Но теперь, после такого грубого обращения, Надежда Николаевна решила пересмотреть свое отношение к девушке. Раньше она Надежде даже нравилась заочно, уж больно ловко управлялась с бандитами, и Надежда искренне обрадовалась, когда узнала, что девушка от бандитов сбежала.

В полном молчании они шли темными переулками и наконец остановились у припрятанной в подворотне машины.

- Залезайте в машину, и без фокусов! – скомандовала девушка.

Надежда молча подчинилась.

- Итак... – начала она, собравшись с мыслями, видя, что девушка не трогается с места, – куда вы меня повезете?

- Это зависит от вас, – девушка усмехнулась уголком губ. – Если вы мне расскажете, куда делась... то, что я оставила под вашим окном, тогда...

- Тогда вы просто выбросите меня из машины, – перебила ее Надежда, – и мне еще очень повезет, если не пристрелите.

- Мне некогда. – Глаза девушки зловеще сверкнули. – Вы видели, что я умею драться. Я умею также причинять боль. Так что быстро выкладывайте, что вы видели позавчера ночью!

- Почему-то всех интересует, что немолодая больная женщина видела позавчера ночью, –

вздохнула Надежда. – А вам не приходит в голову, что я просто спала?

– Не испытывайте мое терпение, – предупредила девица, – я видела, что вы подсматривали. Итак, куда делось то, что я закопала под листьями?

– А почему вы так уверены, что я не сказала об этом бандитам? Может, это они выкопали вашу вещь? – Надежда, сама не зная, зачем она это делает, продолжала тянуть время.

– Если бы бандиты выяснили у вас все, что их интересует, я не застала бы вас в относительно благополучном состоянии, – усмехнулась девица. – Сами посудите, зачем вы им нужны после того, как все расскажете? Кстати, вашу менее удачливую соседку определили на Богословское кладбище в чужую могилу...

– Логично рассуждаете, – согласилась Надежда, – и впечатляет. Допустим, я видела, куда вы закопали косметичку...

Она почувствовала, как девица напряглась при этих словах.

– Куда вы ее дели? – Девица резко схватила Надежду за руку. – Говорите быстрее!

– Ага, сейчас, – огрызнулась Надежда, – чтобы вы меня прикончили прямо здесь?

– Я и так это сделаю! – Дуло пистолета уперлось Надежде в висок.

– Не валяйте дурака, – ответила Надежда, стараясь, чтобы голос не дрожал, – иначе вы никогда не узнаете, где я спрятала косметичку. Будете перерывать всю больницу? Боюсь, это займет слишком много времени и не понравится местному начальству. Оно хоть и неповоротливое, но все же рано или поздно до милиции доберется...

– Что вы хотите? – процедила девица, сдаваясь.

– Во-первых, уберите пистолет, – кротко попросила Надежда, – вы очень нервничаете, боюсь, как бы у вас рука не дрогнула. Во-вторых, везите меня сейчас в больницу, а там поглядим, как дальше дело повернется.

– Имейте в виду: я заблокировала центральный замок, так что не вздумайте выпрыгивать из машины, – предупредила девица.

– Милая, за кого вы меня принимаете? – удивилась Надежда. – По-вашему, я Джеки Чан? Или Брюс Уиллис? У меня, к вашему сведению, нога в гипсе, куда уж тут из машины прыгать! Идти-то еле могу...

Девица проворчала себе под нос что-то про некоторых беспокойных больных, которым ночью не спится и они встречаются в чужие дела, когда их об этом никто не просит, и тронула машину с места.

* * *

Подъехав к казино «Какаду», Дух увидел, что на парковочной площадке перед заведением скопилось до неприличия много крутых машин. Он узнал серебристый «Лендкрузер» пижона Уругвая, который, пользуясь смертью Кабаныча, решил попытаться оторвать кусок от империи саратовских. Здесь же стоял синий «БМВ» пятой серии, в котором Дух сразу узнал машину своего главного конкурента Сени Одноглазого.

Сеня со своими пацанами еще не вышел из машины, видимо, дожидался подкрепления.

Дух распахнул дверцу и выскочил на площадку как чертик из табакерки. Одноглазый не спешил ему навстречу. Жора подошел к «БМВ» и наклонился к окошку:

- Здорово, Сеня!

- Не торопись, - процедил Одноглазый сквозь зубы, - или дела поважнее есть?

- Что ты, Сеня, - миролюбиво возразил Дух, который не хотел идти на прямой конфликт, не обеспечив себе надежные тылы в организации, - тебя что - муха какая-то укусила?

- Ты не больно-то выступай, - злобно продолжил Одноглазый. - Мне братва передавала, что ты какой-то фигней занимаешься. Возле морга ночью крутился... ты что, думаешь, Кабаныч покойный на себе брюлики, что ли, прятал? Или завещание, по которому тебе «Какаду» отходит? - Одноглазый расхохотался: ему показалось, что он удачно пошутил.

- Кстати, о «Какаду», - сухо прервал его Дух. - Может, мы пойдем с Уругваем разберемся, вместо того чтобы грызться между собой? Этак у нас из-под носа голодные шакалы все растащат!

- Ладно, - недовольно буркнул Одноглазый, - пойдем на разборку. Но ты учти, я за тобой присматриваю, и, если ты начнешь финты крутить - быстро разберусь.

«Это мы еще посмотрим, кто с кем разберется», - подумал Дух, направляясь ко входу в казино.

Машина с девицей и Надеждой летела по темным пустым улицам. Никто не остановил их на пути, и минут через двадцать пять они подъезжали к больнице. Девица остановила машину у той самой дырки в заборе.

- Ну? - Она выжидающе уставилась на Надежду, хорошо хоть пистолет не достала.

- Хм, я предложила бы вам отпустить меня и подождать под окном, пока я выброшу косметичку, но вы, я думаю, на такое не согласитесь, - начала Надежда.

- Правильно думаете, - усмехнулась девица, - не рассчитывайте, что я выпущу вас из поля зрения хоть на секунду.

- Жаль, что вы так настроены, - вздохнула Надежда. - Поверьте, самое мое горячее желание - это отдать вам проклятую косметичку и забыть обо всем случившемся, как о страшном сне. Только забыть-то мне не дадут бандиты. Боюсь, и вам тоже. Но меня, конечно, им будет легче найти, хоть я попрошусь сегодня же на выписку.

- За это не беспокойтесь, - процедила девица, - им будет не до нас с вами...

- Уже легче! - обрадовалась Надежда. - А что касается милиции, то как я могу туда обращаться? После того что вы устроили там, у бандитов, боюсь, эти трупы они припишут мне, найдут козла отпущения.

Так что от милиции нужно держаться подальше...

- Хватит разговоров! - вскипела девица. - Идемте!

- Хорошо, тогда пройдем через отделение хирургии, - согласилась Надежда. - Думаю, вы

сумеете открыть дверь черного хода.

Девушка только махнула рукой.

Естественно, в такое время на территории больницы никого не было. Они беспрепятственно прошли по тропинке и остановились перед дверью хирургического отделения. Девушка достала из кармана какую-то небольшую штучку и подвигала ею в замке. Надежда с любопытством вытянула шею – она впервые видела настоящую воровскую отмычку.

- Как интересно...

Девушка сердито оглянулась на Надежду – мешаешь, мол, но дверь уже открылась. Они поднялись по пустой лестнице на второй этаж, дверь в хирургию была не заперта – бандиты вечером, после того как вынесли бесчувственную Надежду, не стали себя утруждать.

- Нам нужно в травматологию, – тихо сказала Надежда. – Сейчас пройдем по коридору, потом через лестничную площадку...

- Знаю, – кивнула девушка. – Не вздумайте шум поднимать!

Надежда вздохнула и зашагала по коридору. Нигде не было ни души, травматологическое отделение крепко спало. Девушка цепко взяла Надежду за руку повыше локтя, та нетерпеливо отмахнулась – да надоели вы все... Они неслышно скользнули в туалет, потом в чуланчик тети Дуни.

- Вот тебе и здравствуй! – Ошеломленная, Надежда остановилась на пороге.

Автоклава, куда она запихнула пресловутую косметичку, не было. Ведра-тряпки были на месте, и шкафчик тоже никуда не делся, Надежда готова была поклясться, что ни одно старое судно не пропало, но огромный автоклав как корова языком слизнула! И черт с ним, с автоклавом, но вот куда делась косметичка?..

Надежда с ужасом повернула голову, понимая, что разъяренная девушка сейчас просто свернет ей шею, как куропатке. И в это время она заметила, что за спиной девушки стоит Любка в халате и пялится на Надежду, вытаращив глаза. Как ни была Надежда испугана, она все же заметила, что вид у Любки самый залихватский: волосы растрепаны, под халатом ничего нет, и глаза сияют так, что ясно как божий день: она только что была с мужиком. Надежда слегка приободрилась, сообразив, что майор милиции Юрик где-то поблизости.

- Ну? – нарушила девушка затянувшееся молчание.

- Сейчас. – Надежда встала на перевернутое ведро и полезла в шкафчик. – Вот, тут она где-то... – Она для вида пошарила в верхнем судне и вдруг бросила его прямо на девушку.

Та, разумеется, увернулась, и судно попало в Любку, которая заорала как резаная – так, на всякий случай. Надежда соскочила с перевернутого ведра, чудом не сломав здоровую ногу, и упала на четвереньки. Очевидно, это спасло ее от удара ногой – ведро покатило под ноги донельзя разозленной девушке, и удар пришелся в сторону. Девушка споткнулась о ведро, и тут Любка огрела ее сзади судном. Она метила в голову, но девушка имела отличную реакцию и глаза на затылке, потому что успела увернуться, так что Любка попала в плечо и не причинила девушке особого вреда.

Все это время Надежда с девушкой молчали, а Любка не переставая орала. Надежда все ждала

появления доблестного майора милиции Юрика - не мог же он не услышать визга любимой женщины и не прийти на помощь.

И дождалась. На пороге появился медбрат Андрюша. Если бы Надежда была в спокойном состоянии, она сразу сообразила бы, что к чему, но ведь не каждый день тебя похищают бандиты, а потом грозятся убить неизвестные преступные девицы, а потом пропадает автоклав...

Надо отдать должное Андрюше: он сразу оценил ситуацию и бросился на защиту доверенных ему больных. Девица еще только крутила головой и потирала плечо, а он уже накинулся на нее сзади. Надо сказать, пользы от этого не было никакой: девица просто повела плечами и сбросила его, не глядя, как дамы в дорогом ресторане сбрасывают шубы на руки гардеробщика.

Девица встала спиной к шкафчику и вытащила пистолет.

- Всем к стене! - скомандовала она Андрюше и Любке.

Надежду она могла не опасаться - та лежала на полу и делала вид, что не может подняться. Любка нерешительно шагнула в сторону, и в это время Надежда, которой снизу было видно, что старый шкафчик стоит, оказывается, на трех ногах, а вместо четвертой подсунута деревянная плашечка, резко вытащила эту плашечку и, пока шкафчик угрожающе качался, успела отползти в сторону, зацепив девицу за ногу своим костылем.

В общей неразберихе или, может, потому, что судьба решила Надежде помочь, но девица не заметила падающего шкафчика, и все старые судна вывалились ей на голову. От неожиданности она выронила пистолет, Андрей мигом подхватил его, вытолкнул Любку из чулана и помог выбраться Надежде, после чего закрыл дверь и заклинил ее металлической ножкой от табуретки.

- Уф! - Надежда перевела дух. - Любка, где твой-то? Зови его скорее, девка живучая, скоро очнется.

- Кого звать? - спросила Любка с каким-то странным выражением.

- Как - кого? Милиционера своего! Или ушел он уже?

Медбрат Андрюша издал какой-то странный звук, и до Надежды Николаевны дошло наконец очевидное. Она пристально поглядела на парочку, которая под ее взглядом слегка зарделась.

- Ну так звони ему! - разозлилась Надежда. - Путь приходит, разбирается...

- Не могу. - Любка беспомощно отвела глаза. - Ему Поросенке настучит, что я в палате не ночевала... а Юрик знаете какой ревнивый... он и убить может...

- Ах ты!.. - Надежда в сердцах обозвала Любку неприличным словом. - Нашла время шуры-муры крутить!

Любка покаянно молчала. За дверь послышался шум, потом звук открываемого окна.

- Уйдет, - встрепенулась Надежда, - ой, уйдет!

Со второго этажа ей прыгнуть, что нам с тобой чихнуть...

За дверью все стихло. Надежда вытащила ножку от табуретки и вошла в чулан, на всякий случай вооружившись пистолетом. Окно было распахнуто, и в комнате никого не было – Ушла, стерва! А может, и к лучшему... – задумалась Надежда.

На пороге возникла заспанная медсестра Людочка.

- Что у вас тут происходит?

- Крысы! – заговорила Надежда, прежде чем остальные двое могли ответить. – Вот такая здоровенная крыса в туалете. – Она показала какая и продолжала на повышенных тонах:

- Это не у нас, а у вас происходит! Что это такое, в больнице – крысы!

- Этак человека ночью до инфаркта можно довести, не говоря про инфекцию! – поддержала сообразившая все Любка.

- Андрей, ты крысу видел? – подозрительно спросила Людочка.

- Да нет, когда я пришел, они уже здесь воевали. – Андрюша показал на следы драки.

Как видно, он тоже решил помалкивать и поддакивать, внимая сердитому взгляду Надежды.

- Ну и где же крыса? В окно выскочила? – прищурилась Людочка.

- Нет, окно мы уже после открыли, – охотно объяснила Любка. – Вот Надежде Николаевне плохо стало, стресс у нее.

- Завтра же на выписку! – угрюмо сообщила Надежда. – Вернее, уже сегодня. И главврачу пожалуюсь!

- Не надо главврачу, не будем шум поднимать, – нерешительно предложила Людочка, – раз вы все равно выписываетесь. Андрей все здесь уберет...

- Ладно, – согласилась Надежда, – мы тогда спать пойдем.

В палате под храп Поросенке Любка шепотом поведала ей новости, которых, в общем-то, не было. Они с Андрюшей пили чай в ординаторской, а после решили продолжить общение в перевязочном кабинете на кушетке, благо там ночью никого не бывает. Андрюшка пару раз сбегал по вызову Людочки – одной лежащей стало плохо, а так в отделении стояло полное благолепие. Отсутствия Надежды никто не заметил – Любки-то тоже не было в палате, очевидно, Поросенко посчитала, что они где-то вдвоем куролесят, и тревогу не стала поднимать.

- Очень хорошо, очень здорово! – ворчала Надежда. – Что ж, она подумала, что я тоже где-то по чужим койкам ошиваюсь?

- Уж не знаю, – посмеивалась Любка, – как вы утром перед ней оправдываться будете... Пропала ваша репутация, Надежда Николаевна, навсегда пропала...

Разозленная Надежда отвернулась к стене и крепко заснула, не обращая внимания на рулады Поросенке.

Утром она растолкала Любку, уже умытая и причесанная.

- Ох, Надежда Николаевна, как это вы так быстро выспаться успели, - зевала Любка. - А молодому организму нужен полноценный восьмичасовой сон.

- Вот и спала бы в собственной постели, - огрызнулась Надежда, - а не шлялась...

- А вы сами-то где ночью были? - подначила Любка.

- Ой, не спрашивай! - вздохнула Надежда. - Рассказать - не поверишь.

Все же в двух словах она пересказала Любке свои ночные приключения. Любка, как Надежда и ожидала, восприняла ее рассказ довольно спокойно, она вообще все, случившееся с ней и с ее знакомыми, воспринимала с завидным спокойствием, ничто не могло выбить ее из колеи.

- И вот понимаешь, у меня к тебе просьба, - продолжала Надежда Николаевна. - Спроси ты у Андрюши, куда автоклав делся.

Они вышли в коридор и наткнулись на Андрюшу, который сообщил, что автоклав увезли наконец на свалку, потому что заотделением распорядился порядок навести.

- Батюшки! - ахнула Надежда. - Вот некстати-то заотделением разбушевался!

Андрюша посмотрел удивленно и сказал, что это так заотделением доложили, что увезли на свалку, а на самом деле один мужик, шофер больничный, давно хотел автоклав в деревню отвезти и приспособить под самогонный аппарат.

- И сгодится? - заинтересовалась Надежда.

- Под самогонный аппарат все сгодится! - убежденно сказала Любка.

- Неужели увез уже?

- Что вы, Надежда Николаевна! До выходных вряд ли!

- Андрюшенька, золотце! Найди ты этот чертов автоклав и достань там... ну в нем... я случайно уронила... такая знаешь... дамская косметичка... Так, ничего особенного в ней нет, просто память, подруга подарила...

- Как можно в автоклав что-то случайно уронить, если он герметично закрывается? - прищурился Андрей с сомнением.

- Делай что велят! - скомандовала Любка, и парень, переведя взгляд на ее выпирающий из халата бюст, не посмел отказаться.

- Надежда Николаевна, я что вспомнила-то, - заговорила Любка, когда они остановились у окошка в коридоре. - Я ведь эту девицу, вчерашнюю-то, уже видела раньше.

- И где ты ее видела? - заинтересовалась Надежда.

- А тогда в китайском ресторане, когда ногу сломала...

- Что? - Надежда вытаращила глаза. - Ты была в китайском ресторане? И видела перестрелку? И до сих пор молчала?

- Да что говорить-то? - недоумевала Любка. - Я же со страху ничего не заметила! Но вот вчера,

когда девицу-то увидела, то вспомнила. Точно это она! Была она в ресторане.

- Подробнее, - приказала Надежда.

- Ну, она вроде вместе с тем мужиком вошла, которого убили... не мафиози, а тот, второй... то есть за столом-то она не с ними сидела, а то бы и ее тоже...

- Так-так, - пробормотала Надежда, - стало быть, знакомы они были... Ну, я это и так предполагала...

Прибежал Андрей. В кармане халата у него лежала косметичка. Надежда прослезилась:

- Милый, благодарность от Любки получишь!

Она сунула косметичку в карман халата с твердым намерением разобраться наконец, в чем же дело. Но намерению этому суждено было сбыться не скоро.

Сначала принесли завтрак, потом явилась тетя Дуня и, таинственно блестя глазами, сообщила шепотом:

- В морге - нечистая сила!

- Час от часу не легче! - простонала Анна Поросенко. - Пора из этой больницы выписываться!

- Может, и нашу Сырникову нечистая сила ночью унесла? - Любка подмигнула Надежде, но получила от нее здоровенный удар в бок и замолчала на полуслове.

Надежда хоть и терпеть не могла Сырникову, чувствовала себя несколько виноватой - все же тетка пострадала из-за нее. То есть если бы ей не вздумалось перелечь на кровать у окна, то никто бы ее и пальцем не тронул. И тогда бандиты похитили бы Надежду.

И, возможно, это ее тело запихнули бы в могилу на Богословском кладбище... Нет уж, лучше об этом не думать. Сырниковой не повезло, значит, такое ее счастье.

- А я знаю, - продолжала неугомонная Любка, сделав страшные глаза, - это Революция Михайловна в морге куролесит! Ее призрак!

Тут уже заорали на Любку все трое: тетя Дуня, Надежда и Поросенке басом.

- Ничего святого для тебя нет!

Любка махнула рукой и отвернулась к окну, а тетя Дуня шепотом стала рассказывать:

- Нынче похороны этих, которых в китайском ресторане положили. Ну, с утра пораньше взяли покойников обмывать да обряжать, хватились - у мафиози все нормально, а у того, второго, - полпальца на руке нету!

- Чего-чего? - недоверчиво переспросили женщины, только Надежда уже все сообразила и прикусила язык.

- Палец на руке у того мужика отрезанный, - охотно пояснила тетя Дуня.

- Так, может, и не было пальца-то? - протянула Любка больше для куражу, на самом деле ей до пальца не было никакого дела.

- Как это - не было? - всполошилась тетя Дуня. - Когда привезли, все покойники в целости были, только простреленные. И доктор определил, что палец уже у мертвого отрезали. Определенно, это в ту ночь случилось, когда Михалыча по голове приложили...

- А при чем тут нечистая сила? - не сдавалась Любка.

- А при том, что кому может палец от покойника понадобиться? - строго спросила тетя Дуня. - Только для нехорошего дела покойников воруют...

- Прямо «Пожиратели трупов», американский сериал... - вздохнула Любка.

«Ну-ну, знаем мы этих пожирателей трупов», - подумала Надежда, но вслух ничего не сказала.

Тетя Дуня удалилась, а вместо нее пришел профессор с обходом. То ли в этот раз Надежда Николаевна была более убедительна, то ли еще раньше надоела лечащему врачу просьбами о выписке, но профессор внял ее мольбам и распорядился снять гипс. И если с ногой все будет в порядке, то больную Лебедеву немедленно выписать, чтобы она проходила лечение физиотерапией амбулаторно по месту жительства.

Больная Лебедева чуть не расцеловала старичка профессора и вприпрыжку помчалась в перевязочный кабинет.

Сняли гипс, и ногу еще просветили рентгеном, наступать было немного больно, и вообще Надежда чувствовала себя не слишком уверенно, но все же надеялась, что дело закончилось благополучно. А уж на физиотерапию и лечебную физкультуру она будет ходить исправно. Собрав вещи и переодевшись, Надежда договорилась со старшей медсестрой, что будет ждать документы о выписке прямо в палате, и удалилась в туалет с косметичкой. Очень хотелось узнать, в чем там секрет - не было сил дотерпеть до дома.

Она закрылась в кабинке и достала заветную косметичку.

Ничего там не изменилось - лежали в беспорядке помада, пудра, носовой платок... Надежда Николаевна открыла баночку с кремом для рук, потому что она казалась наиболее подозрительной. Она снова понюхала крем, потом запустила туда пилочку для ногтей и пошуровала легонько. Странное дело: баночка была полна, а пилка утопилась только на сантиметр. Надежда ухватила ногтями и вытащила из крема небольшую цилиндрическую емкость. Обтерев емкость, она взглянула и не обомлела только потому, что уже представляла себе, что там увидит. В прозрачном пластиковом сосуде находился отрезанный человеческий палец. Вернее, две фаланги указательного пальца с правой руки. Что ж, теперь понятно, почему девица так ищет свою косметичку.

«Итак, - сказала себе Надежда, - палец, разумеется, у покойника отрезала девица. Именно за этим она и приходила в морг. Не будем уподобляться тете Дуне и кричать про нечистую силу. Палец был нужен девице для дела - не на память же она его отчекрыжила.

Не напрасно я смотрю и читаю детективы - там черным по белому сказано, что бывают такие двери, которые открываются, только если приложишь к фотоэлементу палец. К примеру, какое-то секретное хранилище. И могут посещать его только десять человек, так их пальцы заносятся в память компьютера, и только они и могут пройти, только по их пальцу дверь откроется. Но это, конечно, очень круто. Вряд ли найдется у нас в стране государственная структура, у которой денег хватит на такую аппаратуру. И потом - вдруг сломается компьютер? Или найдется ушлый хакер, который залезет в программу? Нет, в нашей стране технике не настолько доверяют. Да и средств нету. Вот разве в каком-нибудь коммерческом банке...

В банке, – мысленно повторила Надежда. – А если банк, значит, деньги. Большие деньги, иначе девица не стала бы заниматься таким малопривлекательным делом – пальцы у покойника отрезать. Но при чем тут деньги? То есть кто такой этот загадочный покойник и откуда там могут быть замешаны большие деньги? Хорошо бы выяснить...»

Надежда встрепенулась, спрятала палец обратно в крем и решила поразмышлять обо всем дома, на досуге, если, конечно, настырная девица не прихватит ее раньше времени и не потребует свое имущество назад.

По справедливости-то следовало бы отдать ей косметичку. Но, во-первых, Надежду очень возмутило хамство незнакомой девицы и ее отвратительные манеры.

Ты попроси по-хорошему, тогда тебе всегда навстречу пойдут! А она – сразу грубить... А во-вторых, существовал еще бандит Дух, которому тоже отчего-то понадобилось содержимое косметички, и, если Надежда отдаст ее девице, Дух ни за что не поверит. Так что надо еще придумать, как избавиться и от преследования, и от косметички одним махом.

И где-то в самой глубине души Надежды Николаевны сидел маленький любопытный червячок и тихонько изводил ее вопросом: для чего всем так нужен палец? Какую дверь можно открыть с его помощью и что за этой дверью находится? Пещера Али-Бабы?

Или наоборот – запретная комната Синей Бороды?

Бесконечно прав был ее муж Сан Саныч, когда, перефразируя Достоевского, частенько восклицал:

«Говорят, любопытство не порок. Но в твоем случае, Надежда, любопытство – порок! И большой порок...»

Но его легкомысленная жена не внимала предостережениям и все время вляпывалась в какие-то сомнительные истории. Сан Саныч пришел бы в ужас, узнав про события прошлой ночи. Так что самая главная задача у Надежды была сделать так, чтобы муж ничего и никогда не узнал. Начнет волноваться, давление поднимется, а самое главное – воспитывать станет и дома запрет. Хотя как ее, взрослую женщину, дома запрешь? Не домострой все-таки... Но жалко его, так много работает, а все же возраст – пятьдесят пять скоро стукнет, не молоденький. Нет, Надежда скажет ему, что очень соскучилась и уговорила доктора выписать пораньше, хотела сюрприз мужу сделать. В этом есть доля истины, а со своими проблемами она разберется со временем, дайте в себя немножко прийти...

Надежда приободрилась и поспешила в палату, где Любка растворила окно настежь и призывно махнула рукой, приглашая посидеть рядом.

* * *

Возле морга царило необыкновенное оживление.

Обычно в день похорон здесь появлялись небольшие группы родственников, съезжавшихся по одному, по двое и группировавшихся вокруг заплаканной вдовы или, несколько реже, подавленного вдовца.

В этой группке всегда находился мужчина помоложе и покрепче, который суетился, бегал с бумагами, совал деньги санитарам, выискивал куда-то запропастившегося шофера, постоянно уходил внутрь морга и возвращался оттуда с какой-нибудь новой важнейшей информацией,

собирал бригаду для переноски гроба - в общем, брал на себя организационные хлопоты, предоставив вдове принимать соболезнования и промакивать глаза черным кружевным платочком.

Но сегодня все выглядело совершенно не так.

У здания морга понемногу собирались хорошо одетые мужчины средних лет в длинных черных или бежевых кашемировых пальто, теплых не по сезону, с выражением настороженной задумчивости на лицах.

Оставив свои дорогие, сверкающие многослойным лаком машины за воротами, они подходили к моргу пешком, что дополнительно придавало их лицам оттенок крайнего утомления, граничащего с продуманным героизмом.

Каждого из этих героев невидимого фронта сопровождали по двое молодых парней в коротких черных кашемировых полупальто, нагруженных неподъемными венками из свежих роз, перевитыми шелковыми лентами с высокохудожественными траурными надписями.

Тексты надписей не грешили разнообразием и приблизительно сводились к вариациям на тему: «Дорогому другу от товарищей по общему делу».

По какому именно делу - не уточнялось. Разнообразие этим надписям придавали чрезвычайно замысловатые и изысканные шрифты, от стилизованного церковного полуустава до чего-то отдаленно напоминающего арабскую вязь.

Один из кашемировых господ позволил себе некоторую оригинальность, появившись с венком, на котором простыми и четкими буквами, позаимствованными из заглавия газеты «Правда», было начертано:

«Дорогому корешу на вечную память от соседа по нарам в семидесятом году».

На эту надпись коллеги косились с явным уважением.

Вообще, надо сказать, все эти кашемировые бароны посматривали друг на друга осторожно и недоверчиво, здоровались очень сдержанно и старались не особенно удаляться от собственной группы поддержки с венками.

Вдова покойного, стройная растерянная женщина средних лет, стояла возле дверей морга, скрывая свое горе под черной вуалью, и нервно принимала соболезнования от каждого вновь прибывающего кашемирового господина, большинство которых видела первый и последний раз в жизни. Возле нее, злобно косясь друг на друга, стояли двое ближайших соратников покойного: громоздкий неповоротливый блондин с пересекающим лицо кривым шрамом и единственным голубым глазом, недоверчиво взирающим на окружающих, и худощавый горбоносый кавказец, смуглый, как южная ночь, живой, как ртуть, и опасный, как бритва, - двое основных претендентов на освободившееся после Кабаныча председательское кресло в возглавляемой им организации - Сеня Одноглазый и Жора Дух.

Подходившие с соболезнованиями коллеги покойного обязательно обращались к его вдове, а вот из двоих претендентов на трон каждый кашемировый привечал кого-нибудь одного: кто белобрысого Сеню, кто смуглого Жору. Люди, сведущие в сложной политике городского криминалитета, запоминали, кто из претендентов получил сегодня больше знаков внимания от этих высокопоставленных особ, тем самым вычисляя предвыборный рейтинг каждого. При этом нужно было учесть не только количество полученных сердечных соболезнований, но и

значение каждого из прибывших на похороны авторитетов в сложной уголовной иерархии.

Наконец по сигналу, поданному Одноглазым, на площадку перед моргом осторожно вырулил автобус – не допотопный замызганный «ЛиАЗ», а сверкающий хромом и лаком мерседесовский красавец, и четверо широкоплечих бойцов невидимого фронта, заметно напрягая бычьи шеи, вынесли из морга потрясающей красоты резной лакированный гроб красного дерева.

- У него там телевизор внутри, – раздался над ухом у Надежды Николаевны, с интересом наблюдавшей за выносом тела, Любкин голос.

- Что? – удивленно переспросила Надежда. – Какой телевизор? Где телевизор? В гробу, что ли?

- В гробу, конечно, – подтвердила Любка, как само собой разумеющееся.

- Зачем в гробу телевизор?

- Для крутизны. – Любка посмотрела на Надежду снисходительно, как первокурсница на старшеклассницу.

- Поясни. – Надежда встряхнула головой. – Ничего не понимаю!

- Это Юрин знакомый один занимается, – начала терпеливо объяснять Люба непросвещенной Надежде Николаевне. – Он золотую жилу, можно сказать, нашел – возит из Испании специально для братков крутые гробы. У них ведь как – смертность очень высокая, профессия в группе риска, похороны по принципу:

«Сегодня – ты, а завтра – я!» Ну и выпендриваются друг перед другом – все самое дорогое, все самое крутое. И похороны, и места на кладбище, ну, соответственно, и гробы со всеми возможными прибабасамй.

Этот Юрин знакомый специально с испанцами договорился – они в гробу телевизор устанавливают, неработающий, правда, но «Сони» или «Филипс», мини-бар со всякими напитками, телефон... Испанцы первое время удивлялись, а потом привыкли. Им-то что, лишь бы деньги платили! А братки следят, чтобы все было по высшему разряду, – если у Толяна гроб с телевизором, то у Вована без него тоже никак нельзя!

- Ну надо же! – поразила Надежда. – Как у древних скифов... в могилу клали коня, оружие, а то и жену... чтобы на том свете ни в чем не было недостатка...

- Оружие они тоже кладут, – подтвердила Любка, – а вот жену... – Она задумалась, и в глазах у нее появился живой блеск.

Надежда снова перевела взгляд на площадку перед моргом.

Роскошный гроб со всеми удобствами сунули в автобус, но, кроме носильщиков гроба, туда никто не сел: остальные участники церемонии разошлись по своим машинам, и процессия двинулась на кладбище.

- Где хоронить-то будут? – поинтересовалась Надежда у всезнающей Любки.

- На Богословском, – ответила та мгновенно, – у какого-то архиерея место откупили, могилу вырыли – как котлован под Ледовый дворец.

После отбытия родных и близких великого человека площадка показалась Надежде

опустевшей, хотя в действительности на ней оставалась еще одна группа, но уже более традиционная: заплаканная интеллигентная старушка в черном пальто и шляпке, несколько мужчин средней комплекции с откормленными женами, обязательный в такой ситуации энергичный молодой человек с черной шелковой повязкой на рукаве зеленоватого плаща.

- А это второго родственники и сослуживцы, - пояснила Любка.

- Какого второго? - машинально спросила Надежда, потому что ее внимание привлекло какое-то движение на тропинке возле известной дырки в заборе.

- Ну, Надежда Николаевна, какая вы непонятливая! Их же двоих в ресторане убили, авторитета и этого, второго. У них какая-то деловая встреча была.

Старушка - это его мать, а жены у него не было...

- Люба, откуда ты все это знаешь? - поразилась Надежда.

Любка в ответ только пожала плечами - слушать, мол, тетю Дуню надо ухом, а не брюхом...

Движение возле дыры продолжалось и вскоре оформилось на тропинке в некую даму, одетую в черный костюм - длинную юбку и жакет, отделанный пышным черным же мехом. Дама выглядела очень представительной, ступала тоже с достоинством, даже несколько сердито. Возраст ее по походке Надежда определила как выше среднего, более точную цифру дало бы лицо, но лица-то как раз видно не было из-за огромной широкополой шляпы.

- Как она через дыру пролезла в такой шляпе? - перехватила Любка взгляд Надежды.

- Да уж, - протянула та, не отрывая глаз от интересующего ее зрелища.

Дама целеустремленно направилась к группе ожидающих покойника, весьма бесцеремонно отодвинула двух дальних родственников - третий, пониже ростом и послабее на вид, предпочел отскочить сам - и пробилась к старушке.

- Мама, какое же у нас горе! - воскликнула она так громко, что даже Надежда в окне услышала, и кинулась старушке в объятия.

Старушка, застигнутая врасплох, сделала было попытку шарахнуть в сторону, но после покорилась поцелую, как неизбежному злу.

- Ой, Любка, сведения у тебя устарелые, - усмехнулась Надежда. - Говоришь, жены у него нету?

А это, по-твоему, кто?

- Да черт ее знает! - фыркнула Любка. - А с чего вы взяли, что она жена?

- Ну, бывшая, а только точно жена. Сама посудит: держится нахально, как хозяйка, к старухе обниматься полезла, мамой ее назвала. Не стала бы старуха от собственной дочери шарахаться! Нет, уж поверь мне, эти двое - невестка со свекровью.

Любка согласилась - ей-то было все равно, Надежда же продолжала наблюдать с большим интересом.

На этот раз венки были куда скромнее, и автобус подали с обычным опозданием, и был он

такой же, как всегда, – маленький и забрызганный грязью, и мест в нем, конечно, было гораздо меньше, чем родственников, так что начались выяснения, кто поедет в автобусе, а кто – своим ходом, и кто на кладбище, а кто – прямо домой.

В общем, шла обычная похоронная суета без «новорусских» излишеств.

Надежда отчаялась узнать что-либо ценное и наблюдала за событиями от нечего делать. В очередной раз осматривая площадку, она обратила внимание на женщину лет сорока, худощавую и напряженную. Надежда осознала, что давно заметила эту женщину, просто до сих пор ее больше занимали экзотические персонажи из окружения покойного авторитета, да еще дама в черной шляпе сумела заполнить своей персоной чуть ли не все пространство, и невзрачная женщина не вызвала особенного интереса. А зря. Поведение этой женщины было довольно необычным: она явно стремилась все видеть, за всем наблюдать и в то же время оставаться в стороне, в тени, не привлекая ничего внимания. Надежда еще раз взглянула на женщину и сказала себе, что как раз невзрачной-то ее она при более детальном рассмотрении не назвала бы.

Женщина была скромно одета, кое-кто нашел бы ее одежду бедной. Но одежда сидела на ней очень ладно, сама она была подтянутой, и чувствовалась в ней некоторая жесткость, несгибаемость... нет, такого человека никак нельзя назвать невзрачным.

В это время перед моргом появился новый персонаж – запыхавшийся мужчина в сером плаще, с букетом гвоздик в руке. Увидев, что участники похорон еще не уехали, он подошел к матери покойного с соболезнованиями, от жены же отвернулся, как от незнакомой, на что она, смерив его неодобрительным взглядом из-под шляпы, что-то нелюбезно процедила.

- Ой – вскрикнула Надежда. – Я же его знаю!

Это Сережа Мыльников, мы вместе работали!

Тут дверь палаты открылась и на пороге появилась медсестра со словами:

- Лебедева, ваши документы!

Надежда была уже готова к выписке, она простилась с Любкой, взяла бумаги и пошла вниз. Однако неисправимое любопытство, как всегда, взяло в ней верх над благоразумием, и, вместо того чтобы выйти через центральный вход и пойти на улицу, Надежда неожиданно свернула к запасной лестнице, выходящей во двор, и оказалась перед моргом.

Здесь она внушила себе, что хочет просто поздороваться со старым знакомым, и решительно направилась к Мыльникову, который в углу двора разговаривал с той самой таинственной женщиной, заинтересовавшей Надежду.

Что-то подсказало Надежде, что не стоит высовываться сразу, а следует немного подождать. Собеседница Сергея снова отошла в сторону, и тогда Надежда кашлянула.

Сергей обернулся, и при виде Надежды брови у него полезли вверх.

- Надя! Сколько лет, сколько зим! А ты-то как здесь?

Показав на костылик, Надежда объяснила:

- Да вот в больнице лежала, перелом ноги. Как раз выписалась, тебя вот увидела... Ты-то здесь

какими судьбами?

- Вот, видишь, Загряжского хоронят, а я работал у него долго, неудобно было не прийти... Грустное мероприятие... стою как дурак, никого не знаю, а тут ты!

Думал, мерещится мне - надо же, Надя Любимова!

- Теперь я Лебедева, - с улыбкой поправила Надежда, - уже восьмой год.

- Ах да, я ведь слышал, поздравляю! Как живешь, Надежда, как тебя угораздило? - Сергей показал на костыль - Да ерунда, уже прошло, гипс сняли, - отмахнулась она - Ты лучше скажи: что за человек был этот...

- Загряжский? - перебил он. - Ну, Надежда, в двух словах не расскажешь, тем более что про покойников нужно только хорошее говорить.

- А что - ничего хорошего про него не скажешь? - напрямик спросила Надежда.

- Да не в том дело, просто я в последнее время с ним не общался, уже года два как он из института ушел.

- Куда ушел? - требовательно спрашивала Надежда.

- То есть ушли-то все кто куда, институт закрылся по причине банкротства, - с досадой продолжал Сергей. - Вот ты скажи, Надежда, кому это выгодно - такие кадры на улицу выбрасывать? Кому это нужно в государственном масштабе? Всю жизнь, как работать начал, только и слышу: инженер такой, инженер сякой. Рабочий класс, мол, - это да, а вы, интеллигенция, плететесь в хвосте строительства коммунизма Создали, понимаешь, такой образ у людей в голове, что как только скажут «инженер», так сразу всплывает такой хилытик в очках и с бородой. А сколько эти хилытики летом на заработках домов понастроили, леса повалили, дорог проложили! Я тебе так скажу, Надежда, - серьезно продолжал Сергей, заметив, что Надежда улыбается, - если бы не мы, инженеры, так не знаю, как у других, а население нашего города точно бы с голоду померло! Кто по четыре-пять месяцев из колхозов не вылезал? Помнишь?

- Помню, - вздохнула Надежда. - Сначала прополка, потом уборка. На всю жизнь я эти поля свекольные запомнила необозримые, до сих пор свеклу терпеть не могу.

- А субботники, а овощебаза чуть не каждый выходной? - вопрошал Сергей. - И вот, если мы, несмотря на тяжелейшие условия, еще что-то разработать могли, то нам памятник ставить нужно! Не зря те, кто на Запад подались, первое время там прямо диву давались. Никто тебя не дергает, ни в колхоз, ни на базу, ни в дружину, начальство по пустякам нервы не треплет, ленинский зачет сдавать не нужно, на профсоюзном собрании в ладоши хлопать никто не заставляет! Работай себе на здоровье, и еще кофе два раза в день за счет фирмы подают!

- Тихо, Сергей. - Надежда заметила, что на них недовольно оглядываются родственники. - Что про прошлое время вспоминаешь, оно давно кануло. Ты про сейчас рассказывай.

- А я и говорю про сейчас! - Сергей понизил голос:

- Слава богу, дожили до перестройки. Как говорится, оглянулись - прослезились. Ну, что партия как рулевой не в ту сторону повела, это все знают, про это неинтересно. Но оказалось, что и вести-то теперь некого! Где рабочий класс? Нет рабочего класса, давно мозги пропил. У

кого же хоть что-то в головах осталось? У нас, у интеллигенции. Вроде бы доказала жизнь, что работники умственного труда не последние спицы в колесе. Так здрасьте, пожалуйста, опять мы, инженеры, никому не нужны! Я тебя и спрашиваю: кому это выгодно, а, Надя?

- Не кипятись, расскажи лучше про Загряжского, - примирительно проговорила Надежда.

- Да, так вот, развалился, значит, институт, и мы все кто куда попристраивались. Кто-то за рубеж намылился, да поздно уже: куда в этой Америке ни плюнь, даже в самом малюсеньком городке, где колледж есть, - там сидит русский и физику или математику преподает! Знаешь, даже анекдот такой есть: «Что такое американский университет? Это такое место, где русские профессора учат физике китайских студентов».

- Да слышала я этот анекдот! - Надежда потеряла терпение, отчаялась узнать что-нибудь путное и собралась уходить.

- Ну, извини, что-то я разошелся. Так, значит, про Загряжского. Организовал он какую-то свою контору.

Достал денег, посадил директором одного мужика, у того большие связи в Москве. Специалистов набрал, из своих же сотрудников. Надо ему, Загряжскому-то, должное отдать: организовать дело он всегда умел.

Так, в работе-то не очень, но организатор отличный!

- Да чем они там занимались, в этой конторе? - потеряла терпение Надежда.

- Ты как с луны свалилась! - возмутился Сергей. - Будто и не работала в режимной организации столько лет! У института какой был профиль? Самолетостроение. Каких специалистов Загряжский набрал? Самых лучших, кто остался здесь, конечно. Ну да в нашем секретном профиле не всех выпускают.

- А тебя не звал он?

- Звал, - усмехнулся Сергей, - да я к тому времени уже работу нашел, неудобно было уходить. И какое-то было у меня предчувствие, что неладно там.

Видишь, так оно и вышло. Убили Загряжского, теперь все развалится.

- Там же начальник еще остался?

- Так он же умер незадолго до этого! Мне Игорь Медунов рассказывал, недавно его встретил, он у Загряжского работал. И Пашу Грибова он пригласил...

Сергей замолчал и с улыбкой повернулся навстречу той самой женщине, подтянутой и худощавой, с которой говорил раньше.

Та, приблизившись, слегка кивнула Надежде. Простой синий плащ, из которого выглядывал ворот черного свитера, - похороны, полагается в черном. Коротко подстриженные пепельные волосы, серые глаза, никакой косметики. Однако глаза на бледном лице все равно выглядели яркими.

- Вы познакомьтесь, - обратился к ним Сергей. - Это Таня Грибова, моя старинная знакомая, а это - Надежда Лебедева... сослуживица моя... давно не виделись, а теперь вот... встретились...

Надежда на всякий случай убрала за спину костыль.

- Ну ладно, Сережа, я пойду. - Татьяна оглянулась на родственников покойного, рассаживавшихся в автобусе. - На кладбище все равно не поеду, я никого из них не знаю.

Провожая глазами удаляющуюся к воротам Татьяну, Надежда спросила:

- Давно вы знакомы? Необычная женщина, что-то в ней чувствуется незаурядное.

- Еще бы! - Сергей улыбнулся. - Ты даже не представляешь, насколько незаурядное! Мы с ней познакомились пятнадцать лет назад, на полигоне в Казахстане. Точнее, сначала я познакомился с ее мужем. Павел Грибов был тогда знаменитостью, восходящей звездой. Гениальный конструктор, блестящий математик... а она - ты не поверишь! Она тогда была летчицей, испытывала новые модели самолетов.

- Летчицей... - протянула Надежда. - Вот это да...

Она представила Татьяну за штурвалом самолета и поняла, что именно там она смотрелась бы лучше всего.

- Такая потрясающая была пара! - продолжал Сергей.

- Ты все время повторяешь - был, была... Почему все это в прошедшем времени?

Сергей помрачнел:

- Тогда-то с ними и произошло несчастье. Говорят, люди связанных с риском профессий часто погибают в самой спокойной ситуации. Знаменитый альпинист Абалаков утонул в ванне. Минеры попадают под машины, мотогонщики погибают под случайно обрушившимся балконом... Так и у них. Татьяна с Павлом ехали на машине, она была за рулем, и в них врезался «КамАЗ». Водитель «КамАЗа» был пьян, не получил ни царапины. Павел страшно разбился и с тех пор стал инвалидом. Татьяна не так пострадала, но летать после этого больше не могла... Психологически не могла, у нее в душе что-то сломалось.

- А здесь-то она что делала?

- Я же говорил, Павел последнее время выполнял для Загряжского какую-то большую работу. Ходить он не может, прикован к креслу, но светлая голова осталась, и Загряжский подключил его к своей разработке.

Я подробностей не знаю, все окружено жуткой секретностью, но говорил уже, что у Загряжского было собственное конструкторское бюро. Ну, Павел не может приехать на похороны, вот он и послал жену...

Короче, я на кладбище не поеду, времени нет, мне нужно на работу возвращаться. Я на машине, давай тебя подвезу, у тебя ведь нога болит.

Надежда охотно согласилась, и они с Сергеем двинулись к воротам больницы.

Выйдя из ворот, они увидели на автобусной остановке Татьяну Грибову.

- Таня! - окликнул ее Мыльников. - Поехали с нами, я тебя хоть до метро подвезу, здесь автобуса будешь ждать до второго пришествия.

Татьяна кивнула и подошла к старенькой мыльниковской «копейке».

Сергей сел за руль, а женщины устроились на заднем сиденье. Машина петляла в лабиринте переулков.

Надежда оглянулась назад, через минуту снова оглянулась и проговорила про себя:

«Может быть, я начиталась детективов, но у меня такое чувство, что вот та белая машина явно нас преследует. Причем преследует от самой больницы».

Татьяна покосилась на нее, будто слышала Надеждины слова. Потом посмотрела в заднее окошко, пожалала плечами и через минуту снова оглянулась.

«Неужели я разговариваю вслух? – испугалась Надежда. – Да нет же, готова поклясться, что только подумала, а эта Татьяна ведет себя так, словно читает мои мысли».

Надежда нагнулась к своей соседке и тихо проговорила:

- Вас тоже беспокоит та белая машина? Она явно висит у нас на хвосте.

Татьяна вздрогнула и посмотрела ей в глаза очень пристально.

- Дамы, – окликнул женщин Мыльников, – чего это вы все вертитесь и шепчетесь? Не успели познакомиться, а уже какие-то секреты?

- Да нет, – отмахнулась Надежда, – так, ерунда.

Пожалуй, я тоже выйду у метро, а то меня что-то укачало.

- А как твоя нога, – покосился на нее Сергей, – не болит?

- Да ничего, доберусь.

Надежда подозревала, что их машину преследует кто-то из тех, с кем ей пришлось против своей воли познакомиться минувшей ночью, и она решила пересечь в метро, чтобы избавиться от «хвоста» – приводить своих опасных знакомых к собственному дому ей очень не хотелось.

Выбравшись около метро из машины и поблагодарив Мыльникова, женщины двинулись к подземному переходу. Татьяна шла рядом молча, изредка оглядываясь. Надежде же захотелось с ней побеседовать.

Муж ее работал на Загряжского, сказал Сергей, очевидно, она может рассказать многое о работе и помочь выяснить, могут ли быть в смерти Загряжского замешаны большие деньги. Сергей давно ее знает и характеризовал хорошо. Да и самой Надежде интуиция подсказывала, что она могла бы довериться этой женщине. Только вот как вызвать у нее ответное доверие?

Что-то говорило Надежде, что от такой женщины, как Татьяна Грибова, нелегко будет добиться откровенности, не станет она болтать о серьезных вещах с первой встречной, даже если ту рекомендовал старый приятель.

Надежда оглянулась. Белой машины нигде не было видно. Заметив ее движение, Татьяна усмехнулась, но ничего не сказала.

Их обогнал широкоплечий парень и толкнул Надежду плечом, не извинившись. Она

удержалась на ногах и даже не крикнула хаму вслед обидного слова, постеснялась Татьяны. Однако машинально Надежда свернула в сторону, чтобы обойти здание метро сзади – там было поменьше народу. Татьяна взглянула искоса и остановилась.

- Я, пожалуй, на метро не поеду – в магазин зайти нужно и позвонить...

Она выразительно замолчала, так что Надежда все поняла и откланялась.

В закоулке никого не было, кроме старого бомжа, копающегося в каких-то выброшенных картонных коробках, и двух бездомных собак.

И вдруг, откуда ни возьмись, перед Надеждой выросли двое подростков, один нагло сплюнул ей под ноги и процедил:

- Эй, тетка! Дай закурить!

Надежда оторопела – никогда еще к ней не обращались с подобной просьбой. Она не парень, у которого можно отнять деньги, не девушка, которую можно затащить в подъезд. Мальчишкам было лет по четырнадцать.

- Ты, паршивец, как разговариваешь? – мгновенно вскипела Надежда. – Ты соображаешь, к кому обращаешься?

В это время сзади раздался какой-то сдавленный звук и что-то шлепнулось на землю. Стараясь не упускать из вида парней, Надежда обернулась. Третий подросток лежал на грязном асфальте, закрыв лицо, а Татьяна выпрямилась и показала Надежде обломок кирпича.

- По голове хотел вас стукнуть.

Недолго думая, Надежда с костылем наперевес устремилась на подростков:

- Ах вы, сволочи!

Бомж оторвался от коробок и даже сделал шаг навстречу, собаки залаяли, и подростки пустились наутек – в их планы, очевидно, не входило поднимать шум. Разумеется, Надежда и не думала их догнать – где уж с больной ногой. Она остановилась и перевела дух. К тому времени и третий негодяй побежал прочь, так и не открыв лицо.

- Чем вы его? – отдышавшись, спросила Надежда.

- Зонтиком, – спокойно ответила Татьяна, – прямо в лицо ткнула, может, даже нос сломала...

- И поделом! – с сердцем сказала Надежда, ей уже порядочно надоели малолетние мерзавцы. – В следующий раз подумают, прежде чем к женщине приставать...

- Они бы и в этот раз, может, подумали... – протянула Татьяна.

Надежда Николаевна, привлеченная странной интонацией, оглянулась. Белая машина остановилась в двадцати метрах от них, из нее выскользнула та самая девица, которая минувшей ночью сперва помогла Надежде сбежать от бандитов, а потом сама продемонстрировала «звериный оскал».

- О-о! – прошептала Надежда. – Никак моя старая знакомая! Здравьете вам, как говорится, давно не видались...

Девушка встретилась с Надеждой глазами и шагнула вперед. Но тут из-за угла показалась большая компания парней и девушек, потом продуктовый фургон засигналил, требуя освободить дорогу.

Надежда схватила Татьяну за руку:

- Бежим быстрее туда, где народу побольше! Там она ничего не посмеет сделать!

На площади перед станцией метро они остановились. Татьяна Грибова с большим интересом смотрела на ловко пробирающуюся между припаркованными машинами девушку.

- Вы с ней знакомы? - настороженно спросила она.

- Как вам сказать... - слегка замялась Надежда. - Имени ее я не знаю, но дело иметь с этой фурией приходилось. Такая, знаете, настырная личность... и очень невоспитанна.

- Вот как? - Грибова взглянула задумчиво. - Стало быть, она следит за вами? Имейте в виду: это очень подозрительная девушка.

- А то я не знаю! - обиделась Надежда.

Татьяна остановилась и поглядела на свою спутницу в упор:

- Слушайте, вы вообще кто? Откуда вы знаете Загряжского?

- Да я вовсе и не знаю Загряжского! - открестилась Надежда.

- А зачем тогда притащились на его похороны? Да еще с больной ногой!

- Ой! - Надежде стало смешно. - Да я вовсе и не на похороны. Я из больницы выписалась, потом случайно Сергея встретила... - Она замолчала, наткнувшись на злой, недоверчивый взгляд Татьяны.

- Угу, случайно, - процедила та, - а теперь его бывшая пассия, его... черт знает кто, совершенно случайно вас преследует и даже наняла подростков, чтобы дать вам по голове?

- Вы думаете, это она их наняла? - живо отозвалась Надежда. - То-то мне показалось удивительно, зачем я им понадобилась... А откуда вы ее знаете?

- Знакомы... - протянула Татьяна.

- Слушайте, ей-богу, я рассказала бы вам всю эту невероятную историю, но только у нас на хвосте висит эта прилипала и ни за что не даст спокойно поговорить! - воскликнула Надежда.

Девушка из белой машины делала вид, что выбирает фрукты на лотке, но время от времени бросала на Надежду мимолетные взгляды, проверяя, что она никуда не ушла.

- Следите за мной и ничему не удивляйтесь! - шепнула вдруг Грибова и юркнула в толпу.

Подобравшись ближе к интересующей их девушке, она потянула за рукав здоровенную рыжую тетку в блестящем, как елочная игрушка, зеленом клеенчатом плаще.

- Дама, - трагическим голосом сообщила Татьяна, - вот та девушка только что к вам в сумочку залезла!

Тетка разинула рот, завопила, как пожарная сирена, и набросилась на оторопевшую от такой наглости девицу. Татьяна, не дожидаясь развития событий, кинулась к Надежде, подхватила ее под руку и потащила ко входу в метро, приговаривая:

- Скорее, скорее, пока она не вырвалась!

Сзади слышались истошные вопли клеенчатой тетки, которая вцепилась в девицу, как весенний клещ:

- Шлюха! Воровка! Я тебя в ментовку своими руками отволоку! Я тебе глазенки наглые выцарапаю!

Дрянь подзаборная! Ишь вырядилась! Все на ворованные деньги!

Возражений растерянной девицы за этими громовыми раскатами не было слышно.

Спустившись в метро и проехав пару остановок, Надежда и Татьяна переглянулись.

- Ну и ловко вы от нее избавились! - Надежда не смогла скрыть восторга.

- Ну и почему же Алиса за вами следила? - спросила Грибова с живейшим интересом.

- Давайте выйдем и посидим где-нибудь, - ответила Надежда с абсолютно понятной женской логикой, - я почти месяц провела в больнице, там такое питание... да и дело не в питании.

Татьяна согласно кивнула.

* * *

Усталые, но довольные бандиты во главе с Духом возвращались с поминок. Машины остановились на пяточке перед бандитской резиденцией, куда им так и не удалось заехать с минувшей ночи, когда неожиданно пришлось сорваться на разборку с Уругваем в казино «Какаду».

Дух подошел к дверям и помахал рукой перед телекамерой:

- Эй, пацаны, отворяйте! Батя приехал, коньячку привез!

Никто не отозвался, дверь не открывалась. Подошли остальные бойцы, выжидательно смотрели то на дверь, то на командира.

- Что они там - перепились и заснули? - недовольно пробурчал Дух и зло ударил в дверь ногой.

Когда и эта мера не возымела действия. Дух полез в карман и вытащил оттуда огромную связку ключей.

- Вот так всегда, - ворчал он под нос, - одни делают всю работу, а другим два часа подежурить влом, обязательно спать завалятся...

Однако, когда бандиты открыли дверь и вошли в длинный пустой коридор, царящая в нем гулкая тишина вызвала у них недобрые предчувствия. Свернув за угол, они увидели два тела, лежащие в позах, не оставляющих сомнений: братки были стопроцентно и безнадежно мертвы. Наклонившись над Витьком, Дух увидел у него во лбу маленькое черное входное отверстие от пистолетной пули тридцать восьмого калибра. Негромко выругавшись, он повернулся к Крысе

и полюбовался его сломанной шеей.

Снизу из подвала его окликнул кто-то из братвы: там нашли связанного Стручка с кляпом во рту. Когда его развязали, Стручок клятвенно заверил братву, что он дрался, как лев, но та старая тетка, которую ему велели стеречь, оказалась чемпионом по кун-фу и так его, Стручка, огрела по голове, что он уже ничего дальнейшего не помнит.

- Ага, и Крысе тоже шею эта тетка сломала, - проговорил Дух недоверчиво, - и Витька она же из пальца застрелила... Нет, пацаны, что-то мне вся эта история не нравится...

Дух зашел в свою комнату, куда под страхом смерти не пускал никого из братвы. Он открыл металлический шкафчик, в котором держал личную картотеку, очень помогавшую ему во многих сложных случаях жизни.

На верхней полке шкафчика лежал лист бумаги, его раньше здесь не было. Дух наклонился над листом и прочитал одно слово:

«Сюрприз!»

И в ту же секунду прогремел взрыв гранаты, которым перспективному молодому бандиту начисто оторвало голову и разворотило грудную клетку.

* * *

Эрнест Хемингуэй прославился фразой: «Ни один мужчина не может долго говорить о любви стоя».

В отличие от мужчин, ни одна женщина не может говорить стоя ни на какую серьезную тему. Через двадцать минут новоиспеченные подружки вошли в кондитерскую «Норд» на Невском, чтобы побеседовать о серьезном и волнующем.

- Только никаких пирожных! - заявила Надежда категорически, с завистью оглядев подтянутую Татьянину фигуру. - Если бы ты знала, сколько я вешу... все из-за больницы...

Они как-то естественно перешли на «ты».

Осмотрев прилавок, Надежда выбрала корзиночку с фруктами, дав себе слово выесть фрукты, а к самой корзиночке не прикасаться. Татьяна посмотрела на нее с пониманием, но тем не менее безжалостно взяла потрясающий десерт из взбитых сливок с клубникой.

Усевшись за круглый столик в углу зала, она прокурорским взором уставилась на Надежду:

- Ну?!

- Тебе в подробностях? - несколько смешавшись от такого взгляда, пролепетала Надежда.

- Разумеется!

Надежда поняла, что отступать некуда, что этой женщине она, как ни странно, доверяет. Кроме того, она рассчитывала на встречную откровенность. Итак, она начала:

- Дело в том, что мой муж мало бывает на воздухе.

И я решила, что мы обязательно должны выбраться за город и покататься на лыжах...

Татьяна, как настоящая женщина, перебивала ее нечасто – всего раз двадцать-тридцать в минуту, и только по очень существенным вопросам, например, чтобы уточнить, во что была одета «корова», которая свалилась на Надежду, послужив причиной перелома.

Во всяком случае, она не считала всю предысторию больничной эпопеи лишней, как счел бы любой мужчина на ее месте. К тому времени, как Надежда добралась собственно до больницы, она с грустью заметила, что за разговором съела уже половину корзиночки.

Тогда она махнула рукой и доела остаток.

- Мое окно выходило прямо на морг, – продолжила она трагическим голосом.

Женщина за соседним столиком покосилась на нее в испуге.

Надежда придвинулась поближе к Татьяне и стала рассказывать дальше, понизив голос. Татьяна внимательно выслушала всю бандитскую эпопею, а когда Надежда со вкусом описывала, как на ненавистную Алису свалились старые больничные судна, Татьяна удовлетворенно улыбнулась. Закончив наконец описание своих приключений, Надежда откинулась на спинку стула, перевела дух и сказала:

- Ну, теперь твоя очередь.

Татьяна молчала так долго, что Надежда пожалела о своей болтливости – запросто ее новая знакомая может сейчас попрощаться и уйти, а Надежда ничего не узнает.

- Как все странно, – протянула Татьяна, – но знаешь, Надя, я тебе верю... Только такой сумасшедшей историей можно объяснить все, что с нами происходит.

- Давай доверять друг другу, – взволнованно предложила Надежда. – Я слышала от Сергея кое-что про тебя и твоего мужа. А Сергея я знаю больше двадцати лет, можешь расспросить его обо мне, если сомневаешься...

Татьяна кивнула, откашлялась и начала:

- Мы с Павлом познакомились на испытаниях нового самолета. Я подвезла его с полигона до гостиницы... Он ведь с техникой всегда был не в ладах, кроме компьютера, машину водить так и не научился. Короче, подвезла, и началось наше недолгое счастье.

Она невидяще уставилась в окно, потом продолжала:

- Как началось оно на полигоне, так на полигоне и закончилось. Через два года мы испытывали очередную модель и снова ехали в гостиницу – как тогда, первый раз. Я за рулем, он рядом... Место рядом с водителем называют местом смертника... Но Паша выжил. Только ходить с тех пор не может... Я стала его ногами. Ушла из летчиков, устроилась на работу поближе к дому, чтобы все время быть рядом с ним. Ну, что рассказывать... лечение всякое, массаж, уколы... тоска, в общем. К счастью, способности остались при нем, и он, чтобы спастись от тоски, с головой ушел в работу. Сначала к нему сослуживцы домой приезжали, привозили материалы, обсуждали свои проблемы.

Работа у него была секретная, так что все это организовать было очень сложно. Специальный человек к нему был прикреплен от первого отдела, с огромным трудом добились разрешения работать дома. Все конструкторское бюро подписало бумагу о его незаменимости. Начальство подсуетилось – где они еще такого главного конструктора найдут... Потом стало немножко

проще: режимные требования понизились, а самое главное – у нас появился персональный компьютер, и Паша его быстро освоил. Теперь он работал со своими коллегами в сети, и дело пошло гораздо лучше...

Лучше-то лучше, да только никому не нужно это все стало...

- Это я понимаю, – кивнула Надежда, – сама в этой системе работаю.

- В общем, развалилось все потихоньку, – продолжала Татьяна. – А Паша не может без работы.

Звонил он туда-сюда, все только руками разводят: денег, мол, нет, ничего не разрабатываем, не до жиру, как говорится. Инженеры и конструкторы, физики-химики в торговлю подались. А мы-то куда же денемся? – В голосе Татьяны прозвучала такая боль, что Надежда вздрогнула. – Сил не было смотреть, как он мается, ведь конструктор от бога! Пошла я сама по начальству. Ну, конечно, как фамилию услышат, так в глазах проясняется у них: еще бы Пашу не знать! Но начальник один мне прямо сказал: у меня, говорит, не богадельня. Тут здоровых людей на улицу выбрасывать приходится, а вы хотите, чтобы я инвалида на работу взял! Людям есть нечего, а ваш муж хоть пенсию получает. А сам сидит, рожа ни в одну фотографию не влезет! Мне знакомые инженеры потом рассказали: сдал он половину института в аренду под банк да под магазины разные, себе в карман денежки кладет, а еще народ голодающий жалеет, скотина!

- Ой, как все знакомо, – вздохнула Надежда.

- Ну, в общем, как-то добыла я Паше работу, все-таки при деле он был. Правда, финансирование вскоре заморозили, денег платили очень мало, а Паше нужно много дорогих лекарств, и, вообще, лечение требует постоянно огромных расходов. С трудом перебивались... Но потом случилось удивительное: Посташев из министерства и Загряжский, заместитель директора бюро, приватизировали Пашино бывшее КБ... Точнее, они как бы заново создали новое КБ на базе прежнего, обещали платить большие деньги. Пашу, конечно, первым делом пригласили, потому что без него какая разработка? – В голосе Татьяны послышалась законная гордость. – Паша так радовался: вот, говорит, наконец-то работаем по-новому – взяли только специалистов, никакого тебе балласта, никакого первого отдела... никто на мозги не капают...

- А что они разрабатывали, – заикнулась Надежда, – или это секретная информация?

- Какой уж теперь секрет, – скривилась Татьяна, – когда такое творится. Какое-то время действительно платили получше, потом подошла к финальной стадии разработка нового, совершенно уникального самолета, скоростного. Паша в этом проекте был ключевой фигурой, он сводил воедино отдельные узлы и моделировал на компьютере самолет целиком – поскольку не было средств на сооружение опытного образца, он смоделировал все полетные условия и как бы провел испытания самолета на компьютере...

- Таня, постой – я ведь тоже больше двадцати лет в НИИ работаю, мне это все так близко... просто маслом по сердцу... только подожди минутку, я себе еще чего-нибудь возьму, а то у меня на нервной почве аппетит разыгрался.

Татьяна посмотрела на Надежду с явным неодобрением, но ничего не сказала.

Взяв кусок песочного пирога с ежевикой и стыдливо пряча глаза от окружающих, Надежда вернулась за стол и с нетерпением попросила продолжать.

- Ну вот... Как я сказала, разработка самолета подошла к концу. И уже шли разговоры, что

приедут заказчики, и даже Загряжский обещал Паше, что привезут его по этому случаю в КБ. А до этого никто заказчиков не видел, даже не знали – кто такие, Министерство обороны или Министерство гражданской авиации.

Этот самолет, кстати, называется «Серебряный сокол».

- Красиво, – вздохнула Надежда, аккуратно выбирая с большого куска пирога сочные ягоды ежевики, – то есть я говорю, что название самолета красивое... Продолжай, Таня, я внимательно слушаю.

Татьяна фыркнула, но продолжила:

- И вот тут-то начались какие-то загадочные события. Сначала у Паши что-то случилось с компьютером, по-видимому, его поразил вирус. Во всяком случае, вся информация о «Серебряном соколе» из него бесследно пропала...

- Неужели он не держал копий?

- В том-то и дело, копии материалов держать дома было запрещено из соображений секретности. Кстати, этот загадочный вирус поразил Пашин компьютер именно в тот день, когда к нам домой приезжала с инструкциями от Загряжского Алиса – та самая девица, которая сегодня преследовала нас на белом «Форде».

И вела она себя в тот день очень странно. После этого Паше понадобились исходные данные для продолжения работы, он связался с КБ, а ему там ответили, что все материалы изъяли Посташев и Загряжский. То есть работа закончена, и у людей изъяли все, даже черновики, до последней бумажки.

- Но неужели твой муж никак не подстраховался?

Ведь это же компьютер, нужно было дублировать файлы! – вскричала Надежда.

- Говорю тебе – вирус! – ответила Татьяна тоже на повышенных тонах. – Весь жесткий диск полетел к чертовой матери! И потом, он сдавал копии Загряжскому, тот утверждал, что хранит их на дисках в сейфе, так что если что случится с Пашиным компьютером, то информацию, мол, всегда можно восстановить...

- Ну и?.. – спросила Надежда, отправив в рот последнюю ягоду ежевики и поклявшись себе страшной клятвой (но не здоровьем кота Бейсика), что взбитые сливки и песочное тесто она доедать ни за что не станет.

- Дальше – больше: Посташев неожиданно буквально через день умер от инфаркта, а еще через несколько дней убили Загряжского, и в эти несколько дней Загряжский был абсолютно недосыгаем, то есть поговорить с ним Паше не удалось даже по телефону.

Причем ты сама видела, в какой компании его убили – на встрече с матерым уголовником... В общем, никогда не думала, что серьезная конструкторская разработка может вдруг оказаться таким опасным и криминальным делом. А самое главное – результаты почти двух лет напряженного труда бесследно исчезли. Мало того что все разработчики остались без денег, для них это было огромным моральным ударом:

«Серебряный сокол» – это прекрасная машина, уникальная! Какая скорость, какая маневренность! Такого самолета нет нигде в мире! И все материалы исчезли. Представляешь,

в каком состоянии люди! Представляешь, в каком состоянии Паша!

- Представляю, - кивнула Надежда, незаметно подобрав с тарелки кусочек пирога.

Татьяна тяжело вздохнула и опустила глаза:

- Это все равно, что потерять ребенка.

Надежда почувствовала, какая тоска прозвучала в этих словах, тоска женщины, лишенной радости материнства, женщины, все счастье которой уместилось в два года, два года между двумя командировками...

- Это все? - спросила она после продолжительного молчания.

Татьяна очнулась от задумчивости, потом встала и принесла им двоим еще по чашечке кофе.

- Что-то я замерзла, - пояснила она, - кофе согреет.

Надежда промолчала, хотя в помещении кафе было тепло, можно даже сказать, жарко. Очевидно, Татьяну бил нервный озноб. Она зябко куталась в плащ, глаза потемнели и казались черными.

- Дальше началось самое страшное... - пробормотала она тихо и как бы нехотя.

Надежда поняла, что ее собеседница колеблется, и если Надежда скажет или сделает сейчас что-то не так, то Татьяна просто замкнется, как моллюск в раковине, и Надежда никогда не узнает, что же случилось после убийства Загрязского.

Молчание на этот раз продолжалось очень долго, но Надежда призвала на помощь все свое терпение.

- Едва мы узнали по телевизору про убийство Загрязского, как начали происходить странные вещи, - заговорила наконец Татьяна. - Паша редко выходит на улицу, просто сидит на крыльце или в садике, у нас дом за городом - так легче, - пояснила она, - а то в городской квартире лифт сломается, и он вообще не сможет воздухом дышать, а ему свежий воздух необходим. Так вот: как только установилась теплая погода, поехали мы гулять. Вдоль леса по дорожке, пахнет так хорошо, и подснежники цветут...

Надежда представила, как в лесу лежит сейчас ковер из белых первоцветов и синей, как небо, ветреницы, и немедленно захотела на дачу.

- В общем, поехали мы гулять днем, и собаку с собой взяли... А когда вернулись...

- Кто-то влез в дом, - сообразила Надежда, - дверь взломали.

- Дверь-то как раз не взломали, - встрепелась Татьяна, - но окно на кухне оказалось открытым, то есть не открыто, а просто прикрыто. Тогда как я отлично помню, что закрывала его на шпингалет!

- Что-то пропало? - деловито уточнила Надежда.

- Абсолютно ничего!

- Так, может, тебе показалось? Ну, шпингалет сам собой открылся, или ты отвлеклась в этот

момент, когда окно закрывала.

- Все может быть, – согласилась Татьяна, – но есть некоторые нюансы. Остались следы.

- Да ну? – обрадовалась Надежда. – Злоумышленник оставил на подоконнике след ботинка? Какого размера?

- То есть он думает, что не оставил никаких следов, – объяснила Татьяна, – но вот, понимаешь... сейчас в саду сыро и грязновато, потому что земля не просохла. Окно кухни выходит у меня прямо на клумбу. Так вот он, этот тип, как-то сумел открыть окно снаружи, окно у меня небольшое, человек сможет пролезть с трудом. Очевидно, он ступил грязным ботинком на пол, а когда увидел, что наследил, то решил следы вытереть. И вытер насухо, так что ничего на первый взгляд не заметно. Но...

- Но? – в восторге спросила Надежда, она уже предвкушала интересный ход.

- Он вытер пол тряпочкой, что висела тут же под окном на веревочке. Тряпочкой для вытирания пыли!

- Отлично! – восхитилась Надежда. – Можешь не продолжать. Мужики идиоты, ему не пришло в голову, что ты обратишь внимание на тряпку.

- Вот именно, я могла не закрыть окно, но оставить на виду тряпку с комьями грязи – это уж чересчур!

- Но ты говоришь, что ничего не пропало...

- Да, я ничего не сказала Паше о своих подозрениях, но думаю, что злоумышленник приходил пошарить в нашем компьютере. Но компьютер, как я уже говорила, тогда был нем, слеп и глух, то есть ни на что не реагировал. Сейчас его починили, но информация пропала безвозвратно.

- Что было потом?

- Потом... потом меня схватили на улице и запихнули в машину.

- Что ты говоришь? Тебя тоже похитили? – В волнении Надежда Николаевна откусила большой кусок пирога, теперь уже без ежевики.

- У них это не называется похищением, у них это называется «привезти на допрос», – усмехнулась Татьяна.

- Так-так... – процедила Надежда. – Догадываюсь, кто заинтересовался твоей скромной персоной...

Она вспомнила, как приходилось ей общаться с недоброй памяти генералом Глебовым. Тот тоже любил хватать людей на улице и везти на допрос. Они считают, что таким образом человек полностью деморализуется и на допросе выкладывает все, что знает и чего не знает.

- Рассказывай, рассказывай, Таня, неужто тобой заинтересовалась ФСБ?

- Да не мной, а Пашей, конечно! – в раздражении ответила Татьяна.

- Тише, – испугалась Надежда, – ты про такую организацию потише...

- Да уж, - вздохнула Татьяна. - В общем, схватили, заткнули рот, показали красную книжечку и повезли.

- И ты не сопротивлялась?! - вскричала Надежда, забыв, что сама только что призывала подругу к конспирации.

- Они неожиданно напали, я растерялась, - пробормотала Татьяна. - И потом, ты думаешь, я супермен, что ли? Их трое было...

- Давай дальше, - скомандовала Надежда, взглянув на настенные часы. Ей давно пора уже было домой к коту Бейсику. Нужно привести себя в порядок и приготовить мужу вкусный обед, чтобы он обрадовался и не читал Надежде нравоучений по поводу ее самовольной выписки из больницы.

- Короче, привезли меня в какую-то квартиру, дорогу я не запомнила, потому что в машине были темные стекла. Так, обычный девятиэтажный дом, лифт есть. Квартира типовая, двухкомнатная, правда, меня как в одну комнату провели, так там и держали.

- Ну?.. - в нетерпении торопила Надежда.

- Что - ну? Выходит такой тип, лет сорока, весь в черном...

- Раньше им полагалось в костюмах ходить... - пробормотала Надежда.

- Это ты их с ФБР перепутала, - рассмеялась Татьяна. - Эти в «Секретных материалах» всегда в костюмах. Кстати, этот тоже в черном костюме, и рубашка черная...

- И галстук?

- Слушай, некогда мне было его галстук рассматривать! - рассердилась Татьяна. - Ты еще про трусы спроси!

Надежда подумала, что уж она-то не преминула бы заметить и галстук, и рассмотреть комнату, потому что внимание к мелочам очень важно и может сослужить в некоторых случаях неплохую службу. Вот заметила же она в подвале у бандитов обрезок железной трубы, прихватила с собой на всякий пожарный случай, и случай этот вскоре представился. И где теперь те бандиты, которые похитили ее и издевались? Двое на том свете, правда, помогла им туда отправиться злополучная Алиса, но в данном случае их с Надеждой интересы полностью совпадали. Мелкий гаденыш Стручок, разумеется, очнется, но сотрясение мозга ему обеспечено, да еще и Дух, когда вернется, добавит. Вот с Духом у Надежды могут быть проблемы...

Но об этом после.

- Значит, парни доставили меня и удалились, - продолжала Татьяна, - а этот в черном так вежливо представился: Антонов Александр Викторович, сотрудник ФСБ, веду, говорит, дело вашего мужа. Я как услышала про дело, так и обмерла: этого, думаю, еще не хватало, чтобы Пашу в органы таскали. Ему нервничать совершенно нельзя, а этим, в органах, человека до инфаркта довести - раз плюнуть.

- Возможное дело, - пробормотала Надежда. - Документы этот тип тебе показал?

- Интересно, я же не вчера родилась, сразу документы спросила, - обиделась Татьяна. -

Красные корочки, все как полагается, удостоверение сотрудника ФСБ. Ну и как начал он меня пугать! Оказывается, он полностью в курсе разработки, все знает про «Серебряного сокола». И, говорит, сами посудите, Татьяна Алексеевна (вежливый, сволочь), как это выглядит со стороны? Наисекретнейшая разработка исчезла, просто испарилась в воздухе!

- А ты при чем? - удивилась Надежда. - Чего он к тебе-то прицепился? Ты в том КБ не работала, в разработке участия не принимала...

- А при том, что я жена своего мужа! - вскричала Татьяна. - И он, Антонов этот, прекрасно понимает, что ради спокойствия Паши я пойду на все! На меня ему давить легче.

- Верно, - согласилась Надежда, - пожалуй, ты права.

- Дальше он и говорит, что Загряжский, оказывается, давно у них на подозрении был. И теперь получается, что налицо утечка секретной информации, а это - государственное преступление. Измена Родине, за это срок полагается.

- Пугал профессионально, - вставила Надежда.

- Чтобы меня испугать, не нужно профессионалом быть, - усмехнулась Татьяна, - мое уязвимое место всем известно. Как представила я, что Пашу не то что засудят, а только таскать начнут, так все внутри у меня и оборвалось.

- И на лице небось все написано было... - проговорила Надежда.

- Еще бы! - Татьяна отвернулась. - Ну, справилась я с собой как-то, сижу, дальше слушаю. Значит, начальник КБ Посташев скорострительно умирает от инфаркта, говорит этот тип, кстати, с его смертью многое неясно, и есть подозрения, что ему помогли.

Но так или иначе, с Посташева взятки гладки, к ответственности его привлечь нельзя. Такая же картина с Загряжским: с помощью киллера ушел от возмездия и от ответственности перед законом. И остается мой Паша! У него, дескать, все ниточки сходились, он главный конструктор, прекрасно представлял себе весь масштаб разработки, знал, что секретность не соблюдается, но не обратился к ним в органы, не предупредил вовремя и за это должен отвечать по закону со всей строгостью.

- Так-так, - медленно заговорила Надежда, - значит, по словам этого Антонова выходит, что за Загряжским они следили, раз подозревали его. И тем не менее его не только укололи среди бела дня, но и разработку кто-то успел спереть. То есть по его же собственным словам получается, что органы в этом деле сели в большую рваную галошу. И чего они теперь хотят от вас с Павлом? Ищут козла отпущения?

Почему они раньше не наложили лапу на разработку, раз она секретная? Почему они раньше не пришли к Павлу, раз все знали? И, наконец, зачем тебя вызвал этот Антонов? Для чего ему нужно было напугать тебя до полусмерти? Ты эти вопросы ему задавала?

- Тебе легко говорить, - устало сказала Татьяна, - сидишь в кафе, пирожные поедая. - Здесь она неодобрительно поглядела на тарелку из-под песочного пирога с ежевикой, которая сейчас была девственно-чиста, ни крошечки не осталось.

Надежда проследила за ее взглядом и уставилась на тарелку в полном изумлении: когда она успела все съесть? Она совершенно не помнит. Мистика какая-то!

- А там у меня все мысли из головы вылетели, - продолжала Татьяна, - да и не стал бы он мне отвечать, сама знаешь, какие у них там порядки.

- Вот, кстати, где это - у них? - перебила Надежда. - Ты говорила: квартира типовая, в обычном доме.

- Ну да, обычный жилой дом. Привезли меня к подъезду, водитель в машине остался, а двое парней потащили меня наверх. Сели в лифт, этаж вроде пятый, парень дверь открыл своим ключом. Этот Антонов, наверное, заранее в квартиру пришел, но дверь открывать не стал, потом уже ко мне в комнату прошел.

- Значит, он тебе сказал, что ведет дело твоего мужа, - продолжала Надежда, - а бумаги какие-нибудь показывал?

- Нет, - ответила Татьяна, не понимая еще, к чему клонит ее собеседница.

- Раз есть дело - значит, это официально; - Надежда заговорила твердо. - А раз официально, то пожалуйста на допрос в Большой дом или куда там еще...

А они тебя в квартиру какую-то притащили, конспиративную.

- Ладно, значит, я его и спрашиваю, чего он от меня хочет? Потому что времени прошло много, мне домой нужно, муж ждет. Антонов отвечает, что, принимая во внимание Пашины заслуги, хотелось бы кончить дело миром. Дескать, если бы нашлась разработка, то дело закроют и никаких санкций применять к Паше не будут. Я говорю: рада бы помочь, да не могу, потому что сгорел компьютер и ничего не осталось, никакой информации. В общем, Антонов мне не поверил. Добывайте, говорит, разработку где хотите, а иначе сидеть вашему мужу долго и тяжело. На том и расстались. Отвезли меня парни обратно на то место, с которого прихватили. Паше я ничего не сказала.

- Значит, им нужна разработка, а на то, будет или не будет сидеть твой муж, им, я так поняла, глубоко плевать... - задумалась Надежда. - Слушай, Татьяна, а тебе не приходило в голову, что Антонов этот попросту жулик? Кто-то угрохал Загряжского и слямзил разработку, а он, Антонов, допустим, представитель конкурирующей фирмы, он и решил действовать через тебя и Павла. Он не знал, что Загряжский все успел забрать и вирус в ваш компьютер запустить. Тогда все очень хорошо укладывается - и квартира обычная, и все остальное, а корочки сейчас можно какие угодно достать, хоть удостоверение президента России!

- Нет, Надежда, тут ты не права, - твердо ответила Татьяна, - потому что Антонов этот такие подробности мне приводил из нашей с Пашей жизни... Он полностью в курсе всех разработок, в которых Паша участвовал, имена начальников называл, номера проектов, а это ведь информация строго секретная. Если бы он к органам отношения не имел, как бы обо всем узнал?

- Все равно, темнит он что-то, - упрямо ответила Надежда.

- Они всегда темнят, - вздохнула Татьяна. - В общем, сроку он мне дал неделю, а дальше устроит Паше огромные неприятности. Что делать - ума не приложу. Позвонила я кое-кому из знакомых сотрудников - никто ничего не знает. Я и на похороны-то Загряжского потащилась от полного бессилия, думала, может, хоть что-то узнаю.

- Узнала? - поинтересовалась Надежда, допивая кофе.

- Узнала, - усмехнулась Татьяна, - узнала, что у Загряжского, оказывается, жена есть.
- Очень впечатляющая дама! - оживилась Надежда. - Одна шляпа чего стоит.
- Сроду никто не знал, что он женат, - продолжала Татьяна, - а тут - на тебе, на похороны явилась!
- Я видела, как мать его от нее шарахнулась, - вставила Надежда. - Есть такие люди - обязательно им надо выпендриться. Ну, умер бывший муж - тебе-то что за горе? Нет, надо прийти, да еще с шумом, чтобы все видели. Кому она что хочет доказать?
- Не в этом дело, - заметила Татьяна, - я там, знаешь ли, нахально подслушивала, а поскольку меня никто не знает, то и не стеснялись. Так вот, удалось мне расслышать, как жена Загряжского - кстати, не бывшая, а самая что ни на есть настоящая, он с ней давно не жил, но официально они так и не развелись...
- А это откуда тебе известно?
- А про это его кузина с племянницей сплетничали, - охотно пояснила Татьяна. - Сама знаешь, если помочь надо, родственников не дозовешься, а умрет человек - они как мухи на мед слетаются.
- Верно... Ну так что там про жену-то? - заторопила Надежда.
- Так вот, жена эта старухе и говорит так тихонько, мол, когда будут оглашать завещание? Старушка удивилась - какое, спрашивает, завещание? Не было у моего сына никакого завещания! Как это не было - это жена в ответ, - когда он мне точно говорил, что завещание есть. Да мало того - мы с ним у того нотариуса были, который завещание оформлял, и он, Аркадий-то, меня с ним познакомил. Нотариус Пузанков Евгений Алексеевич. Тут старуха опомнилась и говорит строго: «Калерия, как тебе не стыдно? Человека еще не похоронили, а ты уже про завещание говоришь. И потом, что тебе-то за дело? Ведь знаю я, что вы с Аркадием фактически давно развелись. Так чего ж ты от него в завещании ждешь, каких таких сокровищ?»
- И правда, какая наглая баба! - воскликнула Надежда. - Прямо на похоронах к матери насчет завещания пристаёт!
- И ничуть она не смутилась, - подхватила Татьяна, - таким, знаешь, плюй в глаза, а им - что божья роса! Так вот, эта Калерия твердо так отвечает, что у вас, мол, мама, устарелые сведения. Мы, говорит, с Аркадием очень много в последнее время общались.
- Я ему в одном деле помогла, а он мне доверял. И сказал, что отпишет в завещании одну вещь, потому что вам она все равно ни к чему. Старуха согласилась с ней в том смысле, что ей самой скоро вообще ничего не нужно будет, потому что она сыночка своего ненадолго переживет. Значит, условились они завтра быть у нотариуса, в двенадцать часов. Калерия сказала, что за старухой заедет на машине.
- Вот интересно, что же он ей обещал отписать в завещании?
- Ну не «Серебряного же сокола»! - фыркнула Татьяна.
- Черт их разберет! - в сердцах выругалась Надежда. - Ничего не понятно.

- Мне тоже, - поддакнула Татьяна. - Я чувствую вокруг какую-то суету, мне кажется, за мной все время кто-то следит, наш телефон прослушивается...

- И сейчас за нами следят? - Надежда оглянулась по сторонам.

- Нет, потому что все посетители кафе сменились несколько раз, а мы все сидим да сидим, - невозмутимо ответила Татьяна. - Маловероятно, что у них в органах там много народу приставлено именно ко мне.

- Из-за этого ты и не удивилась, когда увидела преследующую нас машину с Алисой? - догадалась Надежда.

- Во-первых, я давно уже ничему не удивляюсь, а во-вторых, я как раз удивилась, - ответила Татьяна с истинно женской логикой, - потому что Алисе за мной следить нету никакого резона. Она сама стерла из компьютера всю информацию и прекрасно знает, что у нас ничего нет. Но раз она следила за тобой, то все встает на свои места.

Надежда слегка заерзала под пристальным взглядом Татьяны. Дело в том, что, рассказывая о своих приключениях, Надежда Николаевна немного покривила душой. То есть основные факты она изложила весьма правдиво - про ее похищение, про подвал и про то, как Алиса уложила двоих бандитов. Она рассказала также про то, что видела Алису ночью, про то, что с помощью тихого алкоголика Венечки выкопала из-под листьев дамскую косметичку, про то, как засунула ее в списанный автоклав, а дальше слегка отошла от истины. Она сказала, что предприимчивый больничный шофер Ваня уже увез автоклав к себе в деревню. Как говорится, куй железо, не отходя от кассы!

Если начальство разрешило - надо пользоваться, пока оно, начальство-то, не передумало. И теперь нужно ждать следующих выходных, когда Ваня поедет в деревню и вытащит из автоклава косметичку. Он обязался привезти ее обратно, ему, дескать, чужого не надо.

- Ты по-прежнему не хочешь сказать, что было в косметичке? - настаивала Татьяна.

- Да честное слово - ничего не было! - с жаром воскликнула Надежда, старательно смотря на Татьяну незамутненным взглядом. - То есть я не заметила, но определенно там было что-то важное, иначе Алиса бы так за ней не гонялась.

- Ну ладно, подождем до выходных...

- Знаешь, - сказала Надежда, чтобы поскорее уйти от опасной темы, - мне кажется, разработку никто не успел украсть. Во всяком случае, все окружение Загряжского так думает. Иначе бы они не вертелись вокруг.

- Ну и что? - Татьяна глядела сурово.

- А то, что у тебя есть шанс ее найти! - воскликнула Надежда. - Нужно только узнать, где он спрятал документы, а потом... - Она прикусила язык. Татьяна ведь не знала, что есть ключ, который открывает волшебную дверь, и этим ключом является палец.

Дамы обменялись телефонами и расстались, условившись держать друг друга в курсе событий. Едучи домой в метро, Надежда думала, что нашла ответ на один из вопросов: откуда у Загряжского могут быть большие деньги? Денег у него не было, но была документация уникального скоростного самолета, которую он собирался продать за большие деньги. Остался еще один, самый важный, вопрос: где искать документы?

И на еще один вопрос, касающийся лично Надежды Николаевны, она могла теперь дать ответ. Если раньше непонятно было, за каким чертом ей влезать в опасную передрагу и в разборки с бандитами, то теперь ее поступки обрели смысл: нужно помочь Татьяне выручить мужа из беды. Найти документы и отдать этому типу из органов. Только подстраховаться, чтобы Павлу Гривову не причинили неприятностей.

Надежда приободрилась, потрогала спрятанную в потайной карман косметичку и вышла на своей остановке.

* * *

Калерия Эдуардовна аккуратно, стараясь не помять поля, сняла шляпу, повесила на плечики пальто, по неистребимой привычке переобулась в тапочки, прошла в комнату, достала из сверкающего хрусталем серванта бутылку армянского конька, налила себе полную рюмку и выпила.

По щекам ее поползли грязные дорожки слез.

Здесь, у себя дома, она могла себе это позволить.

Калерия Эдуардовна оплакивала не беспутного мужа Аркадия - с ним она разошлась достаточно давно, да и никогда особенно его не любила. Она оплакивала даже не своего двоюродного братца Мишу, известного в определенных кругах как Кабаныч. Мишу, конечно, было жалко, но не до такой степени, чтобы пускать слезу, тем более что встречи их, вследствие специфики Мишиных занятий, были нечастыми.

Плакала Калерия, как обычно плачет любая женщина, о собственной жизни, пролетевшей так быстро и оставившей после себя только горечь.

Калерия Эдуардовна налила еще одну рюмку и сказала себе:

- Жизнь не удалась!

Единственным, кого она действительно любила, был ее отец, Эдуард Вахтангович, великий человек.

Так говорили все его друзья, собираясь в их небольшой, но прекрасно обставленной и уютной квартире по самым разным поводам.

«Выпьем за этого великого человека!» - обязательно говорил кто-нибудь из друзей.

Эдуард Вахтангович был директором гастронома.

Не самого крупного в городе, не самого известного.

«Не нужно выделяться, - говорил он часто, - не нужно быть на виду. Властям понадобится козел отпущения, и они выберут того, кто слишком выделяется. Надо быть скромнее».

Еще он часто говорил: «Мне не нужна скандальная известность!»

И у него не было скандальной известности, но в определенных кругах, очень узких, но очень влиятельных, Эдуарда Вахтанговича хорошо знали. И очень уважали.

Многие теньевые дельцы тех времен ссылались на него как на высочайшего эксперта:

«Эдуард Вахтангович считает, что с рыбой сейчас лучше не связываться».

И те, кто прислушался своевременно к этому совету, через несколько месяцев тихо радовались, потому что те, кто связался с рыбой, собирали маленькие чемоданчики и отправлялись в «места, не столь отдаленные».

Еще Эдуард Вахтангович любил повторять фразу, услышанную когда-то от старого киноактера второго плана: «Главное правило – держаться подальше от камеры и поближе к кассе».

В устах Эдуарда Вахтанговича слово «камера» приобретало совсем другой смысл, чем в устах артиста: зловещий и роковой.

Но благодаря уму и дальновидности жизнь Эдуарда Вахтанговича прошла именно так – подальше от камеры, поближе к кассе.

Он был очень полезным человеком, и поэтому у него было множество друзей. Он любил красивую жизнь, красивые вещи, но осторожность диктовала свои законы. Он жил с женой и дочерью всего лишь в трехкомнатной квартире, потому что боялся привлекать к себе внимание. И дача у него была небольшой и очень скромной, не идущей ни в какое сравнение с особняками нового времени.

Правда, скромная снаружи дача внутри была отделана и обставлена весьма комфортабельно и уютно; правда, небольшая квартира поражала неподготовленного человека своей удивительной по тем временам обстановкой.

Эдуард Вахтангович говорил, что снаружи его дом могут видеть завистливые глаза соседей, а изнутри – только добрые глаза друзей, и поэтому не жалел денег на убранство своего жилища.

Особенно любил он пышный и воздушный саксонский фарфор и собирал где только можно мейсенские безделушки. Многочисленные друзья Эдуарда Вахтанговича знали, что никакой подарок не доставит ему такого удовольствия, как немецкая статуэтка, и приносили их к каждому празднику.

А праздники он любил и умел их устраивать. За столом у него собирались нужные деловые люди, но нередко появлялись и известные артисты, журналисты, певцы.

Лерочка росла в интересном, ярком окружении.

Она была единственным и любимым ребенком в семье, и будущая жизнь рисовалась ей сплошным праздником, который сумеет создать для нее дорогой папочка.

Неподалеку от Эдуарда Вахтанговича мелькала кривая волчья ухмылка двоюродного брата Миши.

Миша посматривал на дядю Эдика с большим уважением и старался усваивать его житейскую мудрость.

Позже, после смерти Эдуарда Вахтанговича, он говорил Лерочке, что многим обязан ее отцу, что благодаря его советам самому Мише тоже, за редкими исключениями, удалось прожить «подальше от камеры, поближе к кассе», несмотря на трудный и опасный характер выбранной им работы.

Да не только это: Эдуард Вахтангович познакомил молодого, перспективного родственника с

нужными людьми, заложив тем самым основы его будущего могущества.

Миша, как и многие его коллеги по уголовному миру, высоко ценил родственные отношения и не раз говорил Калерии, что она всегда может на него рассчитывать.

Однажды она действительно к нему обратилась.

С Загряжским они встретились случайно – на дне рождения школьной подруги. Опытный ловелас положил глаз на свеженькую кареглазую Леру, а узнав, чья она дочь, загорелся всерьез. Влюбить ее в себя Аркадию не составило труда.

Совместная жизнь обоих очень разочаровала. Аркадий Ильич, хотя и хорошо по тем временам зарабатывал и делал неплохую карьеру, никакими силами не мог создать Калерии тот комфорт, ту райскую жизнь, к какой она привыкла в отчем доме. Кроме того, почти сразу после свадьбы Лера начала наткаться на следы его бесчисленных измен.

Естественно, характер ее испортился, причем до такой степени, что иногда она сама пугалась накатывающей внезапно ярости.

Примерно тогда муж стал называть ее «Моя Калера», произнося это так, что отчетливо слышалось «холера».

Калерия Эдуардовна вспомнила этот этап своей семейной жизни, и от злости глаза ее мгновенно высохли.

Она вытерла глаза кружевным платочком, брезгливо посмотрела на пятна смазанной туши, но не пошла умываться, а налила себе еще одну рюмку коньяку.

Конечно, это был уже перебор, но сегодня можно было наплевать на чувство меры.

Завтра нужно будет идти к нотариусу, придется привести себя в приличный вид, а сегодня можно не думать о внешности. Сегодня – вечер воспоминаний.

Калерия вспомнила, какой невыносимой стала их жизнь с Аркадием, тогда она наконец решила вернуться к отцу.

Как ни странно, это решение успокоило и ее, и мужа, они разошлись достаточно мирно. Единственное, о чем просил ее Аркадий, – не подавать на развод, потому что в тот момент у него решался вопрос о служебном повышении, и развод мог помешать.

Калерия настаивала: официальный статус замужней женщины ее вполне устраивал. Имущественных претензий к Загряжскому она тоже не предъявляла: по сравнению с отцом муж казался ей нищим, что с него возьмешь.

Однако возвращение в отчий дом было не таким радостным, как это рисовалось ей в мечтах. Время изменилось, и житейская мудрость, которая была хороша в прежних условиях, в мутной воде перестройки оказалась устаревшей.

Эдуард Вахтангович был по-стариковски слишком осторожен, не любил и не умел рисковать и поэтому опаздывал с принятием важных решений, не успевал, как говорится, вскочить на последнюю подножку.

Друзей у него поубавилось, праздники в их доме стали редкими. Да и сам дом по меркам

нового времени выглядел бедновато.

В какой-то степени Эдуард Вахтангович сохранил вес в своих кругах благодаря родственным связям с Кабанычем, вошедшим в полную силу, но, даже несмотря на такого родственника, новые люди постепенно оттирали матерого старика от кормушки, а часто просто перешагивали через него, вообще не замечая.

Такое положение дел не могло не сказаться на его здоровье, и однажды утром Калерия, не дождавшись отца к завтраку, вошла в его спальню и увидела на подушке неопрятно посиневшее лицо с удивленно открытыми мертвыми глазами.

Похороны прошли довольно незаметно, старика уже не помнил никто из значительных людей, и Калерия шла за гробом по дорожке Смоленского кладбища под руку с Мишей, срочно примчавшимся из Тамбова, где он проводил крайне важную операцию.

Она похоронила отца рядом с матерью, которая умерла пятью годами раньше, тихо и скромно, как делала все в жизни.

Оплатив похороны и заказав приличный, но не выдающийся надгробный памятник, Калерия подвела итог оставшимся после отца средствам и была крайне разочарована.

Деньги, еще недавно казавшиеся значительными, теперь выглядели несерьезно; материнские драгоценности в новых условиях стали просто жалкими побрякушками, квартира и дача, из осторожности небольшие, конечно, годились для жизни, но стоили недорого.

Оставалась отцовская коллекция фарфора, но, когда Калерия пригласила полузнакомого эксперта, он долго мялся, морщился, оттопыривал толстую нижнюю губу и сказал наконец, что половина коллекции – поддельная, в особенности все то, что дарили друзья и знакомые, а остальная часть, хотя и мейсен, не самого интересного периода. Кое-что стоит денег, но далеко не таких, на которые Калерия Эдуардовна рассчитывала.

Впрочем, и таким деньгам она теперь была рада.

Потребности пришлось изрядно сократить.

Калерия задумалась о своей жизни. Может быть, официально развестись с Загряжским и найти нового мужа? Но она мало интересовалась мужчинами, и те отвечали ей взаимностью. Еще пока она была молода, а отец богат, на нее посматривали с интересом, а сейчас... она как-то незаметно постарела и потускнела, характер имела достаточно стержневой, отцовские богатства растаяли как дым... короче, жизнь не удалась...

В таком растерянном пессимизме она прожила еще некоторое время, понемногу продавая отцовский фарфор, как вдруг на горизонте снова возник Аркадий.

Он позвонил, предложил встретиться. Прежние обиды несколько зарубцевались, заросли бурьяном лет, и Калерия согласилась.

Он назначил ей свидание в очень дорогом, модном нынче ресторане. Калерия Эдуардовна провела полдня в салоне красоты, почистила перышки и надела самое свое дорогое платье, стараясь не ударить в грязь лицом перед бывшим мужем.

Мерзавец выглядел отменно. Серые виски и приобретенная солидность только красили его, глаза были все такие же наглые, запах дорогого одеколona довершал облик.

Ресторан находился в центре города в небольшом тихом переулке, а внутреннее его убранство было взято из театрального реквизита к пьесам Шекспира либо же из «Сцен рыцарских времен».

У входа в небольшой и, как ни странно, уютный зал стояли рыцарские доспехи, по стенам развешаны охотничьи трофеи – олени и кабаньи головы, а также всевозможные мечи и кинжалы. В камине горел живой огонь, и при появлении каждого посетителя официант подбрасывал новое полено.

Сами официанты были одеты в стилизованную форму средневековых слуг: что-то вроде малинового камзола и такого же цвета обтягивающие узкие штаны – кюлоты, только вместо длинноносых средневековых башмаков на всех были обычные ботинки.

Назывался ресторан «Львиное сердце», что вызывало несколько двусмысленные ассоциации, и Калерия Эдуардовна на всякий случай решила не заказывать никакого мясного блюда.

- Что тебе от меня нужно? – прямо спросила Калерия мужа в ответ на его явно неискренний комплимент.

- Ну почему, Калерочка, ты не допускаешь, что я просто хотел тебя увидеть? Ведь мы с тобой, как ни крути, муж и жена!

Калерия вспомнила ночные скандалы, следы чужой помады, запах чужих духов и твердо сказала:

- Дорогой, не пытайся меня охмурить. Говори прямо: что тебе нужно? Может быть, мы и сумеем договориться!

Официант принес бутылку красного бордо, откупорил ее и разлил по бокалам. Загрязский поднял свой бокал, покрутил его, глядя, как вино играет в отблесках огня, притушил профессиональный масляный блеск глаз и сказал:

- Познакомь меня с Михаилом!

- С каким Михаилом? – спросила Калерия, чтобы выиграть время, пряча глаза и комкая в пальцах бумажную салфетку.

- Ты знаешь. С твоим двоюродным братом. С Кабанычем.

Калерия залпом выпила полный бокал вина, подняла на своего законного мужа полные застарелой неприязни глаза и спросила:

- Зачем?

- А вот этого, дорогая, я не могу тебе сказать.

Он был внешне спокоен, но Калерия Эдуардовна прожила с ним не один год. Она сразу почувствовала, что дело важное, ему просто необходимо, чтобы именно сейчас она свела его с Михаилом.

- Как хочешь. – Калерия сделала вид, что встает из-за стола.

- Подожди. – Интонация Загрязского стала просительной, и это порадовало Калерию Эдуардовну. – Подожди. Я хочу предложить ему сделку... очень выгодную сделку, очень

крупную. Пожалуйста, устрой нашу встречу. Я могу и сам попытаться выйти на него, но тогда разговор будет не таким доверительным...

Официант принес закуски. Калерия сделала над собой усилие и молчала, пока парень суетился перед столом, расставляя тарелки.

- Да он с тобой вообще говорить не захочет! - произнесла она, окинув мужа презрительным взглядом. - Он помнит, как ты со мной обошелся!

- Калерочка, не будем ворошить прошлое! - Загряжский положил ладонь на ее руку, посмотрел в глаза с хорошо отработанным лиризмом.

Не выпей она бокала вина, могла бы сорваться и бросить в него тарелкой. Теперь же Калерия Эдуардовна с удивлением почувствовала, что ласка ей приятна. Она мигом взяла себя в руки: больше ни капли спиртного, а то потеряешь над собой контроль, и мерзавец добьется всего, что ему нужно. Калерия вовсе не собиралась вот так, с бухты-барахты, выполнять его просьбу, не такие у них с мужем были отношения.

- Ладно, - Калерия вырвала руку, - я спрошу его, захочет ли он с тобой говорить. Встретимся через неделю.

Дальше ужин прошел в ничего не значащей беседе.

Эту неделю Калерия Эдуардовна посвятила частному расследованию. Она развила бурную деятельность, выяснила адреса и телефоны нескольких бывших сотрудниц Загряжского, нескольких жен его бывших сотрудников и бывших жен его теперешних сотрудников, двух его бывших секретарш, резонно рассудив, что бывшие жены и бывшие сотрудницы гораздо словоохотливее.

Она извела огромное количество французского парфюма и бельгийского шоколада, но выяснила в результате, что Загряжский владеет на пару с Посташевым частным конструкторским бюро, занимающимся разработками в области авиастроения, что он непричастен к торговле оружием, наркотиками, драгоценными и редкоземельными металлами, то есть к тем видам бизнеса, где участие Кабаныча кажется вполне естественным.

Оставалось предположить, что Аркадий хочет продать какую-то разработку своего конструкторского бюро на сторону и именно для этого ищет контакта с Михаилом, рассчитывая, ввиду как бы родственных с ним отношений, на посредничество и относительную безопасность.

Следующую встречу Загряжский назначил днем в дорогом и очень приличном кафе на Невском. В подвальчике было прохладно и пусто, что не мешало важным разговорам.

Калерия Эдуардовна снова тщательно продумала свой туалет и остановилась на кремовом легком пальто - погода позволяла. Под пальто она надела деловой костюм кофейного цвета, что шло к ее карим глазам. Придирчиво оглядев себя в зеркале, Калерия осталась довольно своим внешним видом, преисполнилась уверенности в собственных силах и отправилась на встречу. В кафе, сняв пальто и удовлетворенно поймав заинтересованный взгляд мужа (он понимал толк в женщинах и умел оценить вкус, а костюм и вправду очень подходил к глазам), Калерия Эдуардовна поставила локти на стол, тем самым как бы обозначив твердость своей позиции, и вместо предисловия решительно заявила:

- Десять процентов.

- Что - десять процентов? - удивленно переспросил Загряжский. - Десять процентов чего?

Он профессиональным взглядом скользнул по точеной фигурке молоденькой официантки. Девушка была хорошенькой и улыбнулась Аркадию от души.

Калерия Эдуардовна сжала зубы и отчеканила:

- Десять процентов прибыли от этой сделки.

- Михаилу? - оживился Аркадий.

- Мне, - отрезала Калерия, - за то, что сведу тебя с ним. В противном случае он с тобой и разговаривать не станет.

- Ты с ума сошла! - Холеное лицо Аркадия покрылось красными пятнами. - Ты даже не представляешь себе, о чем идет речь! О каких суммах! О каких людях! Десять процентов? Ха-ха! Да я сам вряд ли получу больше десяти процентов! Я не один на этой стороне, а еще сколько возьмет Михаил за посредничество и безопасность? А кто еще будет участвовать в цепочке? Нет, об этом не может быть и речи!

Девушка принесла две чашки и чайничек голубоватого фарфора. Загряжский махнул ей рукой, чтобы не мешала, и это порадовало Калерию.

- Хорошо, - она внимательно смотрела на Загряжского: кажется, его волнение было вполне натуральным, значит, расклад интересов действительно в общих чертах такой, как он говорит, - хорошо, пусть будет пять процентов, но это - последнее слово. Больше я не отступлю. Если согласишься - сведу тебя с Мишей, нет - можешь искать покупателя на свою разработку в другом месте. Только, думаю, в любом другом месте ты, скорее всего, найдешь пулю.

Калерия запустила пробный шар, упомянув о покупателе и разработке, и, судя по реакции Аркадия, попала в точку; в первую секунду ее слова не удивили Загряжского, а когда до него дошел смысл ситуации, он взглянул на жену с уважительным интересом: откуда, интересно, эта стерва Калера знает про разработку, когда она успела все это разнюхать?

- Ладно, - сказал он наконец, побарабанив длинными пальцами по столу, - пусть будет пять процентов. Это предел.

- И запомни, дорогой, - проворковала Калерия, развивая успех, - что это не тот случай, когда ты можешь пообещать наивной дурочке все, что угодно, рассчитывая впоследствии отвертеться от выполнения обещаний. Миша проследит, чтобы ты заплатил все до цента!

- Да уж знаю, - ответил Аркадий, неприязненно глядя на жену.

Он положил на стол деньги и вышел, сухо кивнув ей на прощание. Пирожное и чай остались нетронутыми.

Калерия Эдуардовна глубоко вздохнула и подозвала девушку:

- Принесите мне кофе покрепче! Умеет кто-нибудь в этом заведении варить настоящий кофе?

- Разумеется! - Девушка пожала плечами.

* * *

На этот раз Калерия Эдуардовна действительно встретила со своим двоюродным братом. Миша здорово растолстел, обрюзг, заматерел, от прежнего человека остался только кривой волчий оскал. Внимательно выслушав сестру, он задумался.

- Понимаю, почему он захотел поговорить именно со мной, - сказал он наконец, - у меня есть хороший выход на очень богатых японцев. Я веду с ними дела по цветным металлам... Интересно только, откуда твой благоверный это пронюхал. Ну, что же, если у него действительно что-то есть - почему бы на этом не заработать? Как говорил твой покойный папа, дядя Эдик, умнейший человек: надо брать все деньги, которые удастся взять без риска для жизни... Ну, насчет риска - это была дань тому осторожному времени, сейчас без риска ни шиша не возьмешь. Ладно, Лера, поговорю с твоим муженьком. Ты не волнуйся, - он посмотрел на Калерию неожиданно теплым взглядом, - я тебе из этой сделки отстегну, тебе после дядиной смерти нелегко придется, а я обещал ему за тобой присматривать.

Калерия Эдуардовна позвонила Загряжскому и назначила новое свидание, чтобы сообщить о согласии Михаила и договориться о деталях будущей встречи.

Даже по телефону было понятно, что у него гора свалилась с плеч, так нужна была ему встреча с Кабанычем.

Но еще до того, как она встретила с Аркадием, ей позвонила одна из новых знакомых, та самая словоохотливая секретарша, которую Калерия подкармливала бельгийским шоколадом, и сообщила о внезапной смерти Посташева. Калерия выслушала, поблагодарила и задумалась.

«А ведь это он, благоверный мой, постарался, - осознала она абсолютно отчетливо, - чтобы не делиться с компаньоном... Может быть, еще и то сыграло роль, что я запросила свой процент, ему совсем мало показалось того, что остается...»

Так или иначе, она продумала новую линию поведения.

На этот раз встреча была назначена в бистро «Калинка», и Калерия Эдуардовна, следуя этой линии поведения, оделась нарочито бедно и небрежно - ношенный-переносный костюмчик немаркого серого цвета и белая блузочка с отложным воротничком. Макияж соответствовал туалету.

Увидев Аркадия, Калерия подняла на него полные слез глаза и простонала:

- Это ужасно! Это так ужасно! Я не спала всю ночь!

- О чем ты? - удивленно спросил Загряжский, резонно ожидая от своей жены неприятных сюрпризов.

Он вообще выглядел неважно - беспокойно блестели глаза на осунувшемся лице.

- О смерти Посташева! - трагически модулируя голос, ответила Калерия.

- Да ты его и знать не знала! - Аркадий усмехнулся. - Откуда вдруг такое море эмоций?

- Дело не в том, знала я его или не знала, - горячо заговорила Калерия, - дело в том, что я ни на секунду не верю в его естественную смерть! Это наверняка убийство!

- Перестань, - поморщился Аркадий, слегка отшатнувшись от жены, - никаких сомнений, самый обыкновенный инфаркт.

- Не скажи! - Калерия энергично замотала головой. - Профессионалы так умеют обставить убийство, что от естественной смерти не отличишь! Нет, это безусловно, и убили его ваши конкуренты. Почему я так и расстроилась! Если они убили его - они могут убить и тебя.

- Ну, спасибо, утешила. Неужели это тебя так расстроит? - недоверчиво усмехнулся Аркадий. - Мне кажется, нет у нас с тобой горячих симпатий.

- Ну что ты, дорогой. - Калерия постаралась изобразить взглядом и голосом теплоту, но это вышло у нее не слишком натурально, - это меня очень расстроит! Но дело не только в этом, - она заговорила наконец с сухой и деловой интонацией. - Ты подумал о том, что будет, если, не дай бог, тебя тоже убьют?

Ведь тогда сделка, о которой ты хочешь разговаривать с Михаилом, сорвется! И я, дорогой мой, не получу причитающихся мне процентов.

- Ах, вот в чем дело? - Аркадий повысил голос и взглянул на жену с сарказмом. - Теперь я тебя узнаю!

Вот теперь это ты, моя Калера! А то - всю ночь не спала, полные слез глаза... нет, Калерочка, в тебе пропала актриса! Но между нами, родственниками, говоря - не очень хорошая.

- Хватит ерничать! - резко прервала его Калерия и тут же заговорила серьезно:

- Выслушай меня, Аркадий. Мы с тобой не виделись много лет, и к кому ты пришел, когда тебе понадобилась помощь? Ко мне.

Знаю, ты скажешь, что пришел ко мне из-за Михаила.

Но тем не менее факт остается фактом: в трудную минуту ты обратился ко мне. В глубине души ты знаешь, что я всегда протяну тебе руку помощи и никогда не предаю.

Аркадий Ильич был твердо уверен, что Калерия не только никогда не протянет ему руку помощи, но даже и не задумается оттолкнуть его протянутую руку, а будет он на ее глазах падать в пропасть, она еще и подтолкнет его пинком в зад. Но сейчас он решил не обострять отношений.

- И что же, моя дорогая, ты предлагаешь? Отдать тебе все прямо сейчас?

- Нет, ну зачем же так! - Калерия Эдуардовна закатила свои карие глаза и сладко потянулась. - Конечно, это было бы очень благородно с твоей стороны и послужило бы только скромной компенсацией за мою загубленную жизнь, но я ставлю перед собой только реальные задачи и не переоцениваю твое благородство. Ты просто должен сделать такие распоряжения, чтобы в случае твоей смерти предмет сделки передали мне.

- Ну, дорогая, ты даешь! - Загряжский просто позеленел от злости. - Твоя наглость переходит всякие границы! Да я в таком случае двух минут не проживу!

Зная твой чудный характер...

- Повеселился, и хватит! - оборвала мужа Калерия. - То, что я тебе сказала, - это обязательное условие. Его выставил Михаил. Не будет распоряжения на случай твоей смерти - не будет и сделки. Деньги будут задействованы огромные, Михаил поставит на карту очень много. Если сделка сорвется - ему этого не простят. Он должен быть уверен в том, что при любом повороте

событий получит твои материалы.

А то, что ты меня боишься, – лестно, конечно, но совершенно зря. Я убийство собственного мужа на душу не возьму. – Она окинула Аркадия презрительным взглядом и добавила:

– Даже такого мерзавца, как ты.

Кроме того, я первой окажусь у прокуратуры на подозрении, а мне это совершенно не нужно.

– А братец твой уголовный?

– Мише это тоже не нужно. В этой сделке будут участвовать иностранцы, поэтому он постарается соблюсти максимум приличий. Ему гораздо удобнее, чтобы в качестве продавца выступал ты, с твоими званиями и должностями... Короче, если хочешь, чтобы Михаил организовал сделку, – соглашайся.

– Хорошо, – помолчав некоторое время, сказал Загряжский, – похоже, вы прижали меня к стенке.

Вас устроит, если я помещу все материалы в достаточно надежное место и оставлю у нотариуса письмо, в котором опишу, как это место найти?

– Устроит, – подумав, ответила Калерия голосом подозрительного таможенника, разговаривающего с закоренелым контрабандистом, – только ты должен в моем присутствии оставить этому нотариусу распоряжение передать мне это письмо в случае твоей смерти.

– Ладно, – простонал Загряжский, – а веревку намылить не надо? В общем, это все, чего ты хочешь?

– Все, – коротко ответила Калерия Эдуардовна.

Загряжский издал не то стон, не то вздох и откланялся.

На следующий день они встретились с Аркадием в приемной нотариуса.

– Ты не находишь, дорогая, – ехидно спросил Загряжский у своей жены, – что в последнее время мы с тобой встречаемся едва ли не чаще, чем в годы совместной жизни?

– Что же делать, – ответила Калерия с тяжелым вздохом, – за все приходится платить.

Нотариус пригласил Загряжских в свой кабинет.

Аркадий Ильич передал ему запечатанный конверт и письменное распоряжение вручить этот конверт в случае смерти завещателя его жене. Калерии Эдуардовне Загряжской.

А через три дня в китайском ресторане прогремели автоматные очереди.

–..Жизнь не удалась! – снова сказала Калерия своему отражению в зеркале.

В одночасье она лишилась и мужа, и брата. Но существовала призрачная надежда разбогатеть. Если получить в свои руки разработку... главное – иметь ее в руках, а там уж Калерия придумает, как обратить ее в деньги.

* * *

Дома Надежду встретил только кот Бейсик. Хотя как раз не встретил – не выбежал из комнаты на звук открываемой двери, не терся об ноги и не играл развязавшимся пояском от плаща. Надежда слегка забеспокоилась, разделась и прошла в комнату.

Кот сладко спал на диване, раскинувшись во всю ширь и показывая Надежде пушистое пузо цвета топленого молока. Надежда присела рядом. Кот не шевельнулся.

- Между прочим, – сказала Надежда, – я вернулась из больницы. Меня не было дома целых три недели, а ты хоть бы из вежливости проявил капельку внимания!

Кот нехотя перевернулся на живот и приоткрыл один глаз.

- Бейсик, я рассержусь! – пригрозила Надежда.

Кот раскрыл оба глаза и вытаращился на нее.

«Кто это? – говорил его взгляд. – Кто эта женщина, по-хозяйски расположившаяся на моем диване?»

Она шлялась где-то почти месяц, бросив единственного кота на произвол судьбы, и теперь явилась как ни в чем не бывало и требует ласковой встречи! Ты, должно быть, забыла, что я не глупая болонка, которая бежит к двери на каждый звонок и виляет хвостом первому встречному...»

За без малого десять лет, которые рыжий разбойник прожил в ее квартире, Надежда научилась читать его мысли.

- Ах, вот как? Ты, стало быть, не желаешь со мной знаться? Ну и ладно!

Надежда обиделась на рыжего эгоиста и обошла квартиру, придирчиво осматривая ее. В квартире царил относительный порядок, в чем Надежда и не сомневалась, зная аккуратность мужа. Пыли почти не было – так, кое где по углам. Это означало, что Сан Саныч пылесосил комнату в предыдущее воскресенье, позже это сделать у него не было времени.

Муж Надежды очень много работал. Кроме основной работы – чтения лекций в институте, он не брезговал многочисленными халтурами – наладить капризничавший компьютер, к примеру, вставить хитроумный замок или провести в какой-нибудь фирме инфракрасную сигнализацию. Сан Саныч имел способности, которым завидовали все его друзья, а главное – жены друзей, он равно умел работать как руками, так и головой.

А ведь нужно еще было ухаживать за котом, содержать квартиру в порядке и навещать Надежду в больнице. Нет, Надежде Николаевне достался в мужья не человек, а чистое золото!

Надежда приняла душ, чтобы выветрить больничные запахи, сунула, не разбирая, всю принесенную с собой из больницы одежду в стиральную машину и только тогда позвонила мужу на работу. Против ее ожиданий, он не стал ругаться, что она вырвалась домой раньше времени, очень обрадовался и сказал, что вернется сегодня пораньше – не в десять вечера, как обычно, а в полвосьмого. Соскучился, поняла Надежда, и рассчитывает на праздничный ужин.

Холодильник был набит полуфабрикатами и банками кошачьего корма. Из овощей там присутствовала только замороженная стручковая фасоль в большом количестве, и Надежда тотчас поняла, почему.

Некоторое время назад Сан Саныч вычитал в журнале «Ваш любимец», что в корм для котом нужно обязательно добавлять овощи, одно мясо вредно. Из овощей предпочтительны морковь и стручковая фасоль.

Надежда заглянула в кастрюльку, что стояла в холодильнике. Так и есть, вареная фасоль для кота. Значит, муж питался пельменями, а коту предоставлял полноценное питание. Надежда только вздохнула: она и раньше знала о неумеренной любви своего мужа к рыжему представителю семейства кошачьих.

Снизу послышалось громкое «мурм-м!», и по ноге мягко скользнул пушистый хвост – это кот притащился на кухню, привлеченный звуком открываемого холодильника..

- Как бы не так! – злорадно произнесла она. – Раз ты оказал мне такой прием, то ничего не дождешься.

Жди своего хозяина.

Бейсик по ее голосу понял, что номер не пройдет, не стал унижаться и выпрашивать еду, он отвернулся и выплыл из кухни, держа хвост строго перпендикулярно полу.

Надежда перебрала полуфабрикаты в морозилке, перешерстила кухонный шкаф и решила, что сегодня не пойдет в магазин: волосы еще мокрые, да и нога что-то разболелась. Котлеты из индейки, если как следует их прожарить, вполне могут сойти за приличное блюдо. К ним – жареный картофель, вот пакет замороженного тут же, в холодильнике, а в качестве салата можно открыть банку маминых маринованных овощей – Сан Саныч любит остренькое.

Было четыре часа дня. Приготовлением ужина заниматься рано – что там готовить-то. Надежда вымыла раковину, вычистила плиту и, слегка утомившись, так как отвыкла в больнице от домашней работы, присела в комнате на кресло рядом с телефоном. Все время, пока она орудовала на кухне, голову сверлила неотвязная мысль.

Вскользь брошенные слова Татьяны о подслушанном разговоре между женой Загряжского и его матерью показались Надежде не заслуживающими внимания. Но теперь, хорошенько подумав, она решила прислушаться к голосу своей интуиции. Интуиция же говорила Надежде, что в их с Татьяной положении нельзя пренебрегать ничем. В самом деле, если жена Загряжского утверждала, что покойный муж оставил ей в завещании что-то, то не могло ли это быть хотя бы информацией о разработке? Ведь куда-то он эту разработку запрятал! Да так, что никто, даже те, кто следили за ним, и, надо думать, весьма профессионально, до сих пор не нашли ее.

«А мы должны найти! – упрямо подумала Надежда. – Причем только сами – я и Татьяна. Потому что, если мы укажем след этому типу из органов, он присвоит себе все заслуги. Знаю я их, сами сели в лужу, а чужими руками жар загребать всегда готовы. Нет уж, мы найдем разработку, да еще поторгнемся, чтобы они отстали от Павла с Татьяной навсегда».

Подбодрив себя таким образом, Надежда Николаевна бодро открыла телефонный справочник, решив плотно повиснуть на телефоне и выяснить адрес нотариальной конторы, где принимает нотариус Пузанков Евгений Алексеевич.

Однако, когда она открыла страницу «Нотариальные конторы», то поняла, что отыскать нотариуса будет нелегко. В городе оказалась жуткая прорва нотариальных контор, – Надежда насчитала шестьсот тридцать две штуки. Разумеется, если вычесть нотариальные конторы, которые находятся в Купчине, Сосновой Поляне и на озере Долгом – что-то подсказывало

Надежде Николаевне, что покойный Загряжский не стал бы тащиться в такую даль, – то получится меньше, но ненамного.

– Вот расплодилось нотариусов-то! – вздохнула Надежда. – Но делать нечего, приступим.

Следующие тридцать минут прошли в непрерывных звонках. Хорошо, что телефон у Надежды был кнопочный, потому что диск просто отвалился бы – так яростно она его крутила. Ей отвечали вежливо и не очень, голоса были мужские и женские, молодые и старые, но суть ответа была одна: в данной конторе нет нотариуса Пузанкова.

Когда прошло еще десять минут, Надежда подсчитала потери. В активе было шестнадцать опрошенных контор, в пассиве – сорванный голос и нервное состояние. Положительного результата никакого.

В среднем получалось две с половиной минуты на контору.

«Значит, шестьсот, ну пускай пятьсот, нужно рассчитывать на лучшее, пятьсот контор умножить на две с половиной минуты... получается приблизительно двадцать часов. Конечно, возможно, мне повезет и я натолкнусь на Пузанкова буквально в следующий раз, но это вряд ли. Даже если я выдержу и не сорву голос, у меня просто не хватит времени, потому что конторы закроются часам к семи уж точно, а то и раньше. А на завтра к двенадцати нужно быть у нотариуса. Нет, следует срочно изобрести другой способ, как добраться до этого неуловимого Пузанкова».

Надежда Николаевна недаром слыла среди своих знакомых женщиной сообразительной, которая может найти выход из любой ситуации. Так и сейчас – она быстренько пораскинула мозгами и вспомнила о своем давнишнем приятеле Вадиме Шиманском.

Шиманский был адвокатом, и довольно хорошим.

Надежда же познакомилась с ним давно – боже упаси, не по каким-то уголовным делам, а через общих знакомых. Вадим Вадимович очень хорошо относился к семье Лебедевых вовсе не из-за Надежды. Ее-то он как раз недолюбливал за неугомонный характер. Но Сан Саныч неоднократно чинил ему компьютер, и благодарность Шиманского была безграничной. Поэтому Надежда Николаевна сочла возможным обратиться к нему с мелкой просьбой.

Шиманский был дома и сразу же взял трубку. Разумеется, у него были всевозможные юридические справочники, а также поименный список всех нотариусов, практикующих в Санкт-Петербурге.

– Должен вас разочаровать, Надежда Николаевна, – после непродолжительного шуршания послышался голос Вадима Вадимовича, – в нашем городе нет нотариуса Пузанкова.

– Это точно? – заволновалась Надежда. – Вы хорошо посмотрели?

– За кого вы меня принимаете, – обиделся Шиманский. – Половинкина Юлия Фаддеевна, а потом сразу Пулярко, нет никакого Пузанкова.

– Этого не может быть, – тихонько проговорила Надежда, прикрыв рукой трубку, – нотариус Пузанков Евгений Алексеевич... Пузанков...

– Так что простите великодушно, ничем не могу помочь, нету никакого Пузанкова...

- Стойте, Вадим Вадимович! - закричала Надежда, которую внезапно осенило, - проверьте еще Казанкова! Нотариус Казанков Евгений Алексеевич!

- Что это за шутки, Надежда Николаевна! - В голосе адвоката послышалась профессиональная подозрительность. - Вы говорили, что у нотариуса Пузанкова хранится завещание покойного дяди вашей близкой подруги...

- Ну да, - вставила Надежда.

- А теперь оказывается, что вы даже толком не знаете, как зовут нотариуса.

- Моя подруга очень рассеянна, она все путает, - пробормотала Надежда, - Вадим Вадимович, я вас умоляю, проверьте Казанкова!

- Есть, - сухо произнес Шиманский через некоторое время, - нотариус Казанков Евгений Алексеевич...

Он продиктовал адрес нотариальной конторы. Надежда произнесла слова благодарности и поскорее повесила трубку.

«Я молодец!» - сказала она своему отражению в зеркале и услышала, как в замке поворачивается ключ.

Пришлось выбросить из головы все посторонние мысли и сосредоточиться на семейном счастье.

* * *

С Татьяной удалось поговорить только утром, когда муж ушел на работу. Причем утро началось для Надежды Николаевны с важного сообщения.

В новостях по телевизору, который она включила совершенно машинально, занимаясь уборкой, шел криминальный обзор предыдущего дня, и Надежда увидела знакомое помещение склада на набережной Обводного канала.

- Сегодня ночью в здании прогремел взрыв, - раздавался голос за кадром. - Как удалось выяснить, жертва взрыва только одна - представитель криминальной группировки Георгий Мирзоян. Мирзоян являлся заместителем убитого недавно в китайском ресторане авторитета по кличке Кабаныч. Учитывая позавчерашнюю разборку в казино «Какаду», в которой участвовал Мирзоян и члены преступной группировки Кабаныча, можно с уверенностью утверждать, что в городе снова начался передел сфер влияния.

«И ничего подобного, - подумала Надежда, - то есть, конечно, в казино разборки были, не спорю. Но Жору Духа взорвала Алиса, недаром она так усмехнулась в ту ночь. Оставила, видать, ему подарочек».

- Что ж, - сказала Надежда вслух, - нехорошо радоваться смерти ближнего, но теперь я смогу хоть не думать о бандитах. С этой стороны мне ничто не грозит, потому что Стручок не знает, кто я такая, да и вообще ему никто не поверит.

Окрыленная, она набрала номер Татьяны.

- Слушай, я собираюсь навеститься к нотариусу.

- Вот как? - протянула Татьяна. - И ты знаешь, по какому адресу?
- Представь себе, знаю! Хотя, как оказалось, фамилия нотариуса Казанков, а вовсе не Пузанков! Тоже мне, подслушать правильно не могла!

Татьяна пристыженно молчала, потом неуверенно сказала:

- У меня вообще-то дела...
- Слушай, ты хочешь избавиться от опеки своего фээсбэшника? - вскипела Надежда.
- Естественно, хочу!
- Тогда мы не должны пренебрегать никакой малостью. У меня такой принцип: идти до конца! Вдруг повезет, и мы узнаем у нотариуса что-то важное?
- И каким образом мы...
- Я уже все продумала, - перебила Надежда. - Время дорого, встречаемся без пятнадцати двенадцать прямо у конторы. И вот что, меня-то никто не узнает, а тебя видели на похоронах, так что - парик у тебя есть?
- Никогда не носила! - резко ответила Татьяна.
- Тогда платком голову повяжи. И макияж поярче сделай! И пальто другое надень!
- Сделаем!

* * *

Надежда не замечала Татьяну, пока какая-то женщина в черном пальто не окликнула ее сама. Волосы были полностью закрыты темным шелковым шарфом, глаза так сильно накрашены, что казались темными. Сама Надежда тоже сегодня сделала макияж поярче и помаду выбрала соответствующую, но до вишневых губ Татьяны ей было далеко.

- Ну и ну! - поразилась она. - Совершенно другой человек передо мной!
- Паша даже заревновал немножко - куда это я иду в таком виде! - рассмеялась Татьяна.
- Все отлично, никто тебя не распознает, вот только голос... Знаешь, ты на всякий случай молчи, - распорядилась Надежда, - я сама буду говорить. Только ничему не удивляйся.

Татьяна лишь пожала плечами.

* * *

В приемной нотариуса Казанкова былолюдно.

В одном углу сидели двое испуганных мужчин средних лет, по аккуратному, но несколько потертому виду которых, а также по той испуганной серьезности, с какой они передавали друг другу разноцветные официальные документы на гербовой бумаге, можно было понять, что эти двое измученных полунищенским существованием наемных работников сложили все накопленные за долгую жизнь копейки и собрались открыть свой первый самостоятельный бизнес, который намерены вести честно и законопослушно, и что они разорятся через год, так

и не научившись давать взятки санитарным врачам, пожарникам и налоговым инспекторам и не сумев постичь ту высшую математику, по которой, получив пять рублей дохода, приходится платить сто тысяч налога и все равно оставаться злостным недоимщиком.

В другом углу приемной двое мордатых парней обхаживали субтильную старушку с поджатыми губами, в кокетливо сдвинутом набок малиновом бархатном берете.

- Варвара Лукинишна! - обиженным басом, со слезой в голосе восклицал один из мордovorотов. - Мы же с вами обо всем договорились! Вы оформляете дарственную на свою квартиру фирме «Аллигатор» и получаете взамен нашу пожизненную преданность и сыновнее обожание. По-моему, все предельно ясно и абсолютно честно!

- Да, - капризно пискнула старушка, - но ведь мне главное, чтобы заразе Люське ничего не досталось, а здесь про это не говорится!

- Варвара Лукинишна! - взвыл мордатый. - Мамаша! Но ведь здесь же ясно сказано, что вы дарите квартиру фирме «Аллигатор», а где тут Люська? Нету здесь никакой Люськи, значит, ни шиша она не получит!

- А все-таки я хочу, чтобы так и было сказано, что не получит, - канючила настырная бабка. - А то вы только так говорите, а я сколько раз слышала, что подпишет женщина бумагу, а после ее обманут. Так надо, значит, внимательно все проверить, убедиться - все ли как надо написано.

- Мамаша! - простонал измученный «Аллигатор». - Ну просто нет у меня больше сил! Ну ладно, давайте еще оформим такое дополнительное соглашение, что по особому пожеланию дарительницы фирма «Аллигатор» обязуется ни под каким видом ни шиша... тьфу! - ничего не передавать, не дарить и не переуступать невестке дарительницы Люське... тьфу! - Людмиле Васильевне Петушковой...

- Вот! - радостно пискнула дарительница. - Вот это будет то, что надо! Вот это - другое дело! А еще вот только, - она смущенно и просительно посмотрела на «Аллигатора», - нельзя ли так и написать - Люське? А то много ей чести - Людмилой Васильевной называть!

- Мамаша! - строго прикрикнул мордovorот. - Варвара Лукинишна! Это все-таки официальный документ, а не стенка в лифте! Здесь так не положено!

В центре приемной отдельной компактной группой, соблюдая тишину и сдержанный вооруженный нейтралитет, ожидали своей очереди родственники покойного Аркадия Ильича Загряжского: колоритная Калерия Эдуардовна с хорошо отрететированной скорбью на лице, интеллигентная старушка-мать в том же, что на похоронах, черном пальто, и племянница с мужем, не имеющая никаких материальных претензий и пришедшая в контору исключительно по просьбе матери покойного для оказания ей моральной поддержки. Сегодня на Калерии был темно-синий строгий костюм с длинной узкой юбкой - вроде бы и по делу, а все же напоминает траур. Шляпа тоже имелась - но не та, черная, размером с тележное колесо, какое кладут в деревне на крышу, чтобы аисты заметили и прилетели вить гнездо, нет, шляпа была аккуратная, с небольшими полями, под цвет костюма.

Дверь в комнату нотариуса была приоткрыта, оттуда доносились негромкие голоса.

Надежда и Татьяна вошли в приемную за несколько минут до двенадцати и, стараясь не привлекать к себе внимания, наскоро оценили обстановку. Оглядевшись, Надежда Николаевна, используя продуманную накануне домашнюю заготовку, схватила Татьяну за руку, приоткрыла пошире дверь и прошмыгнула в кабинет нотариуса.

Сам нотариус, представительный ширококостный мужчина с лицом старого непоколебимого потомственного рабочего из фильмов пятидесятых годов, восседал за широким столом, заканчивая плодотворную беседу с лысоватым жуликом кавказского вида.

За соседним небольшим столиком, на котором едва умещались компьютер и принтер, сидела помощница нотариуса, девушка настолько худенькая и миниатюрная, что ее без труда можно было бы пронести на борт корабля или самолета в кармане. К этой-то помощнице и устремилась Надежда, быстро и взволнованно тараторя:

- Девушка, вы ведь помощник нотариуса? Вы ведь, наверное, во всяких таких вопросах разбираетесь? Может быть, чтобы нам Евгения Алексеевича не загружать, вы нам сразу ответите?

В этот момент лысый жулик поднялся из-за стола, нотариус взглянул на часы, на ежедневник и сказал помощнице:

- Лена, пригласи Загряжских.

- Секундочку! - Лена профессионально улыбнулась Надежде, выглянула в приемную и объявила:

- Господа Загряжские! Попрошу вас пройти к нотариусу!

Родственники покойного Аркадия Ильича дружно прошествовали в кабинет, Лена вернулась за свой столик и снова улыбнулась Надежде Николаевне:

- Слушаю вас! Какой у вас вопрос?

Надежда, косясь краем глаза на Загряжских, рассаживающихся перед нотариусом, и стараясь не пропустить ни слова из их разговора, снова зачастила:

- Дело в том, что мы с подругой хотим открыть пирожковую, но муж подруги, - она кивнула на Татьяну, - не хочет дать ей доверенность на свою автомашину.

- Подруга - это вы? - спросила Лена Грибову.

Та энергично кивнула, но, помня наставления Надежды, не раскрыла рта.

- А при чем здесь автомашина? Какое отношение она имеет к вашей пирожковой? - Девушка добросовестно пыталась вникнуть в суть вопроса.

- Вы понимаете, - Надежда понизила голос и наклонилась к столу, одновременно стараясь не упустить ничего из происходящего возле стола нотариуса, - вы понимаете, моя подруга исключительно хорошо печет. У нее просто замечательный кулинарный талант. А ее муж не верит в ее способности и не соглашается переоформить на нее дачный кооператив...

- Так автомашину или кооператив? - Лена вжалась в спинку своего стула, не в силах понять, чего же хочет от нее многословная клиентка. - И при чем здесь пирожковая?

Нотариус Казанков тем временем, убедившись в том, что сидящие перед ним лица действительно являются родственниками покойного Аркадия Ильича Загряжского, приступил к оглашению завещания.

- Такого-то числа, находясь в здравом уме и твердой памяти... в присутствии... - читал Евгений

Алексеевич хорошо поставленным профессиональным голосом.

Надежда, подобно Юлию Цезарю пытавшаяся делать одновременно два дела, старалась не пропустить ни слова из завещания и в то же время тараторила:

- Как же вы говорите, что пирожковая ни при чем, если я вам объяснила, что у моей подруги настоящий кулинарный талант! Если бы вы попробовали ее пирожки, вы бы не говорили, что ни при чем! А ее муж совершенно не хочет пойти навстречу и не соглашается оформить договор страхования...

- Ка... какого еще страхования? - Бедная Лена уже начала заикаться, но все еще пыталась понять, чего же от нее хотят.

- Как это - какого? - возмутилась Надежда. - Естественно, страхования от несчастного случая!

- Не... несчастного случая? - переспросила Лена.

- Включая пожар и наводнение! - вбила Надежда следующий гвоздь.

Ей было жаль девушку, но дело есть дело.

Нотариус тем временем декламировал:

- Принадлежащую мне на правах собственности трехкомнатную квартиру по адресу... завещаю своей матери Анне Вячеславовне Загряжской... принадлежащую мне на правах собственности автомашину...

Надежда, чтобы сохранить завоеванные позиции и остаться в кабинете, снова наклонилась к окончательно растерянной Лене и спросила ее тоном Отелло в последнем акте одноименной трагедии:

- Так что же нам с подругой делать?

Лена, собрав волю в кулак, решительно сказала:

- Повторите еще раз, я не поняла.

Надежда набрала полную грудь воздуха и затараторила:

- Мы с подругой - вот с этой самой, с Татьяной - хотим открыть пирожковую...

Тем временем нотариус закончил читать завещание, отложил его в сторону и объявил:

- Кроме прочитанного сейчас в вашем присутствии завещания, покойный господин Загряжский оставил мне еще одно письменное распоряжение.

Евгений Алексеевич торжественно поднял следующий документ, показал его родственникам и тем же актерским голосом прочел:

- Поручаю передать в случае моей смерти прилагающийся к этому распоряжению запечатанный конверт моей жене Калерии Эдуардовне Загряжской.

Отложив в сторону распоряжение, нотариус торжественным жестом протянул Калерии Эдуардовне большой запечатанный конверт.

На лице Калерии отразилась минутная внутренняя борьба: с одной стороны, она хотела сохранить содержимое конверта в тайне и поэтому прижала его к груди, но, с другой стороны, ей хотелось как можно скорее узнать это содержимое, и ее пальцы сами собой тянулись разорвать конверт.

Наконец нетерпение победило осторожность, Калерия надорвала бумагу, вытащила из конверта белый листок и уставилась в него, стараясь прикрыть текст от посторонних глаз, как картежник прикрывает свои карты от соперников.

Помощница нотариуса Лена, пришедшая в себя, подозрительно уставилась на Надежду Николаевну, которая, забыв про все на свете, превратилась в слух и зрение, стараясь не упустить ничего из происходящего в комнате.

- Дама, - окликнула Лена Надежду Николаевну, - вы так и не закончили!

Надежда опомнилась и продолжила:

- Самое главное - это выкрасить стены пирожковой в красный цвет. Красный цвет очень усиливает аппетит. Вы знаете, одна моя знакомая выкрасила в красный цвет кухню, так у ее мужа и двоих сыновей стал такой ненормальный аппетит, что они теперь просто не могут войти ни в одну дверь! А ведь это очень вредно! Я ей всегда повторяю: «Марго, если тебе достался объект - это я имею в виду мужа, - если тебе достался объект, нужно его сохранять так, чтобы хватило надолго».

Надежда не выдумала из своего монолога ни слова, она слышала все это не так давно своими ушами и пришла в такое восхищение, что решила запомнить монолог и приводить время от времени как пример человеческой глупости.

Тут Надежда ощутила, как Татьяна схватила ее за руку и крепко сжала. Татьяна сделала это, чтобы удержаться от дикого приступа смеха. Надежда сделала страшные глаза, призывая ее к порядку.

Возле стола нотариуса тем временем происходило что-то вопиющее.

Калерия Эдуардовна дважды прочла напечатанный на листке текст. Глаза ее вылезли из орбит, она встала со стула и заревела, как паровозная труба:

- Мерзавец! Скотина! Прохвост!

- Это ты не о моем ли покойном сыне? - Старушка Анна Вячеславовна тоже вскочила, интеллигентность с нее как рукой сняло, она подбоченилась и пошла на невестку с явным намерением стащить с нее шляпку и вцепиться в прическу.

Белый листок, выпущенный Калерией Эдуардовной из рук, спланировал на колени крайне заинтересованной племянницы, и та, вцепившись в него, в радостном предчувствии разгорающегося скандала громко, на весь кабинет, прочитала:

- «Дорогая Калера!

Поищи как следует в моем служебном кабинете.

Если твоих куриных мозгов хватит на что-нибудь, кроме ревности и склок, ты, может быть, и догадаешься, где искать предмет твоего вождения. Я постарался оставить тебе кое-какие

намеки. Поскольку ты читаешь это письмо – мне, с одной стороны, не повезло, а с другой – уже нечего терять. С пламенным загробным приветом твой муж Аркадий».

Надежда замерла, не веря выпавшей удаче. Она впитывала каждое слово посмертного послания Загряжского, как истомившаяся от зноя пересохшая почва впитывает каждую каплю долгожданного дождя.

Приготовившиеся к бою свекровь и невестка, мать и жена покойника тоже застыли в немой сцене. До Калерии Эдуардовны наконец дошло, что на весь кабинет оглашена не только сомнительная тайна, завещанная ей мерзавцем-мужем, но и нанесенное ей из гроба несмываемое оскорбление.

Побагровев, как спелый помидор, Калерия оставила намерение схлестнуться в рукопашном бою со своей subtilной свекровью, развернулась на сто восемьдесят градусов и кинулась к племяннице Загряжского, растопырив руки и визжа, как дикая кошка:

- Ты что, стерва, делаешь? А ну отдай!

Племянница взвизгнула, бросила злосчастный документ и невероятным акробатическим прыжком взлетела на стол нотариуса.

Нотариус, человек опытный и повидавший в жизни многое, тем не менее был потрясен происходящим и переводил взгляд с одной женщины, грозно надвигающейся с явным намерением нанести кому-нибудь тяжкие телесные повреждения, на другую, которая подпрыгивала у него на столе и истошно вскрикивала:

- Оградите! Оградите меня от этой сумасшедшей!

Наконец нотариус, медленно раскачивающийся, но энергично действующий, шарахнул по столу кулаком, так что на нем подпрыгнули все канцелярские принадлежности, оргтехника и племянница Загряжского, и рявкнул:

- Отставить! Освободить мой стол! Прекратить хулиганство в кабинете! Здесь вам не конский цирк!

Его голос мощно покрыл весь шум и гам разгоревшегося скандала и, похоже, отрезвляюще подействовал на всех присутствующих. Племянница Загряжского тяжеломерно спланировала со стола в объятия подоспевшего супруга, Калория Эдуардовна захлопала глазами, будто проснулась в незнакомом доме, схватила с полу злосчастное письмо и прижала его к груди, затравленно озираясь, а мамаша покойного, Анна Вячеславовна, оглядев кабинет и оценив произведенный любезной невесткой эффект, громко и торжественно расхохоталась.

Надежда Николаевна Лебедева наблюдала за происходящим, как за лучшей театральной постановкой в своей жизни. Действительно, ни один режиссер не смог бы добиться от актеров такой выразительности и глубины чувств, какие бушевали в этот день в кабинете Евгения Алексеевича Казанкова.

Одновременно с этим высоким эстетическим наслаждением Надежда мысленно повторяла текст так удачно подслушанной посмертной записки Загряжского, боясь забыть хоть слово.

- Дама! – неожиданно отвлек ее оклик.

- Обернувшись, Надежда увидела направленный на нее вопросительный взгляд помощницы

нотариуса Леночки.

- Дама, вы так и не объяснили мне, какой у вас вопрос и какое отношение имеет договор страхования, дачный кооператив и автомашина к вашей пирожковой.

- Ладно. - Надежда отмахнулась от Леночки, как от назойливой мухи. - Я раздумала открывать пирожковую. Честно говоря, ее пироги просто несъедобны! - Она кивнула на обиженную такой оценкой Татьяну, подхватила ее под руку и с гордо поднятой головой вышла из кабинета.

На улице до сих пор молчавшая Татьяна Грибова вырвала у нее руку и оскорбленным голосом проговорила:

- Это почему же мои пироги несъедобны?

- Да брось, Таня, не обижайся, лучше скажи - ты запомнила письмо Загряжского? Нам нужно его срочно записать, пока из памяти не выветрилось. Там каждое слово может быть важным.

- Запомнила, запомнила, - ответила Татьяна. - Нет, ты мне все-таки скажи, когда это тебе не понравились мои пироги? Ты их еще даже не пробовала!

- Ты что - не понимаешь! - рассердилась Надежда. - Нам выпала баснословная удача. У Загряжского с женой были какие-то дела по поводу разработки.

- Да с чего ты взяла? - Татьяна спорила просто из упрямства.

- А с того, что иначе она бы так не всполошилась.

Дело явно идет о больших деньгах! И вообще, у тебя есть выбор? Может быть, твоему мужу не нужна помощь?

- Нету, - честно ответила Татьяна, - нету у меня выбора. И мужу нужна помощь, но твой напор и полное отсутствие логики меня пугают. Ну зачем нам сдалась эта бывшая жена? Для чего за ней следить?

- Мы вовсе не будем за ней следить, мы просто пойдем в бюро Загряжского. Сказано же в письме:

«Поищи в моем кабинете»? Мы и поищем. Сказано:

«Я оставил тебе кое-какие намеки»? Уж я эти намеки не пропущу, будь спокойна! Надеюсь, ты знаешь, где находится КБ Загряжского?

- Здрасьте, пожалуйста! - рассердилась Татьяна. - Да сколько раз я там бывала по разным Пашиным поручениям. У меня даже пропуск постоянный есть!

- Едем туда сейчас же! - вскричала Надежда.

- Не могу - в таком виде меня не узнают. И пропуск дома оставила...

- Едем за пропуском, а потом туда! Промедление смерти подобно. Интуиция мне подсказывает, что мы на верном пути. - Надежда подхватила Татьяну под руку и махнула проезжающему маршрутному такси.

* * *

В офисе фирмы «Алтер Эго» было довольно шумно, поскольку там одновременно разговаривали на самых разных языках, прямо как в Вавилоне во время завершающей фазы строительства известной башни. Дело в том, что фирма «Алтер Эго» специализировалась на переводах.

Рекламный текст фирмы гордо сообщал, что «Алтер Эго» выполняет устные и письменные переводы с восьмидесяти языков. Вряд ли кто-то из клиентов эти языки пересчитывал, может быть, их было не восемьдесят, а, допустим, семьдесят девять, но, по крайней мере, никто не жаловался, что ему не смогли помочь.

- Напрасно вы так удивляетесь, - с бесконечным терпением объяснял худощавый очкастый менеджер нервному толстому посетителю. - Перевод с белорусского языка действительно стоит дороже, чем с английского. Конечно, вам кажется, что белорусский язык гораздо проще, но хороших специалистов по белорусскому гораздо меньше, чем «англичан». Английский язык сейчас знают очень многие, он входит в джентльменский набор, а отсюда - конкуренция среди переводчиков, которая сбивает цену. Поэтому перевод с английского самый дешевый. Чуть дороже перевод с русского на английский, потому что такой перевод требует более высокой квалификации. Немецкий и французский языки тоже достаточно распространены, но все же меньше, чем английский, поэтому стоят подороже. А украинский и белорусский, хотя они кажутся очень простыми и близкими к русскому языку...

- Да че ты мне трендишь! - прервал менеджера возмущенный толстяк. - Я, коли на то пошло, сам эти бумажки переведу, чего там не понять. Считаю, почти как по-русски писано!

- Ваша воля, - менеджер откинулся в кресле и утомленно посмотрел на посетителя, - но только как бы вам не влететь на деньги! Язык, кажется, простой, но документ-то у вас юридический. Вы что-нибудь не так поймете, вот вам и потери. Ведь в самых близких языках одно и то же слово может означать совершенно противоположные вещи. Например, по-польски «урода» значит «красота», а «склепик» - «магазин»...

- Ну ладно уж! - неохотно согласился толстяк и полез за бумажником.

Закончив расчеты, менеджер повернулся к следующей посетительнице, высокой гибкой девушке с длинными светлыми волосами, змеящимися по плечам.

- Слушаю вас!

- Какой козел! - воскликнула блондинка, убедившись, что за предыдущим посетителем закрылась дверь. - И часто такие попадаются?

- Бывает, - усмехнулся менеджер, - знаете ведь - клиент всегда прав. А чем я вам могу помочь?

- Моя фирма, - начала блондинка, выразительно закатив глаза, - периодически ведет переговоры с японскими бизнесменами. Один из них, господин...

Киеси Кабаяси приезжает на днях, а он наш старый клиент, и мы уже приглашали для него вашу переводчицу, которая очень понравилась господину Кабаяси. Я, к сожалению, не помню ее фамилии, прошлый раз к вам обращался другой наш сотрудник.

Менеджер задумался:

- Когда, вы говорите, приезжал ваш японец?

- Честно говоря, не помню. - Блондинка потупила глазки, изо всех сил симулируя

растерянность и беспомощность. – Я же говорю – к нам приезжал другой сотрудник вашей фирмы.

– А как называется ваша фирма? – Парень выжидательно посмотрел на клиентку и поднес руки к клавиатуре компьютера. – Сейчас мы посмотрим в базе данных...

– Э... «Суримоно», – срочно изобрела блондинка, – 000 «Суримоно».

Менеджер набрал название на клавиатуре и растерянно взгляделся в экран.

– Нет, среди наших клиентов не было фирмы с таким названием... Разве что...

– Вот-вот, – подхватила блондинка, неожиданно поумнев, – мы, скорее всего, платили... – она понизила голос и наклонилась к самому уху собеседника, – черным налом.

– Зачем же так громко, – почти прошептал менеджер, пугливо озираясь по сторонам, – я вас и так понял. Ладно, если так, смотреть в компьютере бесполезно. Но вообще это и не нужно. Ведь вам нужен синхронный перевод?

Блондинка энергично закивала.

– Ну а синхронистов с японского у нас не так уж много. Тем более вы сказали, что это девушка. Я в фирме не очень давно работаю, всех, конечно, не помню, но в компьютере мы их быстро найдем...

Дорвавшись наконец до клавиатуры, парень застучал пальцами и забормотал:

– Албанский, армянский, афганский... банту, белорусский, чтоб ему пусто было... венгерский... так, так... эфиопский... ну вот он, наконец наш японский.

Нам нужны синхронисты... Гусев не подходит, Кочетов не подходит. Совко – может быть, надо посмотреть... Алла Сергеевна, это, возможно... но год рождения 1938-й, вряд ли это ваша девушка... Смотрим дальше... Тетерин не подходит, а вот Уткину нужно проверить. Дарья Павловна, год рождения 1975-й. Что ж, очень может быть, что эта Дарья Павловна обаяла вашего Кабаяси. Сейчас я просмотрю на всякий случай весь список до конца. Кто у нас тут еще?.. Филин – это явно не девушка, как и Цаплин. Вот еще Чибисова Варвара Антоновна, 1963 года. В этом возрасте при определенных стараниях еще очень даже можно... а больше у нас никого не осталось, список закончился. Так что мы с вами остановились на Дарье Павловне Уткиной, 1975 года рождения, и Варваре Антоновне Чибисовой, 1963-го...

– А фотографии у вас случайно нет? – умоляющим тоном протянула клиентка. – Дело в том, что я... примерно представляю себе вкусы господина... Кабаяси. – Она потупилась и залилась очень естественным румянцем.

– Фотографии? – Парень задумался. – Вообще-то это против правил, у нас все-таки не эскорт-агентство, но раз уж вы так просите... клиент ведь всегда прав.

Он встал, прошел к стеллажу с картотекой и, выдвинув два ящичка, достал оттуда две желтоватые карточки.

– Это у нас такая система учета кадров, – пояснил он, возвращаясь к столу. – Конечно, фотографии оставляют желать лучшего, сами понимаете, черно-белые, три на четыре, но это все, что я могу вам предложить.

Клиентка посмотрела на два маленьких фотоснимка и уверенно заявила:

- Вот эта.

- Ну, как мы с вами и думали, побеждает молодость.

Дарья Павловна Уткина, прошу любить и жаловать!

- Отлично. Когда я могу с ней увидеться и поговорить?

- Вам она нужна срочно?

- Конечно, срочно. Японец вот-вот приезжает, нужно договориться о встрече и все такое... Короче, лучше прямо сегодня.

- Попробуем.

Менеджер набрал номер телефона, негромко переговорил и улыбнулся блондинке:

- Все в порядке, Даша дома и готова к работе.

* * *

Полтора часа спустя Алиса и Даша сидели за столиком маленького полутемного кафе на улице Восстания.

- Ну, и когда прилетает ваш японец? - спросила Даша, худенькая невысокая девушка, стриженная под мальчика.

- Даша, - сказала Алиса, внимательно глядя на свою собеседницу, - вы об этом японце знаете гораздо больше, чем я.

- В чем дело? - Даша насторожилась.

- Дело в том... - Алиса опустила глаза и выписала пальцем на скатерти сложный узор. —..дело в том, - повторила она, - что у нас был один общий друг - Аркадий Загрязский.

- Аркадий Ильич? - вскрикнула переводчица и тут же прижала ладонь к губам, будто зажала себе рот.

Глаза ее округлились, она вскочила из-за стола, чуть не уронив его, и, глядя на Алису сверху вниз, быстро и зло проговорила:

- Ты обманом вызвала меня на встречу. Я считала тебя клиентом, только потому и приехала. Ни на какие посторонние темы я с тобой разговаривать не собираюсь. И вообще, я немедленно отсюда уйду!

- Сядь! - жестко и повелительно сказала Алиса, и в голосе ее было что-то такое, что Даша подчинилась и снова села за столик.

Лицо ее пошло пятнами лихорадочного румянца.

- Ты была любовницей Аркадия, - проговорила Алиса.

Это не был вопрос, это прозвучало как констатация факта.

- Этот старый греховодник не пропускал ни одной юбки, а ты - довольно хорошенькая.

Алиса смотрела на переводчицу изучающим взглядом и нисколько не торопилась. Казалось, ей нравился страх и напряженность девушки, и она играла с ней как кошка с мышью. Взгляд затравленного зверька, каким отвечала ей Даша, усиливал это извращенное удовольствие.

- Но ты, дорогуша, не понимаешь, в какие серьезные игры играл наш общий бой-френд. И, соответственно, в какой серьезной опасности оказалась ты сама после его смерти... Ты, кстати, знаешь, как он погиб?

Даша усиленно закивала головой, похоже, голос ей уже не повиновался.

- По телевизору видела?

Даша снова кивнула.

- Тогда должна понимать, в какую серьезную игру он тебя втянул.

- Я уйду... я немедленно уйду... - забормотали переводчица, пытаясь этими словами внушить себе решительность.

- Никуда ты не уйдешь! - спокойно и уверенно бросила Алиса, окончательно убедившись, что собеседница полностью в ее власти. - Тебе некуда идти.

Аркадий мертв, а больше за тебя некому заступиться.

- Чего ты хочешь? - задала наконец Даша вполне резонный вопрос.

- Мне нужны координаты японца. Только не говори «какого японца», ты все прекрасно понимаешь. Мне нужны координаты японца, с которым вел переговоры убитый авторитет. Переговоры, на которых ты переводила. И мне нужно знать, что ты рассказывала Загрязскому. Точнее, что он у тебя спрашивал.

- Ерунда! - Даша снова привстала из-за стола, видимо, так она чувствовала себя увереннее. - Ерунда никто за мной не охотится, никому я не нужна! Ты пытаешься запугать меня, чтобы вытянуть все, что тебя интересует, но я не такая дура, как ты... думаешь.

Я ничего не знаю и ни о чем не собираюсь тебе рассказывать. Да кто ты такая? Ты была его любовницей и считаешь, что это должно нас как-то сблизить? Да пошла ты... в Йокагаму! Если хочешь знать, Аркадий Ильич любил только меня, одну меня! А тебя он просто использовал!

Последние реплики Даша выкрикнула так громко, что на нее уставились люди из-за соседних столиков.

- Бедная дурочка, - с фальшивым сочувствием произнесла Алиса. - Если бы ты знала, сколько таких дурочек было у покойного Аркадия! Уж кого-кого, а тебя он точно использовал, использовал на все сто процентов. Ты считаешь, тебе ничего не угрожает?

Что ж, я не буду тебя разубеждать. Можешь идти, если хочешь, я тебя не задерживаю. Иди, иди! Что же ты не идешь? Боишься? И правильно делаешь, что боишься!

Как только бандиты узнают о твоей роли в этой истории, считай, что тебе осталось жить

считанные дни.

- О какой роли? - спросила Даша. - Я не имею ко всему этому никакого отношения!

- Да? - Голос Алисы прозвучал издевательски. - Никакого отношения? Только за спиной у уголовного авторитета ты информировала своего любовника Загрязского о прибытии японца, о ходе переговоров... и ты считаешь, что братки поверят, что ты непричастна к убийству их босса?

- Но я действительно непричастна! И ведь авторитета и Аркадия убили вместе, значит, Аркадий к этому убийству тоже непричастен!

- Это ты расскажешь браткам, - усмехнулась Алиса, - причем очень может быть, что тебе придется рассказывать эту историю под пыткой. А ты знаешь, дорогуша, как они любят пытать молоденьких девушек вроде тебя? Любят и умеют!

- Прекрати! - Теперь лицо Даши заливала мертвенная бледность. - Прекрати! Ты просто запугиваешь меня, чтобы добиться того, что тебе нужно!

- Проверь. - Алиса пожала плечами, изобразив на своем лице полное равнодушие. - Иди домой и жди... телефонного звонка или звонка в дверь. Может быть, машины, которая остановится возле тебя на улице.

Откуда я знаю, как они придут за тобой? Но в том, что придут, можешь не сомневаться.

- А если я расскажу тебе то, что ты хочешь, - чем это мне поможет? Ты, что ли, защитишь меня от бандитов? - Даша окинула свою собеседницу недоверчивым взглядом.

- Зря ты так на меня смотришь, - усмехнулась Алиса. - Между прочим, защитить тебя от бандитов вполне в моих силах. А самое главное - в этой ситуации тебе гораздо выгоднее иметь меня союзником, чем врагом. Вот если ты не захочешь со мной сотрудничать - твоя песенка действительно спета. Я постараюсь довести до бандитов информацию о твоей причастности к убийству Кабаныча.

- Кого? - удивленно переспросила Даша.

- Так звали покойного авторитета, - усмехнулась Алиса, - и с таким человеком вел дела обожаемый тобой Аркадий. Так что ты, дорогуша, не слишком хорошо его знала. А вот если мы с тобой договоримся и ты расскажешь мне все, что знаешь об этой истории, я не только сохраню в тайне твое в ней участие, но и постараюсь пустить братков по ложному следу. Поверь, я это сумею, как никто другой.

- Вот в это я охотно поверю! - негромко проговорила Даша и продолжила:

- Допустим, я расскажу тебе кое-что. Но, насколько я знаю, в этом деле замешаны очень большие деньги. Японец, который тебя интересуется, - миллионер, и он обсуждал здесь очень крупную сделку, просто огромную. Конечно, они не говорили ни о чем прямым текстом, но по намекам и недомолвкам можно было о многом догадаться! Насколько я понимаю, ты хочешь связаться с ним напрямую, воспользовавшись тем, что остальные участники сделки мертвы?

- А вот это, дорогуша, тебя совершенно не должно волновать! - Теперь уже Алиса утратила свою обычную сдержанность и заговорила слишком громко.

- Отчего же? - ехидно возразила переводчица. - Чужие деньги, особенно такие большие, не могут не волновать. Ты же хочешь со мной договориться, так давай искать компромисс. Кнут ты мне уже показала, теперь, мне кажется, пора показать пряник.

- Что ты хочешь? - настороженно спросила Алиса.

- Глупый вопрос. Чего я могу хотеть? Денег, естественно.

- Денег? - задумчиво переспросила Алиса.

Она вынула из сумочки цветную фотографию, на которой сидели на скамейке возле цветника двое немолодых людей. Положив эту фотографию на стол, Алиса насмешливо посмотрела на свою собеседницу и задумчиво протянула:

- Симпатичные у тебя родители... Им бы жить да жить...

После этого она достала из той же сумочки пузырек без этикетки, капнула из него на фотографию мутноватой жидкостью. Жидкость запузырилась, как будто вскипев, и часть снимка, на которой были изображены лица родителей Даши, растворилась, изъеденная кислотой.

Даша смотрела на фотографию как зачарованная.

Наконец она подняла глаза на Алису и проговорила севшим от волнения плохо узнаваемым голосом:

- Харуми Кураками. Он прилетает через два дня.

Остановится в гостинице «Невский Палас».

* * *

Татьяна отворила калитку и пошла вперед по тропинке.

- Хаттаба успокою, - полуобернувшись, сказала она шедшей следом Надежде Николаевне.

- Кого? - удивленно спросила та.

- А вот кого! - Татьяна потрепала выбежавшего им навстречу с радостным лаем большого лохматого пса, в чьей внешности проглядывали признаки самых разных пород, от овчарки до эрдельтерьера. - Здравствуй, Хаттабушка! Это Надя, она своя, ты ее не трогай.

- На чужих очень лает, - пояснила она, - за это и прозвали Хаттабом. Впрочем, дальше лая дело не идет.

Поднявшись на крыльцо, Татьяна распахнула дверь и крикнула:

- Павлуша, это я! Я не одна, у нас гость!

Миновав чистые сени, Надежда следом за хозяйкой вошла в большую комнату. По стенам стояло несколько стеллажей с книгами, висели фотографии самолетов в деревянных рамках, в каких обычно вешают фотографии родни.

В глубине комнаты стоял большой письменный стол, на нем светился голубой экран монитора.

Около стола, полуобернувшись к двери, в большом инвалидном кресле на колесах сидел Павел Грибов.

Увидев его, Надежда Николаевна поняла, что Павел – один из тех людей, встречу с которыми запоминаешь на долгие годы, людей, оставляющих в душе глубокий след.

Выразительные карие глаза на усталом удлинённом лице, глубоко прорезанном морщинами, светились умом и добротой. И еще на его лице отражалось перенесенное страдание, ставшее для Павла испытанием и давшее ему горький опыт и новые силы. Надежда вспомнила услышанную где-то фразу: «Если несчастье не убивает нас, оно делает нас сильнее».

- Это Надежда Николаевна, – представила Татьяна гостью.

Павел улыбнулся, сделавшись сразу моложе, и подъехал к Надежде, протягивая руку.

- Сейчас гости стали у нас редкими – благодаря вот этому ужасному детищу прогресса, – сказал он, показывая на компьютер.

- Почему? – не поняла Надежда.

- Да очень просто: раньше сослуживцы приезжали ко мне, чтобы обсудить ход работы, привозили свои расчеты, чертежи. А теперь – одна секунда, и прошел обмен электронными письмами, отправлены все файлы, и ехать ко мне незачем. А ехать-то – не ближний свет... Танюша,образи-ка нам чайку! – повернулся Павел к жене. – Я знаю, там у тебя были свежие ромовые бабы...

Надежда перехватила ласковый взгляд, каким обменялись Грибовы, и почувствовала атмосферу этой семьи, которая мужественно несет свой крест, еще больше сблизившись после обрушившегося на них несчастья. Татьяна, проходя на кухню, мимоходом погладила мужа по волосам и поправила подушку, подложенную ему под спину. В этом прикосновении было столько заботы, столько любви, что у Надежды защемило сердце.

Татьяна принесла чайник, накрыла на стол в этой же комнате. Свежие ром-бабы, печенье, варенье – угощение было небогатым, но сердечным и дружеским. За чаем Татьяна упомянула о том, что Надежда Николаевна знает о проблемах с самолетом. Павел слегка поморщился – кроме того, что эти проблемы висели над ним денно и ночью дамокловым мечом, ему, человеку, отработавшему долгие годы в обстановке секретности, было трудно привыкнуть к тому, что совершенно посторонний человек разговаривает с ним о чертежах новейшего самолета. Наконец, встряхнув головой, он сказал:

- А вы знаете, Надя, откуда взялось это название – «Серебряный сокол»?

Надежда помотала головой.

- Танюша, – повернулся Павел к жене, – дай-ка гитару!

Татьяна вышла в соседнюю комнату и вернулась со старенькой облупившейся гитарой. Павел любовно обнял инструмент, пробежал пальцами по струнам, видимо, остался недоволен звучанием, подкрутил колки и снова взял несколько аккордов. Откинув голову, он запел, аккомпанируя себе на гитаре:

*Чуть седой, как серебряный сокол,
Он стоит, принимая парад.*

*Сколько стоил ему Севастополь,
Сколько стоил ему Сталинград...*

Незнакомая песня тронула сердце Надежды неожиданной и щемящей тоской. Голос Павла оказался на редкость красивым и глубоким. Внезапно он взмыл с трагическим надрывом:

*И когда подходили вандалы
К нашей древней столице отцов,
Где нашел он таких генералов
И таких легендарных бойцов?
Над блистательным их воспитаньем
Проводил он и ночи и дни.
Ах, к каким грозovým испытаньям
Подготовлены были они...*

- Что это? - спросила Надежда, когда стихли последние аккорды песни и в комнате наступила та теплая душевная тишина, какая бывает только в хорошо натопленном деревенском доме.

- Это Вертинский, - ответил Павел, шлепнув ладонью по деке и отложив гитару. - Он написал эту песню уже здесь, в России, вернувшись из эмиграции.

Не знаю, насколько он был искренен, называя «вождя народов» серебряным соколом, но песня хорошая.

* * *

- Вылитая средняя школа, - сказала Надежда, оглядев трехэтажное серое здание с высоким крыльцом, - я свою Алену точно в такую же водила.

- Так здесь и была школа. - Татьяна сощурилась на весеннее солнце. - А потом детей стало меньше, оставшихся перевели в более населенные районы, где школы поновее, а это здание Посташев арендовал и разместил здесь КБ. Вопрос только в том, как мне тебя туда провести. У меня-то пропуск есть, оформили, чтобы я могла по Пашиным делам сюда проходить.

Во дворе прогуливались, разговаривали и курили десятка два сотрудников института обоего пола, но преимущественно не первой молодости.

Возле серой стены КБ стоял, подставив солнышку стул перевернули, каждую скрепку разогнули, нигде ничего. Сейф открыли - в нем вообще пусто.

Не успели эти уехать, на следующий день появились другие: солидный мужчина, весь в черном, предъявил удостоверение ФСБ, и при нем трое молодых ребят. Ордер не показывали, но его в кабинет Загрязского все равно пустили, побоялись связываться.

Он никого из наших с собой не взял, заперся в кабинете и тоже целый день там шарил. Правда, у него лицо такое непроницаемое, что по нему не поймешь, нашел он там что-нибудь или не нашел, но только я подозреваю, что после милиции там можно было и не беспокоиться.

Так мало этого: уехали «люди в черном», и сразу появилась дама, вся из себя такая элегантная и представительная, и показала документы, что она законная вдова Загрязского.

В этом месте Надежда ткнула Татьяну кулаком в бок - дескать, опоздали!

- А у нас никто и не подозревал, что Загряжский был женат! Он как-то все больше по части секретарш и лаборанток! А тут вдруг - законная жена, и опять-таки требует ключи от кабинета: мол, хочет там забрать какие-то личные вещи покойного, которые дороги ей как память.

Манохин, зав. АХО, спорить с ней не стал, ключи дал - больно уж дамочка настырная, но сам с ней пошел в кабинет на всякий случай: вдруг она в качестве личных вещей и семейных сувениров захочет взять какие-нибудь чертежи или конструкторскую документацию... Но там после двух обысков не то что документации, старых трамвайных билетов было не найти. Тем не менее эта вдова тоже чуть не целый день проторчала в кабинете. Все обнюхивала, осматривала и Манохина пыталась куда-нибудь спровадить - то ей воды принести, то цитрамон у кого-нибудь стрелнуть, то, наоборот, сигареты у нее кончились. Но тот тоже не вчера родился - посылал за всем секретаршу, а сам сидел в кабинете и глаз с вдовушки не спускал.

Надоела, говорит, до чертиков своими капризами, да еще курить хотелось - спасу нет! А в кабинете он ей из принципа курить не разрешил и сам не курил, вот.

Только, Манохин говорил, она тоже ничего не нашла, а к сейфу и не подходила.

После этой безутешной вдовицы еще приезжали из прокуратуры, на этот раз обыск устраивать не стали - видно, им милицейские все уже по поводу кабинета доложили и если что-то нашли, то передали. Эти больше с коллективом, так сказать, общались: с кем покойный Загряжский контактировал, да кто у него бывал, да куда он сам ездил, какого о нем сотрудники были мнения, да были ли у него недоброжелатели...

Самая главная у них была женщина, даже фамилию помню - Громова, суровая такая тетка, как посмотрит - сразу хочется в чем-нибудь срочно признаться, особенно если она очки снимет: взгляд такой рентгеновский...

- Неужели Громова? Работает, значит, еще старушка! - поразилась Надежда. - А лет-то ей... далеко за пенсию перешагнула.

- Такие на пенсию не выходят! - авторитетно заявил Гарик. - Так на боевом посту и помрет, прямо в кабинете... - Он оглянулся и постучал по деревянной двери.

- Слушай, Гарик, - вмешалась Татьяна, - научи, как Надежду в здание провести? Ты тут лучше меня все знаешь, а нам очень нужно...

Гарик посмотрел на Надежду, и его улыбка стала еще шире:

- Запросто. Вот если бы на посту стояла тетя Тоня, которая тридцать лет отслужила в ВОХРе с наганом на боку, - мимо нее и муха бы не пролетела. А здесь охрану поставили по новой моде - молодых парней в пятне, эти против тети Тони слабоваты будут! Тоню даже милиция боялась. Как-то мы с Левкой Шифманом с обеда возвращались, перешли улицу на красный свет, за нами милиционер побежал, очень оштрафовать хотел, а мы бегом в проходную - и за вертушку.

Милиционер сунулся было следом, а тетя Тоня как на него выскочит - куда, орет, я тебя! - и уже наган отстегивает. Милиционер до того перетрусил - бегом от Тони припустил и обратно на свой пост. А этого парня, - Гарик покосился на дверь здания, - мы в два счета обведем. Устроим ему театр одного зрителя.

Гарик отлепился от нагретой солнцем стенки и уверенно зашагал вдоль серого здания. Завернув за угол, он показал на составленные штабелем возле забора фанерные стенды:

- Вот, от школы остались. Недавно как раз порядок наводили, вытащили все стенды во двор, собирались на свалку отправить, да руки не дошли. Берите, дамы, вот этот за один конец, а я за другой.

Гарик вытащил из штабеля огромный фанерный щит с надписью «Они позорят нашу школу!».

Подняв этот щит как транспарант на демонстрации, троица направилась ко входу в КБ. Рослый парень в пятнистой униформе шагнул им навстречу, удивленно разглядывая фанерный щит:

- Куда вы это тащите? Только что выносили и снова заносите?

- Вот все время так! - возмущенно проговорил Гарик, демонстративно отдуваясь под тяжестью щита. - Сначала распорядились все вынести, а потом приказали этот принести обратно. Сделают из него стенд «Они позорят нашу планету», повесят на него фотографии международных террористов, Саддама Хусейна, Бен Ладена, Чикатило, тещу мою Аллу Геннадьевну еще можно, если место останется, чтобы сотрудники ходили каждый день мимо и обливали их позором. Молодой человек, помогите внести, очень тяжелый он, зараза!

Охранник лениво подхватил край стенда и помог протащить его через проходную. Проществовав со щитом до угла коридора и скрывшись с глаз охранника, Гарик прислонил стенд к стене и обернулся к женщинам со своей обаятельной улыбкой:

- Ну, что я вам говорил? Мы его внимание отвлекли на щит, и про наши пропуска он даже не вспомнил.

А если бы вспомнил - сказали бы, что они у нас в карманах и никак не достать, пока руки заняты.

- Спасибо тебе, Гарик. - Татьяна улыбнулась и повела Надежду Николаевну на второй этаж.

До конца рабочего дня оставалось еще около часа.

Это время им пришлось провести в женском туалете, где Надежда от нечего делать выкурила две сигареты, чего не позволяла себе уже два дня. Успокоив свою совесть тем, что Татьяна за это же время выкурила четыре, Надежда подумала, что главный вред курения не в самом никотине, а в последующих угрызениях совести, и решила больше об этом не думать.

В половине шестого по коридорам протопали расходящиеся по домам сотрудники. Выждав для верности еще полчаса, две авантюристки выглянули наружу.

В здании КБ царил тишина, только на первом этаже охранник слушал по радио трансляцию футбольного матча. Дамы, стараясь не шуметь, прокрались по коридору к солидной двери, над которой висела табличка: «Загряжский А. И.»

Дверь была опечатана зеленой пластилиновой печатью. Татьяна посмотрела на нее с сомнением:

- Завтра увидят, что печать нарушена, начнется разбирательство...

- А мы ее заново запечатаем, - невозмутимо заявила Надежда.

- Чем? - удивилась Татьяна.

- Обычной двухрублевой монетой. Раньше мы, если печать теряли, пятакком запечатывали.

Даже так и называли: не опечатывание, а опятачивание. Из теперешних монет двухрублевая больше всего подходит.

- Ну надо же. - Татьяна посмотрела на нее с уважением.

Дверь была опечатана, но не заперта, поскольку после убийства Загряжского милиция захотела осмотреть его кабинет, а дубликата ключа не нашлось, и замок взломали. Осторожно, чтобы не привлечь шумом внимание охранника, Татьяна открыла дверь, и дамы проникли в кабинет.

Внутри было тихо и душно, на большом полированном столе лежал толстый слой пыли. Хотя за тяжелой дверью вряд ли были бы слышны голоса, но сама обстановка в комнате была такой, что хотелось говорить шепотом. Татьяна подошла к письменному столу и начала один за другим выдвигать ящики.

В ящиках лежало множество бесполезных вещей - визиток, рекламных проспектов, телефонных справочников, календарей, рулонов факсовой бумаги и стопок бумаги для ксерокса...

- Наверняка милиция все это уже просмотрела, - сказала наконец Татьяна, безнадежно уставившись на эту грудку макулатуры. - Да и вряд ли он стал бы держать в столе что-нибудь действительно важное. Может быть, в сейфе...

- Вот уж в сейфе-то мы точно ничего не найдем! - возразила Надежда. - Милиция явно там все осмотрела в первую очередь, да и сам Загряжский, судя по тому, что о нем известно, придумал бы что-нибудь похитрее. Мне кажется, нужно искать где-то на поверхности... Что-то такое, что у всех на глазах, поэтому никому и в голову не приходит, что это - тайник.

Надежда встала посреди комнаты и долго оглядывалась по сторонам. Потом задумчиво походила вокруг стола, переставила с места на место каждый стул в комнате, встала на четвереньки и залезла под стол, чтобы осмотреть снизу столешницу. Ничего интересного ей на глаза не попало, только пыль и паутина.

Она отдернула штору на окне, осмотрела подоконник, карниз и саму штору, приподняла ковер и заглянула под него, сунула руку за батарею парового отопления, вспомнив, как ее дочь Алена в раннем детстве за такой батареей спрятала игрушечную резиновую собаку.

Потом она придвинула стул к книжному шкафу, вскарабкалась на стул и оглядела шкаф сверху, после чего вытащила из него все книги и перетрясла их - к счастью, книг было не слишком много. Затем она перетащила тот же стул на середину комнаты и внимательно осмотрела каждый рожок люстры. Все было напрасно, кабинет Загряжского не хотел раскрывать свои тайны.

Татьяна посмотрела на нее с сочувствием и сказала:

- Не расстраивайся! Честно говоря, я от этого обыска и не ожидала чудес - милиция здесь уже все осматривала, да и вообще не факт, что Загряжский именно тут что-то прятал.

- Да, - задумчиво протянула Надежда, - не факт.

Она отошла к двери и еще раз внимательно оглядела комнату.

- А это что? - Взгляд Надежды остановился на стене позади письменного стола.

На высоте человеческого роста к стене были приколоты кнопками две карты – Москвы и Санкт-Петербурга.

- Карты. – Татьяна пожала плечами. – Наверное, чтобы в городе ориентироваться. В Москву он тоже часто ездил...

- Допустим, по Петербургу он ездил на машине, и карта ему могла понадобиться, но в Москву-то он скорее всего ездил на поезде, а там пользовался такси или городским транспортом. Кроме того, если он даже и использовал карты по прямому назначению, так держал бы их в машине, в бардачке, а не на стене кабинета! И наконец, если уж на стене, то почему у себя за спиной? Самое неудобное место, какое только можно придумать! Сидя за столом, этих карт вообще не увидишь. Нет, определенно здесь что-то не то!

Надежда взяла со стола настольную лампу и включила ее. В кабинете было пока еще достаточно светло, поэтому свет настольной лампы казался бледным и ненатуральным. Надежда поднесла лампу к стене и осветила карты. Собственно, это были не карты, не настоящие планы городов, отпечатанные типографским способом, а фрагменты планов, распечатанные на компьютере. В боковом освещении стали заметны все мелкие неровности стены, наплывы краски, небольшие бугорки и ямки, оставленные штукатурками.

И в этом же боковом освещении на карте Петербурга Надежда явственно разглядела небольшое аккуратное отверстие, проколотое шилом или каким-то другим острым предметом.

- Посмотри-ка! – позвала она Татьяну. – Что это за место?

- Ржевка, – ответила Татьяна уверенно, всмотревшись в надписи на плане. – Вот здесь неподалеку – городское ГАИ... а тут есть церковь, возле мостика.

Я это место хорошо знаю.

- Видишь, здесь карта проколота? Мне кажется, это неспроста. По-моему, таким образом отмечено место...

- Правда. – Татьяна приподнялась на цыпочки, чтобы получше разглядеть точку на карте. – Отмечено место рядом с церковью... Нужно съездить туда, посмотреть – может быть, в самом деле там у Загряжского тайник. Давай эту карту возьмем с собой. Вряд ли ее кто-нибудь хватится.

- Давай уж и карту Москвы на всякий случай прихватим.

* * *

Наутро дамы отправились в Ржевку. Большая часть пассажиров вышла из автобуса около здания ГАИ, точнее – ГИБДД, как теперь называется эта служба.

Проехав еще одну остановку, Надежда и Татьяна вышли и развернули карту.

- Вот церковь, – показала Татьяна на темный купол, усеянный галками, – она на карте обозначена, а прокол чуточку левее... Подойдем, посмотрим, что в той стороне от церкви.

Обойдя церковь, женщины увидели маленькую часовенку, выкрашенную веселой ярко-голубой краской. Вошли внутрь. Около иконы, изображавшей мрачного бородатого мужчину в черных с золотом одеждах, зажигала свечечку худенькая сгорбленная старушка в черном шерстяном

платке.

- Головы-то покройте! – недовольно пробурчала старуха, повернувшись к вошедшим. – В святое место женщинам нельзя с непокрытой головой входить.

- А чем покрыть-то, бабушка? – спросила Надежда с видом полной бестолковости.

- Ох, женщины! – Старуха тяжело вздохнула. – Ну, ровно дите малое! Чем голову в храме божьем покрыть – и то не знает! Шарфик-то хоть есть какой?

Вот его вместо косынки-то и повяжи!

Надежда торопливо сняла с шеи кокетливый шелковый шарфик и повязала его на голову. Татьяна последовала ее примеру.

- Вот всегда вы так, – ворчливым голосом продолжила старуха, – покуда жисть-то не припечет, в церковь и носа не кажете, будто не для вас она построена... Как войти во храм не знает! Чего же от молодежи-то ждать! Давно он у тебя?

Надежда в общем монотонном потоке старухиногo ворчания не сразу поняла, что последний вопрос обращен к ней. Заметив, что бабка ждет ответа, она переспросила:

- Давно – что? И кто – он?

- Кто-кто! – старуха рассердилась пуще прежнего на ее непонятливость. – Мужик твой, кто же еще!

Давно он?

- Что давно? – снова не поняла Надежда.

- Тьфу ты! – старуха в сердцах плюнула и тут же испуганно перекрестилась. – Ну вот в грех с тобой войдешь! Ты словно не русская! Я тебя русским языком спрашиваю – давно твой запил? Сюда по другому делу бабы не ходят, это ведь святой Васисуалий, от запоя первый заступник! – Старуха поклонилась мрачному бородачу на иконе и несколько раз мелко перекрестилась.

- И что – помогает? – с интересом спросила Надежда, надеясь таким образом уйти от расспросов привязчивой старушеницы.

- Ну уж если не он – тогда никто не поможет...

Я восьмой уж год сюда хожу, в часовню эту...

- Неужто, бабушка, муж у вас запойный? – в ужасе спросила Надежда, мысленно прикидывая, сколько лет может быть мужу ее собеседницы.

- Бог с тобой! – Старуха снова перекрестилась. – Старика своего я уж десять лет как схоронила. Зять у меня пьет, холера его разбери! Уж так пьет, что сил никаких нету на него смотреть. А дочка-то никак в разум не войдет. Сколько ей ни говорю: сходи к святому со мной, поставь свечечку – ей как об стену горох.

Только и знает – разговоры да доктора разные! Вот и приходится мне одной ходить, зятя отмаливать...

Восьмой годочек уж хожу...

- Ну и как, помогает?

- Да помогает, должно быть...

- Что, бросил зять пить?

- Ну уж чтобы бросил, это нет, но и совсем покуда не спился. А не ходила бы сюда, так уж, верно, еще хуже было бы... Ты-то свечечку купи, к иконе поставь!

Надежда купила возле входа в часовню свечку и под руководством старухи вставила ее в один из медных подсвечников около иконы. Старуха снова перекрестилась и невнятно пробормотала молитву.

- И многие сюда ходят? - поинтересовалась Надежда, когда бабка замолчала.

- Ох, многие, милая, многие! Сама посуди, где ж ты такого мужика найдешь, чтоб не пил? Если муж не пьет у которой женщины - так сын пьет или зять, как у меня... Вот и вся надежда на него, на святого угодника Васисуалия! Святой жизни был человек, хоть и запойный... А господь через молитву чудо ему явил и исцелил от запоев...

- Надолго ли исцелил? - недоверчиво поинтересовалась Надежда.

- Надолго, милая, не сомневайся. До самой смерти! Правда, вскорости и прибрал его господь. Вот ведь чудо какое бывает! Но и мерзавцы бывают на свете редкостные. - Старуха понизила голос, и вместо религиозного просветления в нем зазвучала обычная человеческая злость. - Вчера ночью залезла одна в часовню, гнева божия не побоялась, все здесь перерыла-перелопатила. Хорошо, две женщины верующие пришли с утра пораньше, изгнали супостатку, тумачков ей надавали! Жалко, я ее не застала, уж я бы ей! - Глаза старухи воинственно засверкали.

- Да кто такая она? - с замиранием сердца спросила Надежда.

- Рассказывали те женщины, что как увидели они в часовне кого-то - так и обмерли: выбегает весь в черном, думали - дьявол. А потом оказалось - баба в брюках и куртке черной, а лицо платком заматано.

- И что - неужели украла она что-нибудь? - спросила Надежда в волнении, оглядывая часовню.

- Нет, не бойся, милая, - успокоила ее старуха, - господь не допустил! Только все вверх дном в часовне перевернула, так что потом пришлось целый день порядок наводить, а взять ничего не взяла, те две женщины уж так ее обшарили - боялись, что украла злодейка что-нибудь из святого места, но ничего не нашли, должно, не допустил господь... Или не нашла, супостатка, то, что искала... А уж как все перерыла здесь - и сказать не могу: всю ночь, видно, рыскала, бесово отродье...

Упомянув в запале имя нечистого, старуха снова испуганно перекрестилась и забормотала молитву.

- Сильно побили ее? - любопытно спросила Татьяна.

- Надо бы сильнее, да батюшка отнял, - вздохнула старуха. - Что это такое, говорит, в божьем

храме драку затеяли! Так и отпустили, даже милицию не вызвали.

- Ну, бабушка, спасибо за науку, - сказала Надежда, дождавшись, пока та снова замолчит. - Может, еще придем сюда с подружкой, поставим свечечку...

- Приходи, приходи, милая, - старуха сощурилась на нее подслеповатыми блекло-голубыми глазами, - глядишь, и поможет угодник...

Выйдя из часовни, женщины переглянулись.

- Значит, не мы одни обратили внимание на дырку в карте, - констатировала Надежда.

- Это - первое, а второе - если верить старухе, та тетка ничего в часовне не нашла.

- Говори уж прямо - жена Загряжского! Совсем баба с ума сбрендилась - часовню грабить полезла!

- Может быть, женщины, которые застали ее в часовне, просто не заметили то, что нас интересует?

Вряд ли они обыскивали Калерию по всем правилам.

Их волновало, чтобы не пропали иконы или церковная утварь, а на документы и дискеты они просто могли не обратить внимания...

- Нет, - Надежда покачала головой, - если бы Калерия нашла, что искала, она сразу ушла бы из часовни, а, судя по тому, что женщины застали ее на месте преступления и часовня была перевернута вверх дном, поиски не увенчались успехом. К тому же ты помнишь, в какую ярость впала женушка Загряжского, когда прочитала его посмертное послание? Судя по рассказам старухи, здесь она тоже озверела, потому что ничего не нашла, и стала крушить все подряд.

- Да, - присовокупила Татьяна, - тетеньке нужно лечить нервы.

- Если она так тщательно обыскала часовню, угробив на это целую ночь, - нам здесь тоже ничего не светит. Я уж не говорю о том, что у меня нет никакого желания заниматься святотатством. Единственное, что еще можно сделать, - это обойти часовню снаружи, может быть, тайник бросится нам в глаза.

Дамы дважды обошли часовню, осмотрели и чуть ли не ощупали каждый камень фундамента, заглянули в глубокие оконные проемы, приподнимаясь на цыпочки и подсаживая друг друга. Они здорово перепачкались, спугнули десяток голубей, упоенно ворковавших на солнышке, но не нашли ничего, хоть отдаленно напоминающего тайник.

- Нет, как хочешь, - сказала Надежда, отряхиваясь и вытирая руки носовым платком, - мы идем сейчас по ложному следу.

- Может быть. - Татьяна попыталась носком ботинка пошевелить массивный булыжник, привалившийся к фундаменту, но камень не поддавался. - И вообще, зря мы все это затеяли. Найти тайник в огромном городе - это куда сложнее, чем иголку в стог сена.

- Причем этот ложный след Загряжский подсунул нам нарочно, - продолжала Надежда свою мысль, никак не реагируя на пессимистические слова подружки.

- Не обидно хоть, - вставила Татьяна, - что не одни мы попались на эту удочку. Каково бедной

Калерии, которая целую ночь перерывала эту несчастную запойную часовню!

- Вообще-то жадность - смертный грех. - Надежда еще раз оглядела оконный переплет и медленно тронулась к автобусной остановке.

* * *

В стороне от часовни, за церковью, на невысоком пригорке стоял черный джип с затемненными стеклами. На переднем сиденье джипа располагался человек в черном плаще, застегнутом под самое горло. Этот человек внимательно наблюдал в бинокль за двумя женщинами, неторопливо шагающими к автобусной остановке.

Человек в джипе приехал в Ржевку следом за автобусом, который привез Надежду и Татьяну, и следил за ними с тех пор, как они подошли к часовне. Убедившись, что женщины ничего не нашли и сели в первый подошедший автобус, человек в черном плаще убрал бинокль, включил зажигание и поехал в другую сторону - на этот раз сопровождать автобус он не стал.

Александр Викторович Антонов в юности, когда его звали совершенно другим именем, был большим романтиком. Он смотрел все фильмы про разведчиков, какие только привозили в его родной Верхнеосинск и показывали в кинотеатре «Звездочка», где у него работал знакомый киномеханик.

«Подвиг разведчика» он смотрел семнадцать раз, «Их знали только в лицо» - десять. Поэтому для него не стоял вопрос - кем быть? Он точно знал, что единственная стоящая работа - это работа разведчика.

Правда, он понятия не имел, где этому можно научиться. Попробовал поступить на заочное отделение института иностранных языков, но провалился на экзамене по русскому и литературе и благополучно загремел в армию.

Здесь он и познакомился с полковником Чевенуровым. Кем был этот полковник - никто не знал, но перед ним вытягивались в струнку все офицеры части независимо от звания и занимаемой должности. Полковник Чевенуров заметил ловкого парнишку. Ему понравился одновременно открытый и загадочный взгляд будущего разведчика. Еще большее впечатление будущий Саша Антонов произвел на полковника, когда на спортплощадке на удивление окружающим подтянулся по двадцать раз на каждой руке.

Через несколько дней молодой солдат был назначен дневальным по роте. Приступив к уборке одной из классных комнат, он услышал за спиной шаги. Обернувшись, увидел входящего в комнату полковника Чевенурова. Выронил швабру, вытянулся по стойке «смирно».

- Вольно! - доброжелательно, не по уставу сказал полковник. - Присядь, парень, поговорим. Ты куришь?

- Никак нет, товарищ полковник!

- Молодец, это хорошо. А я вот курю.

Полковник достал серебряный портсигар, обмял толстую папиросу, щелкнул зажигалкой, затянулся.

- Ты знаешь, парень, как еще много врагов у нашей страны - и внешних, и внутренних?

Парень знал это. Слова полковника падали на благодатную, хорошо удобренную почву. Полковник не ошибся в этом парне, в его глазах – одновременно открытых и загадочных. Молодой солдат давно ждал такого разговора.

Честно говоря, он не слишком верил во всех этих внешних и внутренних врагов, больше того, не верил и в то, что полковник Чевенуров верит в них. Так просто полагалось говорить, но ему очень импонировала романтика, окружающая службу разведчика, а еще больше импонировало то, как вытягиваются в струнку перед полковником Чевенуровым все офицеры части независимо от звания и занимаемой должности.

– Запомни наш разговор, – сказал ему полковник под конец, – и не говори о нем никому. Я надеюсь, что не ошибся в тебе.

Полковник не ошибся в нем. Молодой солдат никому не рассказал об их разговоре. Как его попросил полковник, он стал запоминать разговоры в казарме и самые интересные из них передавал Чевенурову, когда они встречались. Гораздо позже, когда он стал уже Александром Викторовичем Антоновым, он понял, что полковнику Чевенурову совершенно неинтересны были эти солдатские разговоры – ему важно было убедиться, что молодой солдат готов на все, что для него не существует такого ханжеского понятия, как мораль, и еще – что у него хорошая память и он умеет вычленивать из пустых разговоров главное, наиболее интересное, наиболее существенное.

Через несколько месяцев молодого солдата перевели в другую часть, специальную, элитную. Здесь подготовка была гораздо труднее, гораздо серьезнее – рукопашный бой, владение самыми разными видами оружия, шифры, английский язык. Было трудно, но молодой солдат чувствовал себя счастливым: его детская мечта начинала осуществляться.

Полковник Чевенуров и здесь не забывал его. Теперь они встречались реже, но разговоры стали длиннее и доверительнее. Полковник меньше говорил о внешних и внутренних врагах, и гораздо больше – о силе и власти, сосредоточенных в руках той касты, к которой они принадлежали.

– Вы изучали сегодня устройство нового центра коммутации телефонных сигналов. Ты понял, как устроена система? Самый нижний уровень – это телефонные переговоры обычных, рядовых людей. Над ними – уровень руководящих работников, партийных и государственных. С этого уровня можно прервать любые переговоры нижнего уровня или прослушать их, при наличии соответствующего доступа, но выше – третий уровень иерархии, система связи и коммутации переговоров аппарата ЦК КПСС. Этот уровень официально считается наивысшим, и с этого уровня можно прослушать любые переговоры двух нижних уровней или вмешаться в их коммутацию. Но теперь ты знаешь, что над уровнем ЦК есть еще один уровень, четвертый – это уровень спецслужбы, наш с тобой уровень.

Находясь на четвертом уровне, можно прослушать любые переговоры на всех остальных уровнях, а владеющий информацией владеет и властью. И точно так же как устроена эта система связи, устроена и вся жизнь в нашем государстве. Внизу простые люди, не имеющие никакого представления о том, кто и как ими руководит, не обладающие никакой властью. Над ними – бесчисленные начальники, опьяненные собственными возможностями, опьяненные властью над многомиллионной толпой, но хорошо понимающие свое место, знающие, что оно ненадежно и что вышестоящая каста, партийная элита, в любой момент может лишить их всех званий, льгот и привилегий.

Наконец, сама эта элита, воображающая себя солью земли, хозяевами жизни, рулевыми

нашего огромного корабля...

Пусть они так и считают, чем больше они обманываются, тем легче ими руководить настоящим хозяевам страны, четвертой касте! Именно мы, четвертая каста, спецслужбы, держим в руках все рычаги управления, все ниточки этого театра марионеток! Именно мы сосредоточили в своих руках связь, информацию, а значит, и власть. По нашей воле смещается всесильный секретарь обкома, по нашей воле руководитель союзной республики погибает в автокатастрофе, по нашей воле вспыхивают пожары в «горячих точках»...

Все остальные обладают только иллюзией власти, а мы – подлинная элита, кукловоды, держим в своих руках всех и все.

Конечно, и в этой всесильной четвертой касте есть конкуренция, противостояние между двумя важнейшими спецслужбами, между Главным разведуправлением, в котором служим мы с тобой, и Комитетом, но в действительности два этих титана, два кита, на которых держится наша отдельно взятая Вселенная, всегда могут договориться, найти общий язык, как профессионалы с профессионалами... Хотя часто между ними разгораются нешуточные конфликты.

В элитной спецназовской части молодой разведчик прослужил около года. В конце этого срока полковник пригласил его вечером в пустующую классную комнату и сказал:

– Ты кое-чему научился, но у тебя гораздо больший потенциал, чем у обычного бойца спецназа. Я хочу, чтобы с сегодняшнего дня ты стал совершенно другим, новым человеком, человеком без прошлого Ты должен забыть свой город, своих родных, свою семью. Для них ты умрешь.

В этот день родился Александр Антонов.

Он появился на свет, как бабочка, раскрывая яркие крылья, выбирается из серого мертвого кокона, отбросив этот кокон за ненадобностью. Так и Антонов отбросил за ненадобностью свое прошлое.

Родители молодого солдата получили письмо за подписью командира части, где им с прискорбием сообщали, что их сын погиб во время учений, заблудившись и утонув в болоте. Так что даже хоронить им было нечего.

Александр Антонов стал курсантом сверхсекретной разведшколы, расположенной в лесном массиве неподалеку от Москвы.

Из этой школы он вышел действительно другим человеком.

Антонов больше не вспоминал романтические фильмы своего детства. Он стал профессионалом.

Первая серьезная работа привела его в пески Аравии. Палящее солнце и холодные ночи, плавная раскачка верблюжьей иноходи и жестокая тряска армейских джипов, молниеносные налеты и многочасовые засады, ночевки в шатрах бедуинов и под открытым небом, под звенящими звездами пустыни делали свое дело, выжигая в его душе жалкие остатки романтического верхнеосинского мальчугана.

Он в совершенстве изучил главную науку разведчика и сдал свой настоящий экзамен в тот день, когда выдал связанного шейха Максуда, делившего с ним последние капли воды из кожаного бурдюка и дважды вытаскивавшего из-под пуль, враждебному племени, дружеские

отношения с которым были в тот момент важнее для московского начальства. Слух об этом предательстве прошел по пустыне как круги по воде, и Антонову, который после этой операции стал майором, пришлось сменить страну пребывания.

Он остался на Ближнем Востоке, поскольку считался сформировавшимся специалистом по мусульманской психологии, но теперь он жил в большой и воинственной исламской стране, поставленной под ружье бравым усатым Вождем.

Портрет Вождя в неизменном десантном берете, с пушистыми усами и доброжелательной улыбкой людоеда висел на стене здания прямо против окна гостиничного номера, в котором жил майор, а позднее подполковник Антонов, и Александр Викторович каждое свое утро начинал зарядкой под пристальным взглядом его серых глаз.

Впрочем, портреты Вождя висели через каждые пятьдесят метров, а его пристальный взгляд сопровождал жителей страны на каждом шагу.

Антонов несколько раз был удостоен высочайшей аудиенции. Вождь показался ему душевнобольным, но это не имело никакого значения: Александр Викторович давно уже стал настоящим профессионалом.

По большей части ему приходилось иметь дело с полковником Ахмадшахом - очень значительным человеком в окружении Вождя, маленьким, коварным и опасным, как скорпион.

В этой стране Антонову пришлось, с небольшими перерывами, провести около десяти лет. Он вник во все сложности правительственных интриг, научился читать местные газеты между строк и за неделю мог предсказать будущую отставку и казнь очередного министра или генерала.

Только Ахмадшах - уже не полковник, а генерал - по-прежнему оставался в «ближнем круге».

Страна находилась в состоянии вечной войны, по улицам маршировали отряды престарелых резервистов и женщин в чадрах и с автоматами Калашникова.

Главной темой в разговорах Антонова и Ахмадшаха было оружие. Оружия требовал Вождь, оружия требовала страна, оружия требовал Ахмадшах.

А в России происходили большие перемены, и добывать оружие для Вождя становилось все труднее.

Отношения между двумя странами осложнялись с каждым днем, и наконец Антонову присвоили звание полковника и отозвали в Москву. Прощаясь, генерал Ахмадшах сказал:

- Правительства могут ссориться и мириться, но мы с вами профессионалы и всегда найдем общий язык. Будущее за исламом. Вы знаете, что нужно Вождю. Вы знаете, как связаться со мной.

Россию полковник Антонов не узнал. Это была совершенно другая страна, не та, из которой он уезжал, непривычная и неожиданная. Самым скверным было то, что умер давний покровитель Антонова генерал Чевенуров. Без его поддержки долго отсутствовавший на родине Антонов не смог найти хорошего места в столице, и его отправили, можно сказать, в ссылку - в Петербург.

Здесь полковник занимался вопросами контрразведки и присматривался к медленно загнивающим предприятиям некогда мощной оборонной промышленности. В его

распоряжении были современные технические средства, прекрасно обученные люди, но реальное влияние все убывало и убывало.

И в тот момент, когда Антонов готов был подать в отставку и устроиться на работу в какое-нибудь частное охранное предприятие, на его стол легла папка с донесением одного из агентов о разработке «Серебряного сокола».

Полковник хорошо помнил последний разговор с Ахмадшахом. Вождю всегда нужно оружие. За новый первоклассный самолет он заплатит огромные деньги.

Антонов был настоящим профессионалом, но работать он решил только на себя.

Первым делом Александр Викторович собрал досье на основного владельца разработки Посташева. Тот много лет пробыл на номенклатурных должностях, а значит, не мог не засветиться на взятках, коррупции и прочих мелких шалостях. Собрав увесистую папку компромата, Антонов встретился с Посташевым и, действуя методом кнута и пряника, сделал тому предложение, от которого нельзя было отказаться.

От Ахмадшаха прибыл эмиссар, были обговорены главные вопросы – цена, порядок передачи денег, проценты распределения между главными участниками сделки – Антоновым и Посташевым. Оставался незначительный вопрос – как поступить с компаньоном Посташева Загряжским. Оба участника сходились на том, что его проще всего устранить, и уже сделали заказ известной в городе киллерше Белой Лизе, прославившейся безупречно выполненным заказным убийством одного из руководителей тамбовской группировки. Антонов мог бы найти профессионала-ликвидатора в своей конторе, но по понятным причинам не стал туда обращаться – он ведь работал теперь на себя и не хотел ни перед кем отчитываться.

И в этот момент, когда все, казалось, было на мази, Посташев умер.

Полковник не верил в такие случайности: то, что на первый взгляд кажется случайностью, оказывается на поверку хорошо подготовленной операцией. Антонов взял Загряжского в плотные клещи наружного наблюдения, следил за ним днем и ночью, выяснил все его связи и контакты. Ему удалось установить, что мерзавец Загряжский, при всех его аристократических замашках, связался с уголовным авторитетом.

Правда, в этом вопросе полковник сам дал маху, проглядел важную связь, не обратил заблаговременно внимания на то, что жена Загряжского (или бывшая жена, черт их разберет) была родственницей этого авторитета. Подстраховался бы заранее – глядишь, Посташев был бы жив и операция не попала бы под удар.

События развивались с головокружительной быстротой. Загряжский назначил встречу с авторитетом, которую непременно нужно было предотвратить: выдирать разработку у бандитов было бы гораздо труднее, чем у одиночки Загряжского.

Наружное наблюдение дало свои результаты, и буквально перед самой встречей в китайском ресторане удалось найти тайник Аркадия Ильича. Антонов забрал документы, на всякий случай ликвидировав своего человека, который обнаружил тайник, и дал команду киллерше.

Загряжский и Кабаныч были расстреляны, и уже после их убийства, когда ничего нельзя было отменить и исправить, полковник понял, что Аркадий Ильич обманул его, подсунул «куклу», ловко сформированную дезу.

Антонов был в ярости, но, как настоящий профессионал, он не мог долго поддаваться эмоциям.

Нужно было наводить порядок в делах.

Человек Ахмадшаха стоял у него за спиной и с вежливой выдержкой ядовитой змеи требовал результата.

Собственное начальство заинтересовалось причиной нескольких смертей в его аппарате и причиной его подозрительной активности. Никому нельзя было больше доверять, и полковник все дальнейшие действия взял в собственные руки.

Документы «Серебряного сокола» существуют. Загряжский должен был оставить их в надежном месте.

Их нужно было только найти.

По своему опыту полковник знал, что самый лучший способ поисков – пустить по следу конкурента, следить за ним и, дождавшись, когда тот найдет то, что нужно, убить его и отобрать находку.

Он вычислил всех, кто интересовался наследством Загряжского. К его крайнему неудовольствию, интересовались многие, причем по большей части женщины. С женщинами Антонов не любил работать, считая их непредсказуемыми, а потому опасными. Первой в списке стояла вдова Загряжского. Жадная, вспыльчивая, она не казалась полковнику серьезным конкурентом. Другое дело – Алиса, любовница покойного.

Умная, ловкая, хорошо тренированная женщина внушала полковнику невольное уважение. Были, конечно, еще бандиты, подчиненные убитого авторитета.

Скорее всего, они ничего не знали о «Серебряном соколе» и хотели только отомстить за шефа. Их Антонов не слишком опасался ввиду умеренных умственных способностей.

Параллельно наблюдению за конкурентами Антонов попробовал прощупать ведущего разработчика самолета Павла Грибова – возможно, у того сохранились черновые материалы, которые можно быстро привести в порядок и на их основе подготовить еще один комплект документов взамен пропавшего. Припугнув жену Грибова, полковник выяснил, что Загряжский предусмотрительно уничтожил все черновики и стер информацию в компьютере Павла.

Косвенным результатом посещения Грибовых стало то, что жена Павла Татьяна, стремясь отвести обвинения от своего мужа, включилась в поиски материалов Загряжского, как будто без нее вокруг злосчастной разработки толклось недостаточно соискателей. Вместе с ней на сцене появилась какая-то вовсе посторонняя тетка среднего возраста, почему-то вызывавшая у Антонова особенно сильное раздражение.

Полковник ни на минуту не верил, что эти две дилетантки найдут тайник Загряжского, но на всякий случай за ними тоже следил, чтобы случайно не упустить важный элемент картины, как он упустил родственные связи Загряжского и Кабаныча.

* * *

Надежду полностью захватило дело о «Серебряном соколе». С тех пор как она познакомилась с Павлом Грибовым, она всей душой хотела помочь ему выбраться из тисков. Это стало ее личным делом, а Павла она считала близким другом. Приходилось радоваться двум вещам: тому, что муж все время на работе и не знает о ее постоянных отлучках из дома, и тому, что ей позволили оформить на работе отпуск за свой счет, чтобы спокойно долечивать сломанную

ногу.

Нужно было ходить еще на массаж и на физиотерапию, делать целый комплекс упражнений два раза в день. Таким образом, времени на домашнее хозяйство оставалось очень мало, и Сан Саныч вечерами смотрел с тихим укором, как Надежда подсовывает ему надоевшие пельмени.

У кота Бейсика было свое мнение по поводу поведения Надежды. Возможно, он и пытался нашептывать Сан Санычу гадости, но либо еще не научился выражать свои мысли человеческим языком, либо Сан Саныч никак не отреагировал на ябедничество кота.

Вечером муж привел в гости своего внука Вовку.

Поскольку брак у обоих был второй, то дети и внуки были отдельными, но оба – и Надежда, и Сан Саныч – любили их одинаково. Надежда по случаю прихода дорогого гостя испекла свой коронный песочный пирог с черносмородиновым вареньем и открыла банку замечательного сливового компота. После ужина Сан Саныч порешал с внуком задачки по геометрии и остался доволен.

- С математикой у него неплохо! – гордо сообщил он жене. – Весь в меня. Но вот грамотность...

- Для грамотности я знаю только одно средство, – безапелляционно заявила Надежда, – нужно читать, читать и читать...

- Вовка! – окликнула она мальчишку, который уже сидел перед компьютером. – Ты читаешь хоть что-нибудь?

- А как же, тетя Надя! – отозвался тот, переходя на следующий уровень. – Вон у меня с собой отличная книжка...

Надежда взяла в руки книгу в глянцевой обложке, на которой скалилась зубастая рожа с рогами и в жутких бородавках.

- «Монстры подземного королевства», – прочитала она в ужасе, – я себе представляю... А другие книги ты не пробовал читать?

- Ну, тетя Надя, скучно же! Не «Муму» же мне читать!

- Ну почему у вас только «Муму» на все случаи жизни! Вот, например, замечательная книга. – Надежда достала том с полки. – «Кортик», «Бронзовая птица»... Мне в твоём возрасте очень нравилось.

Вовка посмотрел на нее так выразительно, что она устыдилась своей непроходимой отсталости и поставила книжку на место.

Постояв секунду перед полкой, она вдруг снова вытащила книгу и уставилась на нее так, словно увидела привидение.

Сан Саныч удивленно посмотрел на жену и спросил:

- Надя, что с тобой? У тебя такой странный вид...

- Ничего, ничего, – ответила Надежда задумчиво, – мне просто пришла в голову одна мысль...

Сан Саныч насторожился: когда его жене неожиданно приходила в голову «одна мысль», это

обычно заканчивалось какой-нибудь крайне опасной авантюрой.

Дождавшись, пока Сан Саныч сел смотреть свою любимую передачу про животных «Закон джунглей», Надежда вытащила телефон в коридор и набрала номер Грибовых.

- Татьяна! - проговорила она в трубку конспиративным голосом. - Ты помнишь такую книжку детскую - «Бронзовая птица»?

- Господи, Надежда, ты мне только из-за этого звонишь?

- А что такого? - удивилась Надежда. - Время же еще детское, одиннадцати нет!

- Да я Паше перед сном массаж делаю... Ладно уж, все равно прервалась. Ну, читала я эту книгу в детстве, помню, конечно, а почему тебя это в одиннадцать вечера так волнует?

- Я все поняла! - заявила Надежда так громко и с таким волнением, что проходивший в это время по коридору с очень деловым видом Бейсик шарахнулся в сторону.

- Что ты поняла? - спросила Татьяна с бесконечным терпением.

- Ну, Таня, назови еще раз эту книгу!

- Какую? «Бронзовая птица»?

- Да! Да!

- Ну, «Бронзовая птица»...

- Неужели тебе это название ничего не напоминает?

- Ну, еще есть книга «Кортик».

- Да нет, само название, «Бронзовая птица».

- Ну, «Бронзовая птица»... «Серебряный сокол»...

- Вот! - заорала Надежда так, что Сан Саныч выглянул из комнаты и спросил жену, что случилось и как она себя чувствует.

- Ничего не случилось, - успокоила его Надежда, - мне знакомая сериал бразильский пересказывает.

Сан Саныч не поверил - Надежда Николаевна никогда не смотрела латиноамериканские сериалы, но по телевизору показывали в это время хищников семейства кошачьих, и он ушел из коридора вместе с Бейсиком.

- Ну вот, - повторила Надежда, на этот раз вполголоса, - ты тоже поняла.

- Что я должна была понять? - Татьянино терпение, кажется, подходило к концу.

- «Бронзовая птица», «Серебряный сокол»! Не случайно эти названия так похожи! Вот скажи: кто придумал название для самолета - не Загряжский?

- Не знаю, может быть, и Загряжский. Ну и что с того? Может быть, ему эта книга в детстве

правилась.

- А вот что с того. - Голос Надежды переполнился торжеством, будто она собиралась рассказать Татьяне сногшибательную сплетню про хорошую общую знакомую. - Ты саму книгу-то помнишь?

- Ну, более или менее. - Татьяна явно скучала.

- Так вот, там тоже искали тайник и сначала долго думали, что его нужно искать по карте. Прямо как мы с тобой в той несчастной часовне. А потом их осенило, что все дело не в карте, а в самой бронзовой птице, она сама была ключом к тайнику.

- Да? - с вежливым интересом переспросила Татьяна. - Это я как-то подзабыла. Ну и что? При чем тут наш случай?

- Может быть, мы зря искали тайник по карте, и в нашем случае тоже ключ к поискам заключен в самом «Серебряном соколе».

- Но ведь никакого сокола не существует, - сдержанно возразила Татьяна. - Там-то взаправду была бронзовая птица, а у нас - одно название... красивое название, и только, одни слова!

- Значит, и нужно искать разгадку в этих словах, в названии самолета! И вообще, - Надежда покосилась на дверь комнаты, - мне кажется, это не телефонный разговор. Давай завтра где-нибудь встретимся. Кстати, у тебя в сумке остались те две карты... ну, ты меня понимаешь, которые мы... взяли в гостях, так ты их захвати с собой. У меня есть кое-какие мысли, связанные с этими картами.

Татьяна только вздохнула.

* * *

На следующий день дамы встретились снова в кондитерской «Норд» - так было ближе обеим. Надежда с нежностью вспомнила тамошние фруктовые корзиночки и предложила это место встречи, хотя и чувствовала угрызения совести, а Татьяна, спокойно относившаяся к своему весу, возражать не стала. Взяв пирожные и маленький чайник чаю, дамы устроились за тем же, что и прошлый раз, угловым столиком.

- Вот что я тебе скажу, - начала Надежда, - я сегодня полночи не спала, все думала. Так вот, не зря Загряжский упомянул в письме Калории про ее куриные мозги. Видно, очень хорошо он свою жену знал.

Значит, карты на стене она разглядеть догадалась, нашла на них прокол и вычислила часовню. И все, дальше - тупик, потому что в часовне она ничегошеньки не нашла.

- И мы, кстати, тоже, - ехидно вставила Татьяна.

- Так и было задумано! - воскликнула Надежда. - Это - первый уровень, как в компьютерной игре. Калерия выбыла из игры, потому что не взяла карты из кабинета и теперь просто не знает, что делать дальше.

Она считает, что муж ее обманул. Но мы переходим на следующий уровень, потому что мы умнее Калерии, мы догадались прихватить карты с собой, вернее, она бы и рада была их взять, да у нее над душой стоял начальник АХО и внимательно следил, чтобы она из кабинета чего-

нибуть не вынесла.

- Да, а на тебя Загряжский не рассчитывал, - произнесла Татьяна с легким сарказмом.

- Доставай карты! - скомандовала Надежда, предпочитая этого сарказма не услышать.

Татьяна выложила на стол карты Москвы и Петербурга и выжидательно посмотрела на подругу.

- Значит, птицы у нас нет, - начала Надежда тоном фокусника, объясняющего зрителям, откуда у него в шляпе берутся кролики, - у нас есть только название «Серебряный сокол». Я Москву знаю довольно плохо, но помню, что там есть такая станция метро - «Сокол».

- Есть, - подтвердила Татьяна, начиная понемногу проявлять интерес к Надеждиным рассуждениям, - и на этом фрагменте карты он присутствует.

- А нет там чего-нибудь серебряного?

- Серебряный Бор, - не задумываясь, выпалила Татьяна.

- Ага! - Надежда выглядела так, будто только что вытащила из шляпы не кролика, а целого гиппопотама. - Ну-ка давай найдем их на карте!

- Метро «Сокол» - вот оно, в квадрате Б4, - быстро сообщила Татьяна, по своей прежней профессии прекрасно обращавшаяся с картами, - а Серебряный Бор - в этом углу, квадрат К12.

Пометив найденные места на карте карандашом, Татьяна с интересом уставилась на подругу, ожидая продолжения.

- А что ты так на меня смотришь? - спросила Надежда, запихивая в рот последний кусочек корзиночки. - Я фокусник, что ли? Я все тебе сказала, до чего додумалась, а дальше будем думать вместе.

Женщины надолго замолчали, уставившись в разложенные на столе карты, как полководцы перед боем.

- Господи! - нарушила наконец молчание Татьяна. - Неужели придется ехать в Москву?

- Ой, - Надежда Николаевна посмотрела на нее в ужасе, - что мне муж устроит - страшно подумать!

Татьяна саркастически усмехнулась:

- Страшно подумать! Мой муж просто не выживет без меня! Во всяком случае, очень тяжело перенесет мое отсутствие.

- Ну, значит, нужно искать в Петербурге, - решительно заявила Надежда. - Знаешь, как в анекдоте:

«Вы что тут ищете? - Да я вон там деньги потерял. - А почему же ищете здесь, если потеряли там? - А здесь светлее».

Татьяна рассмеялась, но смех ее звучал немного грустно.

- Как же мы будем искать в Петербурге, если «Сокол» и Серебряный Бор - в Москве?

- Не знаю! - раздраженно воскликнула Надежда. - Говорю ведь - я не фокусник! Думать, думать нужно!

Она сложила вдвое салфетку и, сделав из нее что-то вроде маленькой линейки, попробовала провести на карте Москвы прямую линию между «Соколом» и Серебряным Бором. Линия получилась очень кривая и неаккуратная.

- Ну и что это будет? - спросила Татьяна, скептически посмотрев на результат геометрических построений.

- Черт его знает! - Надежда пожала плечами.

Татьяна взглянула на часы и сказала:

- Ну, мне пора. Паша меня ждет. Все равно мы ни до чего не додумаемся.

- Ладно. - Надежда сложила карты вместе, чтобы сунуть их в сумку. - Может быть, на досуге осенит.

Она уже собралась убрать карты со стола, но вдруг застыла с поднятой рукой.

- Что такое? - недовольно окликнула ее Грибова. - Опять какая-то идея?

- Да, - решительно заявила Надежда Николаевна. - У тебя булавка найдется?

Татьяна тяжело вздохнула и снова полезла в сумку.

- Ну вот булавка, - сказала она наконец. - А в чем дело?

Надежда опять разложила на столе карты. Карта Москвы лежала сверху. Взяв в руку булавку, она проколола карту в том месте, где была обозначена станция «Сокол». Затем убрала карту Москвы и на карте Петербурга нашла место прокола.

- Ну и что? - недоуменно спросила Татьяна.

- Может быть, и ничего, - Надежда наклонилась над картой, - но, во всяком случае, мы можем, не уезжая из города, еще что-то проверить. Просто найдем это место и поглядим, что это такое. Это займет совсем немного времени - отсюда десять минут пешком.

- Ну ладно! - Татьяна застегнула сумку. - После нашей поездки в Ржевку потратить еще десять минут не жалко.

Надежда не очень хорошо ориентировалась на местности и дважды свернула не в тот переулок, и только когда Татьяна взяла карту в руки, дамы нашли наконец нужное место.

- Вот, это должно быть здесь.

Они стояли перед внушительным зданием серого гранита, по фасаду которого огромными медными буквами было написано: «Аквабанк».

- Я предлагаю зайти, раз уж мы все равно здесь.

- Так сюда, наверное, вход только по пропускам, - с сомнением проговорила Татьяна.

- Ну вот же - обмен валюты, уж сюда-то наверняка должны пускать всех желающих.

Дамы с решительным видом прошли мимо охранника и оказались в длинном низком зале, вдоль одной стены которого стояли мягкие кожаные диваны, а вдоль другой был ряд окошечек. К одному из этих окошек с надписью «Обмен валюты» стояла небольшая очередь, у большинства других было по одному два клиента или вообще никого.

Надежда неторопливо прошла по залу, читая объявления на стенах:

«Аквабанк предлагает своим клиентам кредиты на выгодных условиях»...

- Это не для нас, мы не члены этого профсоюза...

«Администрация просит клиентов банка срочно сдать подтверждение остатков за первый квартал»...

- Это тоже не для нас... а вот это уже гораздо интереснее:

«Аквабанк предлагает аренду личных сейфов. Собственный сейф в банке - это гарантия безопасности вашего имущества».

Надежда Николаевна выразительно посмотрела на Татьяну:

- Тебе не кажется, что мы пришли именно туда, куда нужно?

- Может быть. - Татьяна наконец оживилась. - Ты думаешь, что Загряжский держал документы в банковском сейфе? Но все равно мы ничего не сможем получить!

- Главное - не сдаваться, - ответила Надежда и подошла к окошечку, возле которого не было очереди.

- Девушка, - обратилась она к немолодой сотруднице, - вы не скажете, как у вас можно арендовать сейф?

- Пройдите к дежурному администратору в конце зала, он занимается такими вопросами.

Татьяна осталась ждать, устроившись на одном из диванов, а Надежда решительно направилась в кабинет с табличкой «Дежурный администратор».

Там ее встретил мужчина лет тридцати в неплохо сшитом костюме и почти подходящем к нему галстуке.

«Одеваться наши люди уже почти научились, - подумала Надежда, когда администратор выдал ей дежурную улыбку, - но хороший стоматолог пока немногим по карману».

- Чем могу быть вам полезен? - Администратор оценил не слишком многообещающий костюм посетительницы, и улыбка его слегка потускнела.

- Я хотела бы арендовать у вас сейф, - важно заявила Надежда Николаевна. - Расскажите мне, что для этого нужно и как у вас организована эта служба.

- С удовольствием! - Улыбка снова стала более сердечной. - Вы обратились именно туда, куда

нужно! Наш банк использует замечательные сейфы австрийской фирмы «Мюллер и Мюллер», настолько надежные, что за всю историю существования этой фирмы ни один ее сейф не был взломан. Вы хотите арендовать сейф как частное лицо или как представитель фирмы?

- Как частное лицо, - ответила Надежда, не моргнув глазом.

- Тогда вам вообще ничего не нужно... кроме денег за аренду, конечно.

- И не нужно предъявлять документов?

- Нет, многие наши клиенты желают сохранить анонимность, поэтому документы при аренде сейфа мы не требуем.

- А как же я получу доступ к своему сейфу?

- Вы можете договориться о доступе к сейфу по паролю, как это делается во многих известных швейцарских банках. В таком случае сейфом можете пользоваться не только вы, но и ваши доверенные лица, те, кому вы сообщите пароль.

- Мне кажется, это не очень надежно. - Надежда Николаевна в сомнении покачала головой.

- Нет, что вы! Мы предложим вам пароль высокой степени защиты... А впрочем, если это кажется вам недостаточно надежным, у нас есть новая услуга. Вы оставляете в памяти компьютера, управляющего доступом к сейфам, отпечаток своего пальца, и только по этому отпечатку вам вновь удастся получить доступ. Правда, при таком режиме сейфом не смогут воспользоваться ваши доверенные лица, но зато отпечаток пальца у вас всегда при себе, и его никто не сможет украсть или отнять...

- Вот именно! - проговорила Надежда крайне недоверчивым тоном. - А что в сейф не попадут доверенные лица - это даже хорошо: в наше время никому нельзя доверять!

- Я вас очень хорошо понимаю, - поддакнул ей администратор.

- Свободные сейфы у вас сейчас есть? - задала Надежда последний вопрос.

- Да, конечно. - Администратор заглянул в блокнот и сказал:

- Их не очень много. На личные сейфы большой спрос, но сейчас свободны несколько сейфов в секторе К. Например, К22, К46, К54...

- Спасибо, - Надежда встала из-за стола. - Я обдумаю и в ближайшие дни приду к вам.

Увидев горящие глаза Надежды, Татьяна шагнула ей навстречу:

- Ну что? Судя по твоему виду, удалось узнать что-то очень важное.

- Еще бы! Теперь у меня не осталось никаких сомнений - мы нашли тайник Загрязского! Помнишь, в каком квадрате расположен на карте Москвы Серебряный Бор?

- Кажется, К 12.

- А в этом банке личные сейфы нумеруются именно такими сочетаниями - буква и две цифры, причем сейчас свободны сейфы именно в секторе К. Мне предложили ячейки К22, К46, К54... Когда он назвал эти номера, я сразу вспомнила квадрат на московской карте!

- Может быть, это совпадения, - неуверенно протянула Татьяна.

- Не слишком ли много совпадений? Мы нашли место, соответствующее «Соколу», - и здесь оказался банк с личными сейфами, нашли Серебряный Бор - и его координаты на карте вполне подходят для номера сейфа... Я верю, что мы на правильном пути! Верю! - горячо воскликнула Надежда.

На нее покосилась солидная дама, стоявшая возле окошка с надписью «Приходная касса».

- Ну и что дальше? - тихо заговорила Татьяна. - Допустим, ты права, и в сейфе, который арендовал Загряжский, лежат документы по «Серебряному соколу». Как мы их достанем? Ведь там шифр...

Надежда уже открыла рот, чтобы рассказать ей о пальце, отрезанном у мертвеца, что хранится у нее дома в потайном месте, но в последнюю долю секунды вдруг передумала. Ее насторожил сарказм в голосе Татьяны, и, если окажется, что все напрасно, что она ошиблась, Надежда вовсе не хотела принимать насмешки. Она решила обследовать сейф самостоятельно.

* * *

Алиса находилась в крайней степени ярости. Завтра прилетает японец, а у нее дело так и не сдвинулось.

К японцу нужно идти с разработкой в кармане, ни в каких предварительных переговорах он участвовать не станет. Что толку с того, что она знает, где находятся документы? Она же не может их оттуда достать: ключ от сейфа, то есть палец, никак не удастся выцарапать у мерзкой тетки.

Тетка держится очень профессионально, из дому выходит только днем, часто не одна, а с кем-нибудь.

Дома же у них стоит отличная железная дверь и замок израильский, такой не так просто открыть. То есть открыть-то можно, но не среди бела дня, когда в соседней квартире собачка все время тявкает и соседка выходит то мусор вынести, то с этой собачкой погулять.

Алиса просто не поверила своим глазам, когда увидела двух интересующих ее женщин возле здания «Аквабанка». Они догадались! Непонятно как, но они догадались! Ну ничего, теперь она просто прилипнет к ненавистой тетке и дождетя, когда та сама достанет документы. О том, что они могут ее узнать, Алиса не беспокоилась - так изменила внешность, что сама себя зеркале не узнавала.

* * *

Надежда Николаевна перетрясла свой гардероб в поисках чего-нибудь настолько приличного, чтобы можно было достоверно сыграть обеспеченную даму, владелицу частного банковского сейфа. Единственное, что попало ей на глаза, был французский костюм замечательного бутылочно-зеленого цвета, присланный из Парижа давнишней, еще институтских времен, подругой Ирой Моисеевой, благополучно проживающей там с мужем, французом по фамилии Ларош.

Костюм этот Надежда сразу по получении посылки записала на самое дно шкафа и даже думала порвать с Ирой дипломатические отношения, несмотря на связывающую их многолетнюю дружбу и еще теснее сплотившие совместные приключения.

Дело в том, что зараза Ирка, на глаз переоценив Надеждины габариты, прислала костюм на размер больше, чем нужно. Представив себе, как эта змея подколотная ходила по Парижу и выбирала костюм такого размера, Надежда на два дня перестала разговаривать с мужем и как следует отлупила газетой кота Бейсика.

Бейсик очень обиделся, потому что как раз в этот день за ним не было никакой вины, а муж ничего не заметил, потому что, как всегда, приходил домой очень поздно с очередной халтуры и успевал только поесть, прежде чем заснуть мертвым сном.

И вот теперь Надежда задумчиво смотрела на парижский костюм. В больнице она поправилась, и костюм мог теперь стать ей впору. С одной стороны, это было бы страшным ударом по самолюбию, но, с другой стороны, для дела трудно было бы найти что-нибудь более подходящее.

Желание довести до конца очередную авантюру перевесило, и Надежда надела костюм.

Он сидел отлично до неприличия. Едва не заплакав от такого удара, Надежда Николаевна отправилась в банк.

Сразу же в дверях она сняла плащ, перебросив его через руку и демонстрируя окружающим замечательный костюм.

При предыдущем посещении она выяснила, куда нужно идти счастливым обладателям сейфов, и решительно подошла к загораживающей вход в подвал решетке.

- К 12, - уверенно сообщила она широкоплечему охраннику.

Надежда Николаевна не сомневалась, что в голове у охранника вряд ли больше трех извилин и он наверняка не помнит в лицо всех держателей сейфов, а документы, как ей уже объяснили, здесь не требуются.

И действительно, парень загремел ключами и пропустил даму в элегантном зеленом костюме в преддверие хранилища. Отсюда массивная стальная дверь вела в само помещение с сейфами.

Возле двери на невысоком офисном столике стоял компьютер. По-видимому, на его клавиатуре полагалось набирать пароль для доступа к сейфам. Охранник держался индифферентно, не собираясь помогать клиентке, - видимо, те, кто действительно абонировали здесь сейфы, без него прекрасно знали, что полагается делать. Сейчас это было Надежде на руку.

Повернувшись спиной к охраннику, чтобы он не видел ее манипуляций, она достала из сумочки фарфоровую баночку из-под крема. Собрав в кулак всю свою волю, чтобы преодолеть отвращение, открыла баночку, вынула из нее стеклянную гильзу с пальцем мертвеца.

Обернув руку носовым платком, достала палец из раствора и только сейчас задумалась, что с этим ужасным предметом делать.

На столе рядом с компьютером лежало плоское устройство в виде сканера. Посредине плоскости прибора было небольшое круглое углубление. Поскольку ничего более подходящего рядом не наблюдалось, Надежда решительно приложила подушечку мертвого пальца к этому углублению. Тут же в левой части экрана компьютера возникло изображение отпечатка пальца со сложным спиральным рисунком папиллярных узоров. Рядом на свободной правой части экрана один за другим возникали новые отпечатки пальцев - видимо, компьютер сличал отпечаток Загряжского со своей базой данных. Надежда в понятном волнении следила за этой процедурой.

На экране сменилось уже десять-двенадцать отпечатков, и наконец один из них зафиксировался, и в нижней части монитора загорелась надпись:

«Идентификация произведена».

В ту же секунду раздалось ровное гудение мотора, и с громким металлическим щелчком открылся замок на стальной двери в хранилище.

Надежда поспешно спрятала палец мертвеца, пока его не заметил охранник. Стальная дверь плавно распахнулась.

- Можете пройти! - важно объявил охранник, будто он оказал этим Надежде большую услугу.

Надежда, удивляясь собственной удачливости, вошла внутрь хранилища.

- Секция К - вперед и направо! - напутствовал ее парень, оставшийся перед входом.

Надежда оказалась в длинном разветвляющемся коридоре, напоминающем автоматическую камеру хранения, только вокруг нее были не обшарпанные ящики с пластмассовыми ручками для набора кода, а аккуратные стальные сейфы, сам вид которых говорил о прочности, надежности и богатстве.

Пройдя, как велел охранник, вперед и направо, Надежда Николаевна увидела букву К над очередной секцией сейфов. Над одним из стальных ящиков во втором ряду сверху светился зеленый огонек, видимо для того, чтобы облегчить владельцу сейфа поиск своей ячейки. Действительно, Надежда прочла на этом сейфе номер 12.

На стальной стенке тоже было сделано углубление для пальца. Воровато оглядевшись по сторонам, как будто здесь за ней кто-то мог наблюдать, Надежда снова достала палец Загрязского. Теперь неприятная процедура прошла гораздо легче.

«Еще немного тренировки, и я буду общаться с трупами запросто!» - подумала она и вложила палец в углубление.

Раздался мягкий щелчок, и дверца сейфа распахнулась.

С замиранием сердца Надежда Николаевна заглянула внутрь. В темном ящике лежала кожаная папка на «молнии». Надежда достала папку, расстегнула «молнию». Перед ней оказались два компьютерных диска и прозрачный пластиковый конверт с тонкими листами, испещренными мелким текстом с вкрапленными в него математическими формулами.

Подумав, Надежда положила компакт-диски в карман плаща, а пластиковый конверт засунула под пояс юбки французского костюма.

Взяв кожаную папку в руку и сделавшись похожей на стопроцентную бизнес-леди, она захлопнула дверцу сейфа и пошла прочь из хранилища.

Охранник проводил ее скучающим взглядом.

Выйдя из банка, Надежда Николаевна направилась к ближайшей станции метро.

Она не прошла и ста метров от входа в банк, как вдруг из соседнего переулочка, ревя мотором, вылетел на полном ходу мотоцикл. Надежда не успела и глазом моргнуть, как мотоциклист, затянутый в черный кожаный костюм, в черном шлеме и зеркальной маске, закрывающей

лицо, промчавшись мимо нее, вырвал из рук кожаную папку и скрылся за углом.

Едва устояв на ногах, она посмотрела вслед черному мотоциклисту и порадовалась собственной предусмотрительности.

* * *

Мощный мотоцикл, подпрыгивая на неровностях асфальта, как норовистый конь, свернул в тихий переулок, выходящий к Витебскому проспекту, пролетел его и оказался возле ряда серых бетонных гаражей, протянувшихся вдоль железнодорожной насыпи. Мотоциклист резко затормозил перед одним из боксов, так что машина поднялась на дыбы, как Россия под Петром Великим.

Бросив взгляд на стоящий метрах в пятидесяти черный джип без пассажиров и не найдя в нем ничего подозрительного, мотоциклист вынул из кармана своего черного кожаного костюма пульт управления, нажал на кнопку, и ворота гаража поднялись. Въехав внутрь, опустив ворота и включив в неожиданно просторном боксе свет, мотоциклист снял черный шлем с зеркальной маской и встряхнул длинными светлыми волосами, зазмеившимися по плечам.

- Здравствуй, Алиса! - раздался за спиной мужской голос, и одновременно послышался металлический щелчок, который невозможно спутать ни с каким другим звуком: это был звук, с каким снимают пистолет с предохранителя.

Алиса резко повернулась к двери гаража, одновременно потянувшись рукой к поясу.

- Не дергайся, детка, - с усмешкой произнес высокий мужчина лет сорока в длинном черном плаще и повел стволом пистолета, направив его прямо в лоб своей собеседницы. - Здравствуй, дорогая, давно не виделись!

- С каких это пор мы с тобой, козел, стали на «ты»? - спросила Алиса, разглядев своего знакомого.

- А с тех пор, как я у тебя в квартире провалялся без сознания два часа! - ответил мужчина, и глаза его недобро блеснули. - Ты передо мной теперь в долгу, а с должниками я предпочитаю не церемониться.

- Ах да! - Алиса коротко засмеялась. - А как поживают твои ребята, которых я пристроила в ментовку? Им там, я думаю, бока как следует намяли!

- Так это тоже твоя работа? - скривился Алекс.

- А ты что думал - просто счастливый случай?

- Ну ладно, - Алекс слегка повел стволом пистолета, - вечер воспоминаний считаю законченным.

Твое везение тоже. Переходим к официальной части.

Папку!

- Какую еще папку? - Алиса отступила на шаг назад, но Алекс нажал на спусковой крючок, послышался негромкий хлопок, и пуля выбила щербину в бетонном полу у самых ног Алисы.

- Стоять! - рявкнул Алекс, будто выстрела было недостаточно.

Алиса застыла на месте, оскалившись, как загнанная в угол крыса.

- Не сердь меня, - проговорил Алекс гораздо тише, - ты прекрасно знаешь, о какой папке я говорю.

- С чего ты взял, что она у меня?

- Я следил за тобой. - Алекс чуть заметно усмехнулся, и его щека дернулась в нервном тике. - За тобой и за теми двумя женщинами. Я ждал, пока вы достанете папку Загрязского, чтобы потом получить ее. Честно говоря, я думал, что ты будешь первой - все-таки ты профессионал, а они любители, но им, наверное, больше повезло. Впрочем, мне совершенно все равно, кто из вас оказался впереди. За финишной чертой победителя поджидаю я. Так что отдавай папку, и расстанемся навсегда, сохранив друг о друге самые лучшие воспоминания.

- Я знаю, какой смысл ты вкладываешь в слова «расстанемся навсегда», - тихо сказала Алиса и добавила:

- А где твои черные очки?

- Какие еще очки? - недоуменно спросил Алекс.

- Форменные черные очки. Видел фильм - «Люди в черном»? Ты точь-в-точь как они - такой же черный и мрачный. Только черных очков не хватает, но ты их, наверное, надеваешь перед тем, как... расстаться с кем-нибудь навсегда.

- Ты еще шутишь? - Лицо Алекса перекозилось.

При большом воображении это можно было посчитать усмешкой. Впрочем, скорее всего, это был просто нервный тик.

- Ты еще шутишь. Это хорошо. Давай папку - и разойдемся.

Алиса еще чуть попятилась, но пуля снова ударила в бетонный пол возле ее ног, и она застыла на месте.

- Папка в ящике на мотоцикле, - зло проговорила она наконец, указав глазами на хромированный сундучок, закрепленный чуть ниже седла.

- Сама достань, - приказал Алекс, - мне твои сюрпризы с прошлой встречи надоели! Только двигайся медленно и вдумчиво, одно резкое движение - и я тебя изуродую на всю жизнь, ни один пластический хирург не поможет!

Алиса, вполголоса ругаясь, медленно двинулась к мотоциклу.

- Руки держи на виду! - прикрикнул Алекс. - Двигайся еще медленнее!

С черепашьей скоростью Алиса подошла к мотоциклу, держа руки так, чтобы человек в черном все время видел их, открыла замок сундучка и откинула хромированную крышку. Внутри лежала кожаная папка.

- Медленно, очень медленно доставай папку, - скомандовал Алекс. - Чуть дернешься - прострелю руки!

Алиса вынула папку из ящика, держа двумя руками, показала своему противнику.

- Теперь медленно расстегни «молнию». Посмотрим, что там у тебя лежит, может быть, ты хочешь меня обмануть. Так я тебе не советую даже пытаться.

Алиса потянула «молнию», раскрыла папку, и на пол посыпались чистые белые листы.

- Стерва! - выкрикнул Алекс. - За кого ты меня принимаешь?

- Сволочь, - одновременно с ним взвизгнула Алиса, - старая паразитка! Кинула меня!

Неподдельная ярость, охватившая Алису при виде содержимого папки, удивила Алекса. Он смотрел на нее, и злобная гримаса, исказившая его лицо в первый момент, понемногу сменилась обычной кривой усмешкой, переходящей в нервный тик.

- Так что, эта хромоногая бестия тебя, похоже, перехитрила? Да нет, ты меня просто пытаешься снова обдурить! Нет, детка, этот номер у тебя не пройдет! Говори, где ты спрятала документы?

Разозлившись, Алекс подошел к женщине слишком близко, на расстояние удара, и она не преминула этим воспользоваться: резко вскинув ногу, выбила пистолет из руки в черной перчатке. Оружие, звякнув о бетонный пол, откатилось в сторону. Алиса, крутанувшись вокруг своей оси, еще раз ударила ногой своего противника. Он успел отскочить, и удар не попал в голову, куда метила Алиса, но все же пришелся по корпусу. Мужчина негромко выругался, перенес вес тела на правую ногу, левой ударив Алису по колену. Женщина охнула и на долю секунды потеряла равновесие, но, когда ее противник попытался развить успех и метнулся вперед, чтобы нанести ей сокрушительный удар в голову, она ускользнула от удара и, как учил ее старый китаец Джоу Фань, используя движение противника, потянула его на себя, затем упала на спину, упершись ногой в живот Алекса, и бросила его через себя на бетонный пол.

Она не успела вскочить на ноги, как Алекс очухался и перекатился по полу, прижав ее к земле. Недалеко от Алисы лежал пистолет, она попыталась дотянуться до него, но мужчина перехватил ее руку и сжал как в клещах. Неожиданно над головой у Алисы послышалось ровное гудение. Скосив глаза, она увидела, что автоматические ворота бокса поползли вверх. Алиса поняла, что, перекатившись по полу, она нечаянно нажала кнопку пульта. Похлопав по бетонному полу свободной левой рукой, она нашла пульт, собираясь за неимением другого оружия ударить им Алекса по голове.

Тем временем Алекс, не выпуская ее из железных объятий, пытался дотянуться до пистолета. Алиса напрягла все тело и рванулась, к выходу из бокса, тем самым оттащив противника от оружия. Лицо его, перекошенное нервным тиком, нависло прямо над ней, и, отпустив ее руки, Алекс схватил ее за горло и начал душить. В глазах у нее потемнело, все тело охватила противная сладковатая слабость. Показалось так заманчиво затихнуть, прекратить сопротивление, отдаться этой наплывающей на нее душной тьме... Руки и ноги свела непроизвольная судорога, и нечаянным напряжением мышц Алиса снова нажала на кнопку пульта. В глазах у нее становилось все темнее и темнее. Ее понесло уже куда-то далеко мягкими укачивающими волнами, и сквозь плеск этих волн Алиса опять услышала ровное гудение мотора.

Этот звук не имел уже для нее никакого значения, уже ничто не имело никакого значения, она была уже далеко, очень далеко, на полпути к полному покою...

Но вдруг спускающаяся дверь бокса надавила на затылок Алекса, и он, взыв от боли, разжал руки. Алиса невероятным, неизвестно откуда взявшимся импульсом воли выкатилась из-под него и отползла в сторону, а Алекс, не понимая, что происходит, завертелся, но опускающаяся

стальная дверь надавила на его шейные позвонки и с жутким хрустом переломила их.

Алиса несколько минут лежала неподвижно, приходя в себя, сбрасывая тяжелое дурманное оцепенение едва не утащившей ее смерти.

Наконец она сумела встать на ноги, еще слегка покачиваясь. До этого момента у нее была только одна задача: выжить. Все остальные вопросы отступили, были несущественны. Теперь проблемы обрушились на нее как снежная лавина.

Первая, не слишком серьезная, – избавиться от трупа Алекса и от его джипа: Алиса задним числом вспомнила, что именно его машина стояла недалеко от гаража.

А самая большая и серьезная проблема – заполучить наконец злополучные документы. Покойный подонок Алекс в одном был прав: хромоногая стерва действительно перехитрила Алису, под самым носом умудрилась вынести документы из банка, а Алиса выхватила у нее из рук пустую папку... Ну ничего, с ней-то Алиса разберется!

* * *

Надежда влетела на свой пятый этаж, совершенно забыв про больную ногу. Вообще в последнее время как-то некогда стало заниматься лечебной физкультурой и массажем, но нога, как ни странно, чувствовала себя гораздо лучше. Надежда набрала номер Грибовых и закричала в трубку:

- Они у меня! Ты понимаешь, они у меня!

- Это правда? – Голос у Татьяны был сдавленный. – Ты не ошиблась? Это действительно то, что мы искали?

- Совершенно точно! – захлебывалась Надежда. – Можешь себе представить, мы все рассчитали правильно!

- Что думаешь делать? – Снова голос у Татьяны звучал непривычно.

- Надо подумать, – опомнилась Надежда.

Действительно, что теперь делать? Идти к тому человеку из органов, Антонову, и отдать ему разработку?

Дескать, будьте любезны, возьмите, пожалуйста, на блюдечке с голубой каемочкой! И что дальше? Где гарантия, что Павла оставят в покое? И куда этот Антонов денет разработку?

- Я подумаю и вечером тебе позвоню, – повторила Надежда. – Теперь нужно очень точно все рассчитать.

- Ты права, – откликнулась Татьяна.

* * *

В середине дня возле домика Грибовых остановился зеленый микроавтобус с замазанными краской окнами и надписью «ветеринарная служба» на борту. Из него вышли трое мужчин в темно-зеленых халатах поверх теплой одежды и с марлевыми повязками, закрывающими пол-лица.

Войдя в калитку, приезжие двинулись к дому.

Заливаясь лаем, навстречу незнакомым людям выскочил Хаттаб.

- Тише, дурик, тише! - Один из троицы шагнул к собаке и, достав из кармана халата небольшой баллончик, выпустил в морду Хаттабу струю резко пахнувшей жидкости. Пес жалобно взвизгнул и упал на бок.

Трое поднялись на крыльцо и без стука вошли в дом.

Павел Грибов оторвался от экрана монитора и крикнул:

- Кто там? Танюша, это ты?

Дверь в комнату открылась, и на пороге появился человек с марлевой повязкой на лице.

- Кто вы? - испуганно спросил Грибов. - Что вам нужно?

- Тихо! - проговорил незнакомец. - Ветеринарная служба!

- При чем здесь ветеринарная служба? - Павел снял трубку телефона. - У нас из животных - одна собака!

- Говорят тебе - тихо! - повторил человек в маске и, взмахнув неожиданно появившимся у него в руке ножом, перерезал телефонный провод.

- Что... что это такое? Кто вы такой? - в панике повторял Павел, отъезжая в инвалидном кресле к, самой стене.

Человек в маске двумя большими шагами пересек комнату, склонился над инвалидом и, одной рукой обхватив его поперек туловища, чтобы лишить возможности сопротивляться, другой рукой прижал к его лицу марлевый тампон. Павел несколько раз судорожно вздохнул и обмяк в кресле.

В комнату вошли остальные «ветеринары». Двое подняли Павла и понесли его в микроавтобус, третий наклонился над клавиатурой компьютера и оставил на нем короткое сообщение.

Возвращаясь из поликлиники, еще с лестницы Надежда услышала истеричные звонки телефона. Поспешно открыв дверь квартиры, она бросилась к аппарату, споткнувшись, как всегда, о выбежавшего навстречу кота.

- Надежда! - услышала она в трубке голос Татьяны Грибовой. - Надежда, приезжай скорее к нам!

В голосе Татьяны, обычно спокойной и сдержанной до тошноты, звучало такое отчаяние, что ясно было - произошло что-то страшное.

- Что такое, что случилось?

- Приезжай! - повторила Татьяна, как автомат. - Приезжай! Павла похитили!

Надежда мгновенно собралась и через час уже была у Грибовых.

Татьяна стояла посреди комнаты с потерянным видом. Возле стены притулилось пустое

инвалидное кресло, рядом на полу валялась старинная диванная подушечка с вышитым золотым павлином.

- Вот, - показала Татьяна на эту подушку, - я подкладывала ему под спину... мы еще шутили и называли этого павлина Павликом... Он погибнет там!

- Что случилось? Расскажи подробно... - потребовала Надежда, оглядывая комнату.

- Я приехала, прошла в калитку... Хаттаб навстречу не выбежал, я удивилась, подошла к дому, смотрю - собака на тропинке лежит...

- Мертвая? - спросила Надежда.

- Нет, живая, но еле дышит... Я сразу почувствовала неладное. Вбежала в дом, кричу: «Паша, Паша...»

А его нет... - Татьяна замолчала, уставившись на пустое кресло мужа.

- Как ты поняла, что его похитили? - Надежда пыталась своими расспросами хоть как-то расшевелить женщину, от горя впадшую в болезненное отупение.

- Вот, прочитай. - Татьяна указала на светящийся экран монитора.

На нем была сделана запись:

«Если хочишь получить мужа живова никаму ни гавари. Если саабщиш в милицию или еще куда сразу убьем. Отдай сама знаешь какие бумаги. Приходи одна к метро Озерки сзади метро телефоны. Сиводня в семь второй слева прихади одна».

- Он попал в руки бандитов, - безжизненным голосом сказала Татьяна, - они его убьют. Это безусловно. Они его непременно убьют. По всему видно, какие это страшные люди.

- Да, - подтвердила Надежда, - и безграмотные.

- Что? - переспросила Татьяна, взглянув на Надежду удивленно. - А, да!

- Что они взяли, кроме Павла? - деловым тоном спросила Надежда Николаевна.

- Ничего, - мгновенно ответила Татьяна, - ни вещей, ни лекарств. Они его погубят.

- В милицию ты сообщила?

- Ты что?! - выкрикнула Татьяна с неожиданной яростью. - Они же тогда точно его убьют! Ни в коем случае нельзя никуда сообщать! Я должна сделать все, что они требуют! Документы у тебя с собой? Дай их мне! - Голос Татьяны стал решительным и твердым, она протянула руку, ожидая, что Надежда немедленно отдаст ей требуемое.

- Я не взяла их с собой, - удивленно ответила Надежда, - я никак не думала, что они сейчас понадобятся!

Татьяна встряхнула головой, словно сбрасывая с себя наваждение, и продолжила нормальным голосом:

- Очевидно, наши телефоны прослушиваются.

Как только они услышали, что документы у тебя, сразу же похитили Павла. Теперь у меня нет выхода – я должна его спасти. У нас есть еще время. Съезди за бумагами, встретимся около «Озерков», – она посмотрела на часы, – без десяти семь. Ты успеешь.

Они сказали, чтобы я была одна, ну да здесь ничего не поделаешь. До семи ты успеешь уйти.

Надежда внимательно посмотрела на нее и сказала:

- Только не делай никаких необдуманных шагов.

Я знаю, ты сильная женщина, ты справишься.

Выйдя во двор, она увидела Хаттаба, который, отряхиваясь, поднимался на ноги в стороне от тропинки, недалеко от крыльца. Вид у собаки был больной, очумелый и виноватый, но, к счастью, явно не умирающий.

* * *

Без десяти минут семь Надежда Николаевна обошла станцию метро «Озерки» сзади, со стороны Выборгского шоссе. На обратной стороне здания был установлен ряд таксофонов, некоторые еще работали.

Подходя к этим таксофонам, она столкнулась с Татьяной.

- Второй слева, – взволнованно сказала та, – посмотри. Там висит какая-то сумка. Но семи-то еще нет! Может быть, мы зря пришли раньше времени?

- Ничего, не волнуйся, – успокоила Надежда подругу и посмотрела на вторую слева кабинку.

Там на железном крючке действительно висела потрепанная матерчатая сумка. Надежда взглянула на часы. До назначенного времени оставалось еще шесть минут. Неожиданно к таксофону двинулся совершенно жуткий бомж – грязный, косматый, до глаз заросший седой щетиной. Он явно с вожделием смотрел на висящую в будке сумку.

- Ты куда прешься, скотина? – завизжала Татьяна, бросившись наперерез бомжу. – Не для тебя это повешено!

Бомж, уже протянувший руку к сумке, шарахнулся в сторону при виде такого напора. Он забормотал:

- Да ты чего, это моя, может быть, вещь, моя торбочка! Ну ты чего, чего?

Но не решился на прямое столкновение, увидев бешеные глаза Татьяны, и, хромя на обе ноги, поплелся прочь, бормоча:

- Ну и бабы пошли! Убить готова за какую-то дрянь! Сумке-то руль вся цена, а она прямо как зверь напустилась...

Татьяна стояла возле будки, оглядываясь по сторонам.

И вдруг в сумке послышалась негромкая трель мобильного телефона. Татьяна схватила сумку, вытряхнула из нее содержимое. На асфальт полетели какие-то тряпки, бумаги, и в руке у нее наконец оказался заливающийся звонками маленький аппарат.

Надежда уже стояла рядом, с любопытством следя за событиями.

Татьяна включила кнопку ответа.

- Бумаги при тебе? - раздался в трубке хриплый голос.

- Да, - поспешно ответила Татьяна.

- Спускайся в метро, остановись возле книжного киоска на платформе и жди.

- Эй! - крикнула Татьяна, не обращая внимания на окружающих. - Паша у вас? Я должна его услышать, чтобы увериться, что он жив!

- Услышишь, услышишь, - ответил хриплый голос после небольшой паузы, - вот тебе твой Паша.

Несколько секунд в трубке не было слышно ни звука, но наконец раздался голос Грибова:

- Танюша, я жив... я не понимаю, что случилось, обратись в милицию...

После этих слов послышался негромкий крик, звук удара, и прежний хриплый голос сказал:

- Ты его не слушай. Если хочешь его живого увидеть - делай, как я велел.

- Я все сделаю, - быстро ответила Татьяна, - только обращайтесь с ним по-человечески! Он же инвалид!

- Не бойся, не бойся, - похититель чуть слышно рассмеялся, - получишь его в лучшем виде.

Трубка замолкла.

Татьяна убрала мобильник в карман и подняла глаза на Надежду Николаевну:

- Все, я пойду. Давай документы.

- Они не следят за нами, - сказала Надежда.

- Что? О чем ты говоришь?

- Они ничего не сказали, значит, не знают, что нас двое.

- Ну и что?

- Я пойду за тобой следом.

- Зачем это нужно? - Татьяна отшатнулась как от удара. - Это опасно! Они могут причинить зло Паше.

- Они ничего не сделают! Я не бросаюсь в глаза.

Кто я такая? Обычная немолодая женщина. Ты ведь не пошла в милицию, выполнила их требования... а так я хотя бы увижу, что ты сама жива, с тобой ничего не случилось... и если они нападут на тебя - вот тогда уже я обращусь в милицию. В этом случае все равно ничем уже нельзя будет повредить.

- Они не нападут! - заявила Татьяна с фанатической убежденностью. - Они выполняют уговор, если я его выполняю.

- Так будет спокойнее, - мягким голосом повторила Надежда, - я постараюсь идти за тобой незаметно.

Татьяна задумчиво посмотрела на нее и наконец кивнула:

- Хорошо. Давай документы.

Она расстегнула свою сумку, и Надежда осторожно положила туда конверт с компакт-дисками и бумагами.

- Ни пуха ни пера! - напутствовала она подругу, и они направились ко входу в метро.

На станции в этот час было очень людно - толпы народа возвращались с работы. Платформа была заполнена людьми, и Надежде трудно было следить за передвижениями Татьяны. Она увидела, как та остановилась возле книжного киоска и замерла в ожидании.

Правда, та же самая многолюдность играла им на руку в том смысле, что позволяла подойти к Татьяне довольно близко, не опасаясь быть замеченной.

Вот Татьяна достала телефон из кармана, внимательно выслушала инструкции и направилась к подходящему поезду, двигающемуся в сторону центра.

Надежда пошла следом. В этом направлении ехало гораздо меньше людей, вагоны были полупустыми, и Надежда, чтобы не слишком бросаться в глаза возможному наблюдателю, вошла в соседний с Татьяной вагон, откуда она могла отчетливо видеть подругу.

Поезд проехал «Удельную», приблизился к станции «Пионерская». Двери открылись.

Неожиданно Татьяна поднесла к уху телефон, вскочила со скамьи и шагнула к выходу из вагона. Надежда тоже бросилась к дверям, но в последний момент увидела, что Татьяна остановилась перед открытыми дверями, снова послушала телефон и осталась в вагоне - видимо, тот, кто отдавал ей по телефону приказы, хотел обмануть возможных преследователей, сбить их со следа.

Двери закрылись, и поезд пошел к станции «Черная речка».

Здесь повторилась та же история: Татьяна встала со скамьи, подошла к двери, не отрывая от уха мобильный телефон, и замерла в дверях, ожидая следующей команды.

Надежда стояла, внимательно наблюдая за ней, как бегун за стартовым пистолетом.

«Двери закрываются, - объявил голос в динамике, - следующая станция - „Петроградская“.»

И в этот момент Татьяна шагнула на платформу.

Надежда Николаевна едва успела выскочить следом, сжимающиеся двери чуть не придавили ее.

Татьяна снова выслушала приказ и перешла на другую сторону платформы - к поезду, направляющемуся в сторону проспекта Просвещения.

Этот поезд был плотно набит людьми, возвращающимися из города в спальные районы. Здесь, чтобы не потерять Татьяну из виду, нужно было держаться к ней как можно ближе, и Надежда вошла в тот же самый вагон.

В плотной человеческой массе она не могла пробиться ближе к Татьяне, но видела в дальнем конце вагона темно-синее пятно ее плаща. Теперь очень трудно было сохранить нужную для наблюдения мобильность. Надежда остановилась возле самой двери, чтобы успеть быстро выйти на станции вслед за Татьяной, – и ее тут же обругал толстый красномордый пенсионер:

– Что уперлась? Проходи внутрь вагона, курица!

Надежда с трудом удержалась от достойного ответа, ей очень хотелось обозвать этого хама боровом, как он того заслуживал, но это привлекло бы к ней внимание окружающих, и она, проглотив обиду, вполголоса ответила, что ей скоро выходить.

Когда поезд остановился на «Пионерской», Надежда привстала на цыпочки, чтобы не упустить Татьяну из виду. Синий плащ оставался на месте. Двери захлопнулись. Привязчивый пенсионер снова завелся:

– Чего же не вышла? И ездит, и ездит, сама не знает куда, только трудящимся людям мешает!

В слове «людям» он сделал ударение на последний слог, и это удивительно подошло к его образу. Надежда сделала над собой усилие и, вместо того чтобы огрызнуться в ответ, улыкнулась пенсионеру. Он мгновенно замолчал, побагровел от злости, но больше не вязался.

Поезд проехал перегон и остановился на «Удельной». Надежда снова приподнялась на цыпочки под полным ненависти взглядом толстого пенсионера.

И очень вовремя, потому что синий плащ уже выплыл на платформу.

– До свидания! – сказала Надежда борову с чарующей улыбкой и вышла из поезда.

Синий плащ уже плыл по эскалатору, и Надежде пришлось прибавить шагу, чтобы не потерять Татьяну из виду. Выйдя на улицу, она оказалась в хаосе торговой зоны и здесь еще больше прибавила шагу, протискиваясь в толпе. Синий плащ мелькал впереди, двигаясь в сторону перрона пригородной электрички.

Татьяна поднялась по ступеням на перрон, Надежда Николаевна устремилась следом, и вдруг ее остановил молодой человек с повязкой на рукаве:

– Ваш билет! Или у вас пенсионное?

Надежда в ужасе вспомнила, что на станцию «Удельная» давно пропускают по железнодорожному билету.

Еще больше ее расстроило предположение дежурного, что она уже на пенсии.

Бросив взгляд на удаляющийся синий плащ, она заметила, что Татьяна идет к платформе городского направления, и скорее побежала к кассе, чтобы купить билет.

По дороге она взглянула на расписание и увидела, что ближайшая электричка в сторону города пройдет через пять минут. Порадовавшись, что Татьяна едет в город – не дай бог, пришлось бы тащиться до Выборга, да и билеты туда гораздо дороже, – Надежда подбежала к

кассе.

Около окошечка, к счастью, было всего два человека, но рыжая тетка, которая стояла первой, была глухой и медлительной до безобразия. Она десять раз переспрашивала кассиршу, сколько нужно заплатить, а потом медленно искала по карманам мелкие монеты. Надежда нервно оглядывалась на настенные часы.

До поезда оставалось три минуты... две... наконец рыжая неспешно отошла от кассы.

- Молодой человек, - обратилась Надежда к парню в кожаной куртке с заклепками, чья очередь была за рыжей, - пропустите меня, у меня поезд через минуту!

- До города могла бы и на метро добраться! - недовольно буркнул металлист, но посторонился.

Надежда кинула кассирше деньги, схватила билет и бросилась к платформе, не обращая внимания на кассиршу, кричавшую ей вслед:

- Сдачу! Дама, сдачу возьмите!

Поезд уже стоял на платформе, Надежда, махнув билетиком перед носом дежурного, взлетела по ступеням и ворвалась в открытую дверь последнего вагона под звуки голоса, объявившего в динамик, что двери закрываются.

Сердце билось как сумасшедшее. С трудом отдышавшись, Надежда пошла вперед из вагона в вагон в поисках Татьяниного синего плаща. Электричка была достаточно свободной - большая часть людей вышла на «Удельной», чтобы пересесть в метро. Проходя вагон за вагоном, Надежда внимательно оглядывалась по сторонам, высматривая синий плащ, но ничего похожего пока не видела.

Добравшись до первого вагона, она увидела наконец идущую по проходу женщину в синем плаще. Переведя дух, села в уголок и стала смотреть в окно, чтобы не привлекать к себе внимания. Поезд уже подъезжал к «Ланской», последней остановке перед Финляндским вокзалом, и Надежда Николаевна осторожно повернулась к вагону, чтобы найти синий плащ и проследить - выйдет Татьяна на «Ланской» или поедет до конца.

Долго искать синий плащ ей не пришлось. Женщина в синем плаще подошла к ней, держа в руке компостер, и суровым голосом, какой бывает только у железнодорожных контролеров, произнесла:

- Ваш билет, дама! Или у вас пенсионное?

На ней был не просто синий плащ. На ней была синяя железнодорожная форма.

В очередной раз обидевшись, что в ней подозревают пенсионерку, и подумав, что она сегодня, наверное, очень плохо выглядит, Надежда Николаевна протянула билет.

Приходилось признать, что Татьяну она упустила.

* * *

Татьяна Грибова спустилась по ступеням с платформы, прошла вдоль путей и увидела светло-бежевую «пятерку». Открыв дверцу, она села на водительское сиденье, вставила ключ в зажигание. Машина завелась с пол-оборота, и Татьяна выехала на Удельный проспект.

Притормозив у перекрестка и пропустив рейсовый автобус, повернула к Поклонной горе.

И в это мгновение за спиной у нее раздался женский голос:

- Сюрприз! Не дергайся, спокойно выезжай на Выборгское шоссе.

В зеркале заднего вида Татьяна увидела выбравшуюся из-под сиденья Алису. И еще она увидела пистолет в ее руке - «беретту» 38-го калибра.

- Что тебе нужно? - с тихой ненавистью в голосе спросила Грибова.

Алиса рассмеялась:

- Будто ты не знаешь, что мне нужно. Вы со своей хромоногой подругой украли то, что принадлежит мне! Вы украли документы Загрязского.

- Это еще вопрос, принадлежали ли эти бумаги покойному Аркадию Ильичу, но уж тебе-то, милая, они не принадлежат ни с какого боку!

- Я его наследница! - выкрикнула Алиса. - Я была его женой!

- Да у него таких жен... - протянула Татьяна с усмешкой.

Алиса взвизгнула, как разъяренная кошка, и ударила Татьяну пистолетом по шее. Машина вильнула, Татьяна выровняла ее и, покосившись на Алису, проговорила:

- Хочешь, чтобы мы разбились? Валяй!

- А ты помалкивай, стерва! Сила на моей стороне, и ты будешь делать, что я прикажу! Сворачивай влево, нам нужно на шоссе!

Татьяна свернула на шоссе и нажала на газ.

- Ладно, черт с тобой, - Алиса заговорила с показной мягкостью, - так и быть, оставлю тебя в живых, а то кто же за твоим инвалидом-мужем будет присматривать. Сейчас приедем, куда я скажу, отдашь мне документы и диски - и свободна, поезжай на все четыре стороны...

Машина проехала Шуваловскую церковь, промчалась мимо Суздальских озер, миновала железнодорожный мост и покинула пределы города. Татьяна жала на газ, и до Алисы наконец дошло, что они едут с недопустимой скоростью.

- Эй! - окликнула она Татьяну. - Ты что это задумала? Ну-ка сбавь скорость или получишь пулю!

- Да? - покосилась Татьяна на нее. - Ты рискнешь выстрелить в меня на такой скорости? Подумай, дорогая, как следует! Мы вылетим на встречную полосу и так разобьемся, что от тебя останутся одни воспоминания, надо сказать, не самые приятные. Даже если не на встречную полосу, а в кювет - тебе будет ненамного легче, а я, между прочим, пристегнута ремнем и могу выжить...

- Снижай скорость, сука! - прошипела Алиса. - Все равно ты рано или поздно остановишься!

- Лучше позже, - усмехнулась Татьяна, - глядишь, что-нибудь произойдет, например, нас остановит ГАИ. Тогда тебе придется спрятать пистолет.

Алиса на заднем сиденье сжалась в комок и скрежетала от злости зубами. Пистолет в ее руке ходил ходуном, и в конце концов, чтобы случайно не выстрелить, она убрала его в наплечную кобуру.

Татьяна чувствовала спиной ее взгляд, полный ненависти и едва не прожигающий одежду.

Увидев, что Алиса убрала пистолет, Татьяна свернула с шоссе на боковую дорогу, не снижая скорости.

Машина запрыгала на неровностях и выбоинах дороги.

- Зараза! - вопила Алиса, подпрыгивая на сиденье и то и дело ударяясь головой о потолок. - Ты что делаешь? Мы же разобьемся к чертовой матери!

- Милочка, - как ни в чем не бывало ответила ей Грибова, - ты допустила большую ошибку: решила подкараулить меня в машине. В другой обстановке ты имеешь преимущество: ты сильнее, знаешь всякие восточные штучки, моложе, в конце концов... Но в машине со мной никто не справится. Я ведь, если ты помнишь, была испытателем... И самолет, и машину могу вести хоть в аду с завязанными глазами. Так что на твоём месте я бы отдала пистолет и свалила отсюда к вышеупомянутой чертовой матери.

- Не дожدهшься, зараза! - выкрикнула Алиса и, снова подпрыгнув на ухабе, прикусила язык.

- Я тебя предупредила, - хладнокровно произнесла Татьяна, покосившись в зеркало заднего вида.

Сжавшись, как тигр перед прыжком, пригнув голову и проверив ремень безопасности, она резко крутанула руль.

Киношники заплатили бы хорошие деньги, чтобы снять эти кадры.

Машина резко вылетела с дороги, потеряла контакт с землей и взлетела в воздух, будто Татьяна снова была не за рулем скромной «пятерки», а за штурвалом самолета.

Перекувырнувшись в воздухе, «Жигули» грохнулись на черную весеннюю землю с кое-где пробившейся первой травой.

Наступила тишина, только с тихим шорохом крутилось по инерции переднее колесо. Татьяна несколько раз глубоко вздохнула, отстегнула ремень и выбросила ноги в заранее открытое окошко. Она проверила спрятанную на груди папку с документами и компьютерными дисками, слегка размялась, убедившись, что не получила серьезных повреждений, бросила последний взгляд на Алису, которая без сознания валялась внутри машины, и, не испытывая никаких угрызений совести, побежала к дороге. Она успела отбежать метров на пятьдесят, когда бензобак «пятерки» взорвался.

Татьяна даже не оглянулась, чтобы посмотреть на пылающие обломки автомобиля.

* * *

Надежда открыла дверь и вошла в квартиру. То, что ее не встретил муж, было неудивительно: Сан Саныч трудился на очередной халтуре. Но вот то, что и кот не вышел навстречу хозяйке, показалось ей подозрительным. Теперь, когда прошло достаточно времени после ее возвращения из больницы, отношения с котом наладились, и, стоило ключу повернуться в

замке, Бейсик неспешно выплывал в коридор, подняв хвост трубой и распушив усы, а когда хозяйка появлялась на пороге, он тут же начинал тереться об ее ноги, показывая, как он соскучился без нее и как рад ее возвращению... По крайней мере, он позволял ей так думать.

Но сейчас рыжего создания не было в коридоре.

Надежда прошла в кухню, резонно ожидая увидеть Бейсика, но там кота тоже не было.

Зато там сидела Татьяна Грибова с холодными и злыми глазами, а на столе перед ней лежал пистолет.

Надежда покачнулась, как от удара, и, чтобы сохранить лицо, села на табуретку по другую сторону стола.

- Здравствуй, - сказала она Татьяне. - Как ты сюда попала?

- Здравствуй, - ответила Грибова. - Когда ты догадалась?

- Когда приехала к вам домой... в день похищения.

Ты, конечно, очень хорошо играла, прекрасно изображала ужас и растерянность, но прокололась в деталях.

- В каких же? - спросила Татьяна чуть насмешливо, хотя заметно было, что ее самолюбие уязвлено. - В чем я прокололась? Впрочем, сейчас это уже неважно, но любопытство, сама знаешь - очень сильное чувство...

- Да. - Надежда с пониманием кивнула. - Давай, раз уж мы сидим с тобой на кухне, выпьем чаю.

Татьяна пожала плечами, не возражая. Надежда Николаевна наполнила и включила электрический чайник и повернулась к Грибовой:

- Кстати, ты кота моего куда дела?

- Не думаешь же ты... - возмущенно начала Татьяна, потом усмехнулась и закончила с совершенно другой интонацией:

- Он от меня шарханулся как черт от ладана. Видно, спрятался где-нибудь на шкафу...

Надежда села обратно за стол и заговорила:

- Во-первых, тебя подвела склонность к деталям.

Письмо, оставленное похитителями, написано с таким чудовищным количеством ошибок! Наверное, это должно было убедить меня в том, что Павел попал в руки грубых, диких и очень опасных людей, что его жизни угрожает огромная опасность...

- Ну и что Же? - поторопила Татьяна, когда Надежда замолчала.

- Сама посуди, мог Ли Человек столь безграмотный написать свое послание на компьютере? Да он с такой техникой ни за что бы не справился! Нужно ведь не только разобраться с двужычной клавиатурой, но еще и выйти в Ворд... Нет, это никак не вяжется с полной безграмотностью послания!

И потом... насколько я знаю, вокруг «Серебряного сокола» крутилось множество народа, но таких тупых и безграмотных бандитов я что-то не заметила. Даже покойный Дух выражался относительно грамотным языком и писал, я думаю, не с таким количеством ошибок.

Хотя эта неувязка еще не указывала напрямую на тебя, она только говорила о том, что с похищением что-то не так, что меня – или, может быть, нас с тобой – хотят ввести в заблуждение. Но вот другой момент прямо указывал на тебя. Помнишь, подруга, ты сказала мне, что почуяла неладное, еще не войдя в дом, потому что Хаттаб лежал на тропинке, не подавая признаков жизни?

Татьяна кивнула, подтверждая.

- Так вот, выходя из дома, я действительно увидела собаку. Хаттаб поднялся на ноги и понемногу приходил в себя. Но когда я перед тем шла от калитки к дому, я его не видела: он лежал в стороне от тропинки, и его закрывали заросли прошлогодней травы. Пока он не встал, его невозможно было увидеть, значит, и ты его видеть не могла.

Татьяна недовольно хмыкнула, но вид при этом имела несколько уязвленный.

Щелкнул, выключившись, чайник. Надежда Николаевна налила две чашки, достала сахарницу, вазочку с вареньем и продолжила:

- Но это, конечно, не главное. Основная твоя ошибка была в другом. Ты позвонила мне, изображая крайнее смятение, просила немедленно приехать. Надо понимать, что ты звонила из дома, сразу же как только узнала о похищении мужа и прочла записку похитителей?

- Ну да, – подтвердила Татьяна, не понимая, к чему клонит Надежда Николаевна.

- Однако первое, что я увидела, придя к вам домой, – это перерезанный телефонный провод.

- Ты слишком много внимания обращаешь на всякие мелочи! – прошипела Татьяна. – Ты слишком много думаешь и анализируешь!

- Если бы я не думала, мы никогда не нашли бы разработку! – повысила голос Надежда.

- Не ори! – зло оборвала ее Татьяна. – Никто не услышит. Мы здесь одни. Отдай мне бумаги, и я уйду, не причинив никому вреда.

- Зачем ты это сделала, Таня? – грустно спросила Надежда.

- Ты еще спрашиваешь? Ты, которая видела его, еще спрашиваешь? – Татьяна сама кричала, хотя только что запретила это Надежде. – Ведь если не увезти его немедленно из этой страны, он просто умрет здесь, в полной неизвестности! Ты не представляешь, что было с ним, когда не было работы! Он маялся, я просто физически чувствовала, что он умирает! Еще немножко, и он начал бы пить! А ты представляешь, что значит алкоголь для его головы!

- Представляю, – еле слышно вымолвила Надежда.

- Он работал, вкладывал в разработку все силы и душу, и что оказалось? Его трудом норовят воспользоваться все кому не лень! А к нему еще предъявляют претензии! Нет уж! Раз так, то я сама сумею защитить дело своего мужа! У меня еще остались верные друзья.

Ты себе не представляешь, сколько летчиков-испытателей осталось нынче не у дел!

Татьяна отошла в сторону от стола, прихватив с собой пистолет.

- Ответь мне только на один вопрос. - Надежда поглядела в ее абсолютно спокойные глаза. - Он знал?

Павел знает о том, что ты задумала?

- Нет, - Татьяна отвела глаза, - он ничего не знает. Я и сама не знала до тех пор, пока...

- Пока я не нашла документы? - догадалась Надежда. - Только тогда тебе пришла мысль повернуть все по-другому?

- Ты не представляешь, как я его люблю, - твердо сказала Татьяна. - Я знаю, что спасти его можно только так. Его ведь приглашали работать за границу, но эти сволочи сказали мне, что не выпустят его до смерти, - видите ли, слишком во многих секретных разработках он участвовал! А сами торгуют этими секретами направо и налево! Мы уедем, и там его будут лечить. Может быть, даже сделают операцию и он сможет ходить. А если нет - все равно, там жизнь инвалида не ограничена стенами собственного дома!

- А ты уверена, что он, когда узнает, одобрит это? - спросила Надежда.

- Я уверена только в том, что не отступлю. - Татьяна навела пистолет на Надежду. - Ты права, не было никаких бандитов, Алису же я только что вывела из игры. Так что не сомневайся, выдержи у меня хватит.

- А совести? - совсем тихо проговорила Надежда и, не дождавшись ответа, продолжала:

- Ладно, я согласна. Чтобы ты не брала лишний грех на душу. И еще ради Павла.

Она выдвинула ящик кухонного стола и вытащила прикрепленный снизу скотчем конверт.

- Прощай! - Она положила конверт на стол. - Мужу передай, что я желаю ему удачи...

Когда дверь за Татьяной захлопнулась, Надежда опустилась на стул совершенно без сил. Она закрыла лицо руками и просидела так бездумно до тех пор, пока что-то увесистое и мягкое не прыгнуло ей на колени. Кот потерся о ее лицо пушистой щекой и с негодованием отскочил: щека его стала мокрой.

* * *

Прошла весна, а следом и лето промелькнуло, как всегда, очень быстро. В начале октября у Сан Саныча был день рождения. Собрались только самые близкие друзья, так и то набралось гостей двенадцать человек, и в крошечной квартирке стало тесно.

Все было отлично: и тесто вовремя поднялось, и жаркое не подгорело, и заварной крем для «Наполеона» получился отличный. Гости ели и нахваливали хозяйку.

Надежда убирала посуду и заваривала чай на кухне.

В голове слегка шумело от усталости и выпитого шампанского. Настроение было отличным.

- «Чуть седой, как серебряный сокол, - запела она тихонько, - он стоит, принимая парад. Сколько стоил ему па-па-па-па...»

- Надежда! - Оказалось, в дверях кухни стоит самый близкий друг мужа Паша Соболев и слушает ее пение. - Надежда, откуда ты знаешь эту песню?

- Что? - переспросила Надежда, чтобы оттянуть время. - Да просто слышала когда-то.

- От кого? - требовательно спрашивал Паша, то есть Павел Петрович Соболев, профессор и доктор технических наук.

- Слушай, ну что ты пристал? - отбивалась Надежда. - Это Вертинского песня, могла же я ее слышать по радио, допустим?

- В принципе могла, - ответил Паша, - но все дело в том, что Вертинский пел эту песню несколько на другой мотив. А так пел ее только один человек - Пашка Грибов, мой тезка и очень старый приятель.

Мы с ним лет пятнадцать назад познакомились в Казахстане на испытаниях.

Надежда сообразила, что Павел Петрович Соболев был разработчиком электронного и навигационного оборудования для самолетов, стало быть, вполне мог знать Грибова.

«Не мир узок, а слой тонок!» - вспомнилась известная поговорка.

- Ну так, Надежда, когда ты видела Грибова? - не отставал Павел Петрович.

- А ты? Ты давно с ним не встречался?

- В том-то и дело, что давно, - вздохнул Паша. - Работа, знаешь, потом командировки... Звонил как-то - телефон не отвечает. А тут с месяц назад в августе проезжаю на машине в районе Парголово и вдруг узнаю - да это же Пашин дом! Дай, думаю, зайду.

Стучу, долго не открывали, выходит наконец мужик какой-то незнакомый, говорит, что знает не знает никаких Грибовых. И чтобы я уходил подобру-поздорову, не то он собаку спустит. А собака-то их, грибовская, Хаттаб! Меня узнал и не лает. Мужик видит, что я и правда знакомый, тогда и говорит, что уехали, мол, Грибовы, а куда - он не знает. И адреса не оставили.

Так скажи, Надежда, что ты про них знаешь?

- Надеюсь, у них все хорошо, - медленно проговорила Надежда, - а больше ни о чем не спрашивай...

- Надежда, брось ты свою посуду! - недовольно сказал ворвавшийся в кухню муж. - Там гости ждут!

Павел, идем!

- Нет, подожди! - заговорил было Павел, но поймал выразительный Надеждин взгляд и ушел.

Надежда выключила кран, вытерла руки и открыла форточку. Со шкафа, из-за коробки из-под кухонного комбайна послышалось чиханье - там Бейсик спасался от слишком любвеобильных гостей. Выглянув вниз, кот убедился, что в кухне нет никого подозрительного, и тяжело спрыгнул на пол.

- Хорошо, Бейсик, что ты не умеешь разговаривать, а то разболтал бы все мои секреты, -

обратилась к нему Надежда.

Кот сокрушенно вздохнул и сел на привычное место – возле своей миски.

mir-knigi.org